

AKADEMIA PODLASKA W SIEDLCACH
INSTYTUT FILOLOGII POLSKIEJ
KOMISJA SŁOWOTWÓRSTWA
PRZY MIĘDZYNARODOWYM KOMITECIE SŁAWISTÓW

Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich

Redakcja naukowa
ELENA KORIAKOWCEWA

WYDAWNICTWO AKADEMII PODLASKIEJ
SIEDLCE 2009

Recenzenci: prof. zw. dr hab. Krystyna Kleszczowa, Uniwersytet Śląski
dr hab. Jadwiga Stawnicka, profesor Uniwersytetu Śląskiego

Komitet Wydawniczy:

Zofia Chyra-Rolicz (przewodnicząca), Stanisław Jaczyński, Mirosław Jakubiak, Iwona Kiersztyn, Marek Kucharski, Ryszard Mojak, Ryszard Rosa, Janina Skrzyczyńska, Stanisław Socha, Janusz Toruński, Izabela Trzpił, Janusz Uchmański, Hanna Wadas-Woźny, Andrzej Wiśniewski, Krystyna Wojtczuk, Kazimierz Żegnałek

Kolegium Redakcyjne:

Kierownik Działu Nauki Akademii Podlaskiej, mgr Ewa Bańkowska,
Doc. PhD Ivana Bozděchová (Uniwersytet Karola, Praga, Czechy),
Prof., dr hab. Irena Stramljič-Breznik (Uniwersytet w Mariboru, Słowenia),
Kierownik Wydawnictwa Akademii Podlaskiej, mgr Anna Suprun.

Żaden fragment tej publikacji nie może być reprodukowany, umieszczany w systemach przechowywania informacji lub przekazywany w jakiegokolwiek formie – elektronicznej, mechanicznej, fotokopii czy innych reprodukcji – bez zgody posiadacza praw autorskich.

Korekta autorska

© Copyright by Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, Siedlce 2009

ISBN 978-83-7051-532-4

Wydawnictwo Akademii Podlaskiej
08-110 Siedlce, ul. Bema 1, tel. (025) 643 15 20
e-mail: wydawnictwo@ap.siedlce.pl
www.wydawnictwo.ap.siedlce.pl

Wyd. I. Format B-5.
Ark. wyd. 14,0. Ark. druk 13,3.

Łamanie: Zofia Chudek (Wydawnictwo AP)

Druk: ELPIL, Siedlce

Spis treści

Wstęp	5
Krystyna Waszakowa – Internacjonalizacja polskiej leksyki – stan obecny, prognozy na najbliższą przyszłość	11
Galina P. Neszczymienko – Заимствования vs. интернационализмы в современной вербальной коммуникации	29
Jevgienija A. Karpilovskaja – Интернационализация явная и скрытая в современном украинском лексиконе	43
Ivana Bozděchová – Projevy internacionalizace v současné české odborné komunikaci, zejména lékařské	53
Natalia Avina – Проявление интернационализации в русском языке в ситуации этнокультурного взаимодействия	63
Cvetanka Avramova – Прояви на интернационализация в словообразуването на българския книжовен език на границата между две хилядолетия	77
Renate Belentschikow – Вопросы лексикографической кодификации англицизмов	89
Nina F. Klymenko – Национально-языковые особенности освоения интернационализмов (на материале современного украинского и новогреческого языков)	99
Aleksander A. Łukaszaniec – Працэсы інтэрнацыяналізацыі ў беларускай мове канца XX – пачатку XXI стст.	109
Jelena G. Łukaszaniec – Заимствование в социолектах: источники, пути, функции иноязычных слов	123

Aleksander V. Petrov, Luiza A. Petrova – Деривационная активность общеупотребительных заимствованных слов в русском и украинском языках	137
Larisa V. Racyburskaja – Тенденция к интернационализации в деривационных процессах современного русского языка	155
Irena Stramljič-Breznik – Hibridizacija novejših slovenskih tvorjenk ..	165
Elena I. Koriakowcewa – Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса	179
Ewa Bańkowska – O współpracy naukowej Akademii Podlaskiej w ramach programu LLP/Erasmus	201
Informacja o autorach i recenzentach tomu	203

Wstęp

W dniu 27.02.2009 roku po raz pierwszy w historii Akademii Podlaskiej odbyło się międzynarodowe internetowe seminarium naukowe. Zorganizowane zostało przez Pracownię Lingwistyki Porównawczej Instytutu Filologii Polskiej AP, Komisję Słowotwórczą przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów oraz Dział Nauki i Współpracy z Zagranicą AP. Pomoc techniczną zapewnił Ośrodek Zarządzania Siecią Komputerową AP. Seminarium było poświęcone refleksji nad przejawami internacjonalizacji w językach słowiańskich. W niniejszym tomie umieszczone zostały referaty wygłoszone na tym właśnie seminarium, a także wcześniej zgłoszone, ale nie wygłoszone ze względu na brak połączenia.

Prezentowany zbiór rysuje obraz procesu internacjonalizacji, jaki zachodzi we współczesnych językach słowiańskich, przy czym zdecydowana większość prac dotyczy zjawisk słowotwórczych i leksykalnych. Układ zamieszczonych w tomie artykułów, wprowadzających do ogólnej dyskusji, odzwierciedla kolejność wystąpień na seminarium internetowym. Z kolei teksty uczestników seminarium (w większości członków Komisji Słowotwórstwa przy MKS), którzy zabierali głos w dyskusji, zostały uszeregowane alfabetycznie: według pierwszej litery nazwiska autora.

Całość otwiera artykuł Krystyny Waszakowej (Instytut Języka Polskiego, Uniwersytet Warszawski), zatytułowany *Internacjonalizacja polskiej leksyki – stan obecny, prognozy na najbliższą przyszłość*. W jego wstępnych partiach znajduje się ważna informacja, że obecnie „internacjonalizacja jest rozumiana przede wszystkim jako żywa tendencja językowa, której wyrazem są zachodzące we wszystkich językach słowiańskich dynamiczne procesy związane z przyswajaniem przez te języki leksemów obcych, w dużej części funkcjonujących w międzynarodowym obiegu”. Praca przynosi omówienie najbardziej charakterystycznych przejawów internacjonalizacji we współczesnej polszczyźnie. W syntetycznym podsumowaniu mowa jest m.in. o tym, jak ekspansja obcych struktur wpłynęła na system słowotwórczy polszczyzny, a także o pozajęzykowych przyczynach intensywnej internacjonalizacji polskiej leksyki.

Przedmiotem rozważań Galiny P. Nieszczymento (Instytut Słowianoznawstwa, Rosyjska Akademia Nauk, Moskwa) w artykule *Заимствования vs. интернационализмы в современной вербальной коммуникации* jest nie tylko relacja między zapożyczeniami a internacjonalizmami, ale też

ogólniejszy problem: pochodności i motywacji wyrazów zapożyczonych oraz ich miejsca w opisie systemów słotwórczych języka rosyjskiego i czeskiego, jak również zagadnienie złożoności zjawiska zapożyczenia w językach słowiańskich.

Problematyce internacjonalizacji jawnej i ukrytej we współczesnym języku ukraińskim poświęcony jest artykuł *Интернационализация явная и скрытая в современном украинском лексиконе* Jevgeniji A. Karpilovskiej (Instytut Językoznawstwa im. A.A. Potebni Nacjonalna Akademia Nauk Ukrainy, Kijów). Zastanawiając się nad zjawiskiem ukrytych kalk, będących wyrażeniami internacjonalnymi, autorka postuluje rozważenie zagadnienia kalk w aspekcie słotwórstwa porównawczego i kognitywnego.

Ivana Bozděchová (Uniwersytet Karola, Praga) w pracy zatytułowanej *Projevy internacionalizace v současné české odborné komunikaci, zejména lékařské* analizuje przejawy internacjonalizacji we współczesnej czeskiej komunikacji zawodowej, zwłaszcza lekarskiej. Zdaniem autorki, jedną z charakterystycznych cech tej środowiskowej odmiany języka czeskiego jest dynamiczny przyrost wyrazów pochodzenia angielskiego, a także złożzeń o charakterze międzynarodowym.

W artykule *Проявление интернационализации в русском языке в ситуации этнокультурного взаимодействия* Natalia Avina (Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny w Wilnie) bada przejawy internacjonalizacji w języku rosyjskim w sytuacji relacji etnokulturowych, zwracając uwagę na aktywność leksyki internacjonalnej, zmiany semantyczne w jej obrębie, a także złożone procesy powstawania hybryd.

Cvetanka Avramova (Uniwersytet im. św. Klemensa Ochrydzkiego w Sofii) w wypowiedzi zatytułowanej *Прояви на интернационализация в словообразуването на българския книжовен език на границата между две хилядолетия* rozpatrując szereg przejawów internacjonalizacji bułgarskiego słotwórstwa z przełomu XX i XXI wieku, dowodzi, że internacjonalizacja wyraża się przede wszystkim w aktywizacji prefiksacji nominalnej i afiksoidacji oraz w tworzeniu licznych compositów od podstaw obcych.

W artykule *Вопросы лексикографической кодификации англицизмов* Renate Belentschikow (Uniwersytet im. Otto von Guericke, Magdeburg) znajdujemy omówienie szeregu ważnych problemów kodyfikacji leksykograficznej anglicyzmów w języku rosyjskim, m.in. kwestii dotyczących wariantów ortoepicznych i ortograficznych, a także charakterystyki gramatycznej anglicyzmów.

Tematem pracy *Национально-языковые особенности освоения интернационализмов (на материале современного украинского и новогреческого языков)* Niny F. Kłymenko (Państwowy Uniwersytet im. T.G. Szewczenki w Kijowie) są sposoby przyswajania internacjonalizmów

we współczesnym języku ukraińskim i nowogreckim. Korzystając z bogatych źródeł materiałowych, autorka wskazuje na różne stadia adaptacji zapożyczeń, analizuje też ich funkcje.

Aleksander A. Łukaszaniec (Instytut Białoruskiego Języka i Literatury Nacjonalnej Akademii Nauk Białorusi w Mińsku) w studium zatytułowanym *Працэсы інтэрнацыяналізацыі ў беларускай мове канца XX – пачатку XXI стст.* pisze o procesach internacjonalizacji w najnowszej warstwie języka białoruskiego. Dowodzi, że tendencja do internacjonalizacji w języku białoruskim sprzężona jest z tendencją do nacjonalizacji – przejawia się to zwłaszcza we włączaniu zapożyczonych wyrazów do systemu słowotwórczego języka białoruskiego, w charakterze baz słowotwórczych, w przejmowaniu obcych morfemów pełniących funkcje formantów oraz w modyfikowaniu znaczeń i form internacjonalizmów.

Bogato ilustrowany licznymi przykładami artykuł *Заимствование в социолектах: источники, пути, функции иноязычных слов* Eleny G. Łukaszaniec (Białoruski Uniwersytet Lingwistyczny w Mińsku) cechuje szerokie spektrum poruszanych problemów – mowa w nim o źródłach, sposobach i funkcjach zapożyczeń w socjolektach.

Luiza A. Petrova i Aleksander V. Petrov z Taurydzkiego Uniwersytetu Państwowego im. V.I. Vernadskiego w Symferopolu na Ukrainie w pracy *Деривационная активность общеупотребительных заимствованных слов в русском и украинском языках* badają aktywność słowotwórczą dawno zapożyczonych do języka rosyjskiego i ukraińskiego słów z różnych języków (nie tylko angielskiego). Tego typu rzeczownikowe podstawy gniazd słowotwórczych autorzy grupują w cztery kategorie semantyczne (nazwy osób, nazwy instrumentów, nazwy miejsca produkcji i usług, nazwy instytucji), następnie omawiają zmiany w poszczególnych gniazdach, mieszczących się w tych klasach, zwracając uwagę na dynamiczny wzrost roli kompozycji i abrewiacji.

Z kolei Larysa V. Racyburskaja (z Państwowego Uniwersytetu im. N.I. Łobaczewskiego w Niżnym Nowogrodzie w Rosji) w artykule *Тенденция к интернационализации в деривационных процессах современного русского языка* porusza problem internacjonalizacji morfologicznej we współczesnym języku rosyjskim; uwagę szczególną zwraca na rolę tych czynników socjalno-kulturowych, które wpływają na wzrost produktywności określonych typów i modeli słowotwórczych.

W studium *Hybridizacija novejših slovenskih tvorjenk* Irena Stramljič Breznik (Uniwersytet w Mariboru, Słowenia) przedstawia złożony charakter internacjonalizacji w języku słoweńskim. Jej badania poszczególnych derywatów, charakterystycznych dla niestandardowego i nacechowanego emocjonalnie młodzieżowego języka Internetu oraz dla okazjonalnych tekstów publicystycznych, wskazują na hybrydyzację współczesnej leksyki słoweń-

skiej. Autorka wyodrębnia trzy tendencje w procesie powstawania derywatów: (1) elementy zapożyczone są adaptowane do reguł derywacyjnych języka słoweńskiego, (2) elementy rodzime są łączone według wzorców języka obcego, (3) biorące udział w tworzeniu nowych leksemów zawierających elementy obcojęzyczne tematy słotwórcze ulegają skróceniu.

Rozważania Eleny Koriakowcewej (Akademia Podlaska, Polska) w artykule *Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса* dotyczą oglądanego w perspektywie współczesnej i historycznej zagadnienia statusu zapożyczeń z formantami internacjonalnymi i ogólnosłowiańskimi w systemie słotwórczym. Odwołując się do licznych przykładów (zaczepniętych z różnych języków), autorka dowodzi zasadności wydzielenia w językach słowiańskich dwóch podsystemów słotwórczych: rodzimego i obcego.

Prezentowany tom prac pt. „Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich” cechuje spójność tematyczna; zawarte w nim artykuły zasadniczo dotyczą tego samego problemu, przy czym każdy z nich ukazuje go w nieco innej perspektywie, w różnym zakresie i na odmiennym materiale. Tom ten stanowi kolejne ogniwo w cyklu podejmowanych dotychczas zadań naukowej współpracy Komisji Słotwórstwa przy MKS z ośrodkami slawistycznymi różnych krajów. Teksty poddane pod dyskusję naukową zostały pomyślane jako kontynuacja rozważań na temat *Wyraz motywowany w leksykalnym systemie języka*, rozpoczętych na konferencji Komisji Słotwórstwa przy MKS, która odbyła się w Bratysławie w 2004 roku.

Warto w tym miejscu poinformować Czytelnika, że efektem dotychczasowej pracy Komisji Słotwórstwa przy MKS, której członkowie wzięli udział w międzynarodowym internetowym seminarium na temat internacjonalizacji w językach słowiańskich, są publikacje:

- *Neue Wege der slavistischen Wortbildungsforschung*. 2. Tagung der Internationalen Kommission für Slawische Wortbildung, Magdeburg, 09-11.10.1997. Herausgegeben von Renate Belentschikow (Hrsg.). Frankfurt am Main 1999;
- *Wortbildung interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand*. Словообразование в его отношениях к другим сферам языка. Materialien der 3. Konferenz der Kommission für Slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee, Innsbruck, 27.09-02.10.1999. Herausgegeben von Ingeborg Ohnheiser. Innsbruck 2000;
- *Słotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Materiały z 4 konferencji Komisji Słotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów. Katowice 27–29 września 2000 r. Red. Krystyna Kleszczowa, Ludwig Selimski. Katowice 2001;

- *Slawische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik* (Materialien der 5. Internationale Konferenz der Kommission für Slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee. Lutherstadt Wittenberg, 20.-25. September 2001), Herausgegeben von Swetlana Mengel, LIT-Verlag, Münster–Hamburg–Berlin–London, 2002;
- *Праблемы тэорыі і гісторыі славянскага словаўтварэння*. Доклады Шостага Міжнароднага канферэнцы Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск/ Беларусь 2-6 сакавіка 2003 г.). Рэд. А.А. Лукашанец, З.А. Харытончык. Мінск, 2004;
- *Функцыянальныя аспекты словаўтварэння*. Доклады Міжнароднага IX навуковага канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў. Мінск/Беларусь 9-14 кастрычніка 2006. Рэд. А.А. Лукашанец, З.А. Харытончык. Мінск, 2006;
- *Sprachliche Kategorien und die Slawische Wortbildung*. 8. Tagung der Internationalen Kommission für Slawische Wortbildung, Berlin, 13-18.11.2005. Herausgegeben von Hanna Burchardt und Alicja Nagórko. Hildesheim – Zürich – New York 2007;
- *Динаміка та стабільнасць лексичных і словотвірних систем слов'янських мов*. Доповіді: Тематичний блок на XIV Міжнародний з'їзд славістів, 10.09-16.09.2008. Охрид, Республіка Македонія. Ред. Є.А. Карпіловська. Київ, Український комітет славістів etc., 2008;
- *Словообразуване и лексикология*. Доклади от Десета международна конференция на Комисията по славянско словообразуване при Международния комитет на слаvistите. София, 1-6 октомври 2007 г. Ред. В. Радева, Ц. Аврамова, Ю. Балтова. Университетско издателство «Св. Климент Охридски». София, 2009.

Niniejsza publikacja mogła się ukazać dzięki życzliwemu wsparciu władz Akademii Podlaskiej, mianowicie Prorektora ds. Nauki Akademii Podlaskiej, prof. dra hab. Kazimierza Jankowskiego, Prorektora ds. Promocji AP, prof. dr hab. Tamary Zacharuk i Dziekana Wydziału Humanistycznego, prof. dra hab. Jerzego Kunikowskiego, którym winna jestem szczególną wdzięczność.

Serdecznie dziękuję Paniom Recezentkom: Profesor dr hab. Krystynie Kleszczowej i Profesor dr hab. Jadwidze Stawnickiej za ich cenne uwagi i sugestie, które pomogły w nadaniu publikacji ostatecznego kształtu.

Elena Koriakowcewa

Krystyna Waszakowa

Internacjonalizacja polskiej leksyki – stan obecny, prognozy na najbliższą przyszłość

1. Uwagi wstępne

O internacjonalizacji jako charakterystycznym dla przełomu XX i XXI w. zjawisku występującym we wszystkich językach słowiańskich napisano pokaźną liczbę prac¹. Bogaty zestaw opracowań niniejszego zagadnienia nie oznacza bynajmniej, iż temat został wyczerpany. Procesy internacjonalizacji są ciągle żywe, więcej – dynamiczne, o czym świadczą przede wszystkim zmiany leksykalno-słowotwórcze dokonujące się w tych językach. Najbardziej widoczne przejawy obserwowanej w nich tendencji do internacjonalizacji można ująć w następujących ogólnych kategoriach zjawisk:

- a) intensywne zapożyczanie obcych (głównie anglo-amerykańskich) wyrażen o zasięgu międzynarodowym²,
- b) ich szybka adaptacja w języku zapożyczającym,
- c) oddziaływanie zapożyczeń na język zapożyczający w różnych jego podsystemach (zwłaszcza w warstwie leksykalnej i słowotwórczej),
- d) wpływ internacjonalizmów na przeobrażenia o wymiarze kulturowym.

We wprowadzeniu do rozdziału 2. w tomie „Słowotwórstwo/Nominacja” [2003, 47]³, czytamy, że internacjonalizacja jest jedną z głównych tendencji rozwojowych w językach słowiańskich (i nie tylko słowiańskich), która istotnie wpływa na szereg innych tendencji, np. systemowych i typolo-

¹ Przytoczę tu jedynie parę przykładowych pozycji z długiej listy tego typu opracowań (w każdym z nich podana jest literatura szczegółowa), por. Internacjonalizacja 1999, Internationalismen 2003, Internacjonalizmy 2003, Słowotwórstwo/Nominacja 2003, Waszakowa 2005.

² Niektórzy badacze uważają, że dzisiejsze rozumienie pojęcia *internacjonalizm*, które jest odnoszone przede wszystkim do współcześnie rozpowszechnionych przez media wyrazów o angielskim, w rzeczywistości amerykańskim rodowodzie, pozwala mówić raczej o anglo-amerykanizacji języków europejskich jako całości niż ich internacjonalizacji.

³ W rozdziale tym omawiane są przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich, z podziałem ich na trzy grupy: języki wschodniosłowiańskie, zachodniosłowiańskie i południowsłowiańskie.

gicznych, a także pragmatycznych⁴. O internacjonalizacji mówi się dziś, że jest bardzo złożonym procesem, którego przejawy uwidaczniają się na poziomie systemu słowotwórczego i leksykalnego tych języków, a także na poziomie realizacji tych systemów w tekstach [Ohnheiser 2003]. Jednocześnie zwraca się uwagę, że adaptacja i integracja internacjonalizmów w językach słowiańskich sprzyja takiej unifikacji, która wywołuje niepokój o zachowanie ich narodowej tożsamości⁵.

Należy zaznaczyć, że w najnowszej literaturze przedmiotu *internacjonalizacja* nie jest utożsamiana z procesem polegającym na nasycaniu danego języka internacjonalizmami w ich wcześniejszym znaczeniu, czyli leksemami powtarzającymi się w trzech językach, reprezentujących różne rodziny językowe⁶. Mówiąc o widocznej w językach słowiańskich tendencji do internacjonalizacji, badacze mają na uwadze zarówno zachodzące współcześnie dynamiczne procesy związane z przyswajaniem przez te języki leksemów obcych, w dużej części funkcjonujących w międzynarodowym obiegu, jak i rezultaty tych procesów.

Integracyjna rola internacjonalizacji wiąże się ze znaczną intensyfikacją kontaktów międzynarodowych, z ciągłymi procesami integracji politycznej i ekonomicznej, z szybką wymianą informacji, z nasileniem kontaktów naukowych i kulturalnych.

W niniejszej wypowiedzi skupię się na pokazaniu tak rozumianej tendencji do internacjonalizacji w polszczyźnie; przedstawię najbardziej charakterystyczne jej przejawy w ramach wskazanych wyżej ogólnych kategoriach zjawisk.

2. Zapożyczanie obcych wyrażeń o zasięgu międzynarodowym; stopnie ich adaptacji we współczesnej polszczyźnie

Wyrazem umiędzynarodowienia słownictwa współczesnej polszczyzny jest intensywne przejmowanie zapożyczeń, głównie anglo-amerykańskich. Podobnie jak w innych językach słowiańskich wynika ono przede wszystkim z szeroko rozumianych potrzeb jej wzbogacania w związku z dynamicznymi zmianami rzeczywistości.

Internacjonalizacji sprzyjają współczesne media, zwłaszcza Internet; łatwość dostępu do nich czyni je „przedmiotami codziennego użytku” – jako takie traktowane są jako coś swojskiego, nie obcego.

⁴ Warto przypomnieć, że wcześniej, polska badaczka, Danuta Buttler przedstawiała internacjonalizację jako jedną z trzech najogólniejszych tendencji ewolucyjnych, działających w zasobie słownym powojennej polszczyzny (obok terminologizacji elementów słownictwa potocznego i determinologizacji nazw specjalnych oraz unifikacji słownikowej różnych odmian polszczyzny) – por. Buttler 1981, 207.

⁵ Por. Rozważania na temat tendencji do nacjonalizacji w tomie *Słowotwórstwo/Nominacja* 2003, rozdz. 3.

⁶ Takie rozumienie przyjęte było za V. Akulenką (por. Акуненко 1980).

Czas adaptacji pożyczek jest dziś stosunkowo krótki. Wpływają na to: potrzeba szybkiej wymiany aktualnych informacji, tempo życia i związany z nim pośpiech, także ten towarzyszący przekazywaniu informacji. W tym kontekście może zdziwić fakt, że jednak zdecydowana większość nowych zapożyczeń w jakimś stopniu przystosowuje się do języka polskiego. Skala adaptacji jest znaczna: jeden jej biegun wyznaczają jednostki pod żadnym względem nie dostosowane do polszczyzny, nawet nie zaadaptowane fleksyjnie, drugi – struktury, wokół których powstały bogate gniazda słowotwórcze.

Wyrażenia zupełnie nie przystosowujące się do polszczyzny (zwłaszcza jej fleksyjnego charakteru), określane mianem *wtrętów*, są stosunkowo nieliczne (co nie znaczy, że mało rozpowszechnione). Zwykle zachowują oryginalną pisownię i sposób wymowy, por. *jacuzzi* [wym. dżakuzi]⁷, *security* [wym. sekjuerity], *sushi* [wym. susi lub suszi], *trendy* [wym. trendi lub trendy], zapożyczone skróty typu *DVD* [wym. di-vi-di] – od *Digital Video Disc* // *Digital Versatile Disc*, a także wyrażenia w rodzaju *pro-life* [prołajf], *political correctness*, *political fiction*.

Nieodmienność, czasem idąca w parze z egzotyczną postacią tego typu pożyczek, wcale nie musi oznaczać ich „nieprzydatności” słowotwórczej. Bywa, że stają się one podstawami derywatów tworzonych przy udziale środków rodzimych. Por. struktury typu *sushiarnia* // *sushi-arnia*⁸ czy powstałe od wyrażenia *trendy* formacje *trendowy*, *trendowiec*, *trendowa*, *trendówka*, *trendować (się)*⁹. Charakterystyczne pod tym względem są też funkcjonujące w polszczyźnie środowiskowej formacje typu *debeściak* (utworzone od ang. *the best*) czy *kulerski* (z ang. *cool*).

Niektóre zapożyczenia poddają się polskiej fleksji (można rzec, z konieczności gramatycznej), zachowując swoiste cechy fonetyczne i/lub ortograficzne. Tego typu „obcość” jest właściwa np. rzeczownikom takim, jak: *dready* [wym. dredy], *freestyle* [wym. fristajl], *mainstream* [wym. meinstri:m], *news* [wym. ńjus], *roaming* [rouming], *squash* [wym. skłosz]. Od takich wyrażeń zwykle tworzone są (też bardziej ze względów gramatycznych niż słowotwórczych) odpowiednie przymiotniki, por. *dreadowy*, *freestyłowy*, *mainstreamowy*, *newsowy*, *roamingowy*, *squashowy*.

⁷ W nawiasie kwadratowym podaję jedynie przybliżony sposób wymowy zapożyczeń; samogłoski zapisane tłustym drukiem są akcentowane. W wypadkach, gdy jest to możliwe, korzystam z *Wielkiego słownika wyrazów obcych PWN* (por. WSOrt.), a także ze słownika Collinsa (por. CCED).

⁸ Por. przykładowe konteksty z Internetu: „Jest salon czekolady (stoiska Godivy, Leonidasa, Patchi i innych), słodczowo-herbaciane, piekarnie, małe knajpki (lodziarnia, pizzeria, sushi-arnia)”. Cytaty, przy których nie podaję źródła, wyselekcjonowałam spośród bardzo licznych kontekstów, jakie znalazłam w Internecie za pomocą wyszukiwarki Google. Przy kontekstach wyekscerpowanych z prasy podaję adres.

⁹ Por. „Klasyyczny but damski trendówka, numer jeden tego lata, bardzo wygodny, idealnie pasuje do „letniego stylu trendy”. W nich na pewno wyróżnisz się z tłumu”. (O wyrażeniu *numer jeden* będzie mowa w dalszej części pracy).

Adaptacja fleksyjna wydaje się czymś oczywistym w odniesieniu do grupy zapożyczeń, które ortograficznie nie wyróżniają się na tle zasobu leksykalnego polszczyzny, np. takich jak *blog*, *cursor*, *market*, *poster*, *skaner*, *toner*. Fleksyjnie przyswojone są także ogólnie używane skróty typu SMS [wym. *esemes*] z ang. *Short Message Service*), *VAT* (z ang. *value added tax*). Notabene, oba stały się podstawą gniazd słowotwórczych, por. derywaty: *SMS-owy*, *SMS-ować* // *esemesowy*, *esemesować*, a także *esemesik*, *esemesek*, *esemesiarz*, *esemesiara*, *esemesiarka*, *esemesiak*, *esemesnik*; *VAT-owski* // *vatowski*, *VAT-ować* / *vatować*, *VAT-gate*.

Inne z tego typu pożyczek, choć obce „z wyglądu”, ulegają silniejszej adaptacji, gdyż stają się podstawami derywatów słowotwórczych, a nawet gniazd słowotwórczych. Np. występujący w trzech postaciach wariantywnych wyraz *i-mail* // *e-mail* // *mail*¹⁰ skupia wokół siebie następujące struktury: *e-mailowy* // *mailowy*, *mejlowo*, *e-mailować* *mailować*, *doe-mailować* // *domailować*, *namailować*, *odmailować*, *przee-mailować* // *przemailować*, *wye-mailować* *wymailować*, *zae-mailować*, *e-mailnąć* // *emailnąć*¹¹. Por. też *freestyle-owy*, *freestyle-owiec*, *squashowy*, *squashowiec*, *squashista*, *squashistka*¹².

Adaptacji słowotwórczej ulegają też zapożyczone skróty, nawet te, które zachowują obcą polszczyźnie wymowę. Znamienny pod tym względem przykład stanowi gniazdo słowotwórcze skupione wokół skrótu *PR* [wym. *pi-ar* lub *pi-jar*] od *public relations*. Por. *piarowiec* // *pijarowiec*¹³, *pijarówka*, *piarowy* // *pijarowy*, *piarowski* // *pijarowski*, *pijarować*, *zapijarować*¹⁴.

¹⁰ Forma *mail* podtrzymywana jest przez angielskie zapożyczenia typu *mailing*, *mailbombing* (obie formacje poświadczą WSOort.).

¹¹ Por. konteksty zaczerpnięte z Internetu: „Chcę się z nim spotkać ponownie, niestety do dzisiaj nie mogę się dodzwonić ani *domailować* (pewnie urlop).” / „W związku z tym możesz coś tam *namailować* do mnie.” / „[...] zwykle jestem dość zajęty i nie zawsze mogę szybko *odmailować* czy oddzwonić.” / Nawet jeśli fizycznie się nie poruszę, będę mógł przefaksować albo *przee-mailować* zdjęcie fotograficzne, mapkę dojazdową, dokument.” / „Ja też jestem wielbicielem muzyki Johna Danvera. Czy ktoś może mi *wymailować* tytuł tego filmu?” / „Jeśli chcesz do mnie *emailnąć*, to masz problem, bo nie mam internetu w domu i mam tylko darmowe konto na Onecie” (forma ta zapisywana jest również jako *eMailnąć*).

¹² Por. „Największy klub *squashowy* w Polsce zostanie otwarty w Warszawie w centrum handlowym Blue City jeszcze w tym miesiącu.” / „Ranga turnieju zobowiązywała do uczestnictwa w zawodach czołwki polskich *squashowców*... i tak też było.” / „Łokieć *squashisty* i urazy w squaszu 15.06.2003 Igor FB. Jeden z graczy poruszył temat kontuzji podczas gry w squasha”.

¹³ Por. „W Polsce pracownicy działu PR nazywani są czasami (niepoprawnie) „pijarowcami”. Mówią tak o sobie nawet sami zatrudnieni w dziale PR (Wikipedia)”.

¹⁴ Por. przykładowe konteksty z mediów: „Chodziło o *pijarowy* sukces, chodziło o pokazanie, że to rząd Donalda Tuska odniósł wspaniały sukces.” / „Badania telemetryczne, w które z taką uwagą wpatruje się pijarowska ekipa rządowa, potwierdzają stałą, wysoką popularność Platformy Obywatelskiej i samego premiera – i niskie notowania głowy państwa.” / „Czyżby kolega Darski chciał coś ściemnić? Bardzo mi odpowiada ta mała dawka demokracji. Zamiast pijarować - trochę szczerości. Dobrze nam to zrobi.” / „Urodzona „pijarówka” z filozofią życiową, że cokolwiek jest w stanie ogarnąć myślą, jest w stanie wprowadzić w czyn.” / „A że jednocześnie miała się ukazać jego książka, no to postanowił w tak nieelegancki sposób sobie ją zapijarówać”.

Wśród zaadaptowanych słowotwórczo zapożyczeń znajdują się wyrażenia o różnym stopniu asymilacji ortograficznej, fonetycznej i fleksyjnej. Różny może też być stopień ich słowotwórczego „zakotwiczenia” w polszczyźnie. Analiza bogatego materiału utwierdza w przekonaniu, że ani „obcy wygląd” zapożyczenia, ani jego nieodmienność w zasadzie nie stanowią przeszkody przy jego włączaniu do systemu słowotwórczego polszczyzny. Charakterystyczne pod tym względem są też złożenia z drugim członem obcym *-gate*, wyodrębnionym z serii zapożyczeń leksykalnych, typu *Irangate*, *Reagangate*, *Afganistangate*, dla których pierwowzorem był leksem *Watergate*. W polszczyźnie człony te nie poddały się (i chyba się już nie poddadzą) procesom asymilacji ortograficzno-fonetycznej – są zapisywane i wymawiane zgodnie z wzorem angielskim¹⁵. Właściwa wyrazistość formalna i znaczeniowa członu *-gate*, jego międzynarodowy charakter, a także duży stopień kondensacji semantycznej tego typu struktur sprawiają, że w języku mediów aktywność omawianego modelu ustabilizowała się na stosunkowo wysokim poziomie [Waszakowa 2005, 156-158]. Brak adaptacji cząstki *-gate* w polszczyźnie może dziwić również dlatego, że w derywatach tego typu obserwujemy procesy asymilacji, czym świadczą oboczności typu *Monicagate* // *Monika-gate*, *tivi-gate* // *tiwigate* // *telegate* oraz formacje utworzone na gruncie rodzimym, typu *Kulczyk-gate*, *klasztor-gate*¹⁶.

3. Internacjonalizacja znaczeń wyrażen

Do zwiększenia stopnia internacjonalizacji polskiego słownictwa przyczynia się również intensywne zapożyczanie znaczeń, głównie z języka angielskiego. Zjawisko to wpływa na system polszczyzny w różnym stopniu. Najbardziej typowe jest oddziaływanie wyrażen obcych polegające na rozszerzeniu zakresu odniesień leksemów należących do zasobu polszczyzny. Wyrazem tego typu zmian jest rozszerzenie ich łączliwości. W niektórych wypadkach prowadzą one do przeszerogowań w hierarchii znaczeń danej jednostki polisemicznej albo do uznania nowego znaczenia za homonimiczne względem dotychczasowych¹⁷.

¹⁵ W języku czeskim i słowackim człon *-gate* również zachowuje swą odrębność (por. czes. *ropagate*, słow. *plazmagate*), podczas gdy w rosyjskim i bułgarskim przyjmuje postać *-gejm*, por. ros. *кремльгейт*, bułg. *телефонгейт*, por. NSČ 1998, 2004; Бонджолова, Петкова 1999; Земская 1996/2000.

¹⁶ Neologizmy te podaję w polskiej wersji ortograficznej. Compositum *Monicagate* wiąże się z *Monika Levinsky*.

¹⁷ Jako przykład można podać sposób zapisu wyrazu *promocja* w nowym znaczeniu: ‘działalność reklamowa prowadzona po to, aby zwiększyć sprzedaż danego towaru’. W ISJP jest ono podane jako pierwsze w tym samym haśle, w którym umieszczono jeszcze cztery inne; w SWJP i USJP jest ono uznane za homonimiczne względem (*promocja* II) względem utrwalonego w polszczyźnie *promocja* I ‘nadanie tytułu naukowego doktora lub stopnia oficerskiego’.

Nie chodzi tu jednakże o jednostkowe, kreatywne przesunięcia typu: „Przetacza się przez Polskę istne tsunami laudacji i apologizacji Ryszarda Kapuścińskiego.”¹⁸; „Amerykańscy muzułmanie są odporni na wirus dżihadu i stanowią pierwszą linię naszej obrony – uspokaja były urzędnik Rady Bezpieczeństwa Narodowego” czy „Umieścili swoje nazwiska pod sklonowanymi kłamstwami”.

Mam na uwadze konteksty, w których użyto wyrażen w znaczeniu innym niż utrwalone w polszczyźnie (nie odnotowanym w jej leksykonach), choć w jakiś sposób z nim związanym. Do nie tak dawno zapożyczonych znaczeń wyrazów takich, jak *mysz* (z ang. *mouse*) ‘małe urządzenie elektroniczne połączone z komputerem, częściowo zastępujące klawiaturę’ (ISJP), *wirus* (z ang. *virus*) ‘program wprowadzony do systemu komputerowego bez wiedzy i wbrew woli użytkowników systemu, mający zdolność powielania się przez dopisywanie swojego kodu do innych programów, powodujący zakłócenia w eksploatacji komputera (ISJP) dołączają takie jak: *produkt* w znaczeniu ‘proponowana przez bank oferta korzystnego ulokowania pieniędzy lub korzystania z kredytów’¹⁹ oraz *galeria* w znaczeniu rozszerzonym w stosunku do utrwalonego w polszczyźnie: ‘miejsce, w którym wystawia się dla publiczności obrazy, rzeźby i inne dzieła sztuki’ (ISJP), bo odnoszącym się do ‘wielobranżowego domu towarowego’²⁰ Por. „Już sama nazwa *galeria*, która przyłgnęła do wielkich centrów handlowych, to niezły dowcip. W ten sposób sklepy kreuja się na miejsce, w którym trzeba bywać.” *Polityka* 16/ 2004.

Rozszerzenia znaczeń charakterystyczne są dla języka reklamy. Współczesne domy towarowe, zwane galeriami, centrami handlowymi, mallami²¹, hipermarketami itp., w swoich reklamach używają wyrażen głównie o angielskim rodowodzie, takich jak np. *festiwal kapci* (w Geancie), *festiwal kuchni włoskiej / francuskiej* (w Carrefourze), *festiwal włosów / odżywek / szamponów* – jako nazw tzw. akcji promocyjnych, organizowanych po to, aby poprzez zainteresowanie klientów określonymi towarami zwiększyć ich

¹⁸ Aktualność tego przesunięcia (i przez to jego czytelność) jest związana z częstym używaniem wyrazu *tsunami* (z jap., nieodm.) w związku z aktywnością jego niszczycielskiej siły w ostatnim czasie.

¹⁹ Por. „Naszym stałym klientom oferujemy nowe produkty finansowe: złotą kartę kredytową, lokatę progresywną [...]”; dotychczasowe słowniki nie poświadczają takiego użycia rzeczownika *produkt*, jak i czasownika *produkować* – znaczenie tego ostatniego nie jest bynajmniej paralelne w stosunku do ang. *produce*. Por. definicję w CCED: „1 to produce something means to cause it to happen” i następujący kontekst: „The drug is known to produce side-effects in women”. Również cytat podany przy zn. 4 „Scientists have produced powerful arguments against his ideas” nie może być przełożony przy użyciu czasownika *produkować*.

²⁰ Znaczenie to jako ostatnie w haśle *galerie* wraz informacją, że w liczbie mnogiej *galleries* oznacza „(wielki) magazyn handlowy, dom towarowy” podaje „Wielki słownik francusko-polski” Warszawa 1986; jest to rzadki przykład współczesnego galizmu.

²¹ Por. ang. *mall*, które słownik Collinsa objaśnia tak: „A mall is a very large enclosed shopping area” (CCED).

sprzedaż. Por. też inne tego typu *festiwal darmowych kredytów, inteligentny but, stroje imprezowe*²².

O *miękkich i twardych narkotykach, miękkiej i twardej pornografii* jako kalkach angielskich wyrażen *soft / hard drugs* i *soft / hard porn* pisałam wcześniej [Waszakowa 1997], zaznaczając, że antonimy te znaczeniowo nie odpowiadają w pełni polskiej parze *twardy / miękki*, więcej – ich użycie w odniesieniu do narkotyków i pornografii jest dalekie od ich znaczeń prototypowych: ‘nie ulegający odkształceniu przy dotykaniu, ugniataniu, zginaniu itp.’ / ‘uginający się pod naciskiem’. Zachowują one jednak więź z nimi poprzez wyrażenia typu *miękkie kroki / ruchy* zawierające element ‘lekki’ czy *miękka piłka* sport. ‘piłka lekko podana, odbita’ (nie silnie). Zwraçałam też uwagę, że „kluczem” do wyrażenia *twarde narkotyki* mogą być znane połączenia *twardy sen* ‘bardzo mocny sen’, *twardy człowiek* ‘zahartowany w trudach, nie poddający się przeciwnościom, nieustępliwy’, w których znaczeniu jest zawarty element ‘silny, mocny’²³.

Użycia obu tych przymiotników w nowych, rozszerzonych znaczeniach znajdujemy w połączeniach – głównie kalkach z języka angielskiego, takich jak *miękkie / twarde drinki*,²⁴ *miękki/ twardy kurs w polityce, umiejętności miękkie* (ang. *soft skills*), *twarde / miękkie kwalifikacje* (z ang. *soft qualifications*), *miękkie / twarde zarządzanie*, np. *firma, personelem* (z ang. *soft / hard management*). Por. konteksty:

„Przy prawie zupełnym braku głosów rozsądku w debacie publicznej na temat obrania miękkiego kursu w polityce zagranicznej wobec Kremla przez nową administrację Stanów Zjednoczonych i konsekwencji z tego wynikających.”

„Od humanisty oczekuje się umiejętności miękkich, etyki i zdolności logicznego myślenia. [...] Praca w pośrednictwie handlowym jest trudna. Wymaga odporności psychicznej, wysoko rozwiniętych umiejętności miękkich.”

„Tu liczą się głównie tzw. miękkie kwalifikacje: świeżość spojrzenia, wyćwiczony umysł, zdolności analityczne.”

„Dzięki tym dodatkowym zajęciom podnoszą swoje miękkie kwalifikacje – umiejętności społeczne i interpersonalne.”

„Inżynierowie – ich silną stroną są twarde kwalifikacje specjalistyczne, najlepiej udokumentowane doświadczeniem, udziałem w projektach. Semestr” [Magazyn Studentów 11/ 2007].

²² Od zawężonego znaczenia rzeczownika *impreza* ‘zabawa, przyjęcie, spotkanie towarzyskie’ powstały ostatnio również używane w polszczyźnie potocznej formacje *imprezka, imprezować, imprezowicz, imprezowanie*.

²³ Por. też wyrażenia *twarde słowa, obchodzić się z kimś twardo*.

²⁴ Por. definicje zamieszczone w CCED: „soft drink is a cold, non-alcoholic drink such as lemonade or fruit juice”; „If you describe someone as hard-drinking person, you mean that they frequently drink large quantities of alcohol”.

„Pracodawcy oczekują głównie tzw. kwalifikacji twardych: wiedzy i umiejętności specjalistycznych oraz doświadczenia zawodowego.”

„Wszystkie powyższe cechy i umiejętności nie są wcale związane z twardymi kwalifikacjami, takimi jak wyniki naukowe i rodzaj ukończonych studiów czy wiedzą ...”

„Zamachowcy wybrali miękkie cele [...] Podobnie jak al. Kaida wybrali miejsca, które nazywa się miękkimi. Chodzi o hotele, dworce, czyli miejsca, w których zawsze jest pełno ludzi, trudno je zabezpieczyć, a więc łatwiej zaatakować” [Metro 28-29 XI 2008].

Jak widać, nowe znaczenie obu tych przymiotników w powyższych połączeniach nie jest ostre; ich rozumienie w polszczyźnie jest silnie uzależnione od kontekstu, np. w ostatnim cytacie: *miękki cel* to cel, który łatwo zaatakować²⁵.

Z kolei to wyrażenie przywołuje często używane w języku polityków połączenie *miękkie podbrzusze* ‘słaby punkt; miejsce, które łatwo zaatakować’, por.

„Brytyjczycy natomiast uważali, że powinien to być dopiero pierwszy krok do uderzenia w „miękkie podbrzusze” Europy.”

„Północny Kaukaz – „miękkie podbrzusze” Rosji.”

„Kryzys pożyczek hipotecznych i upadek funduszy hedgingowych Bear Stearns obnażył „miękkie podbrzusze” świata finansowego.”

Przy okazji dodam, że zapożyczeniami semantycznymi są także ogólnie znane, stale obecne w mediach związki frazeologiczne w rodzaju *globalne ocieplenie* (ang. *global warming*), *księgarnia internetowa* (ang. *Internet bookshop*), *numer 1, nr 2 // numer jeden, numer dwa* (ang. *number one, number two*), por. „Jej celem nr 1 był sekretarz, ideolog i wychowawca Ki-ma, Hwang Dzang Jup, który uciekł do Seulu”. / „Nr 2 al Kaidy zabity” [tytuł notatki]; *rzeczywistość wirtualna* (ang. *virtual reality*), *świadomość globalna* (ang. *global consciousness*).

Do często dziś używanych przez polityków (i tym samym przez dziennikarzy w mediach) należą wyrażenia, których znaczenia zostały również „skopiowane” z angielskich frazeologizmów, takie jak: *pakiet akcji*, *pakiet ustaw*, *pakiet energetyczny*, *pakiet klimatyczny* w znaczeniu ‘zestaw do-

²⁵ Notabene, w wypowiedziach polityków, a także politologów często tego typu wyrażenia angielskie nie są tłumaczone na ich polskie odpowiedniki, tylko wplatanie jako wtręty w wypowiedź sformułowaną po polsku. Oto jeden z przykładów: „Wreszcie, po doświadczeniu II wojny światowej, Europejczycy nie są skorzy do szybkiego sięgania po siłę militarną ani do stosowania jej na dużą skalę. Sama Unia Europejska (wcześniej Wspólnoty) kreowała swój wizerunek jako *soft power*. [...] Co jednak tyczy Europy, to teraz, nie umniejszając w niczym owej *softness*, która jest silnym atutem UE, teraz znacząco [należy] dodać *hard power*” (Kuźniar 2005: 237-238). Być może wynika to z tego, że połączenia *miękka władza / potęga / siła* czy *lekka władza* są jeszcze mniej fortunate.

kumentów, ustaw itp.’ (ang. *packet*), *strefa euro* (ang. *euro area / Eurozone // Euro zone // Euro Zone*), *koszyk walut* (ang. *basket of currencens*) i wzorowane na nim połączenie *koszyk (gwarantowanych) świadczeń, mapa drogowa* (ang. *road map*). To ostatnie wyrażenie *mapa drogowa* w znaczeniu ‘plan działania, harmonogram’, choć formalnie wygląda bardzo swojsko, nie wykazuje żadnej motywacji semantycznej w polszczyźnie. Por. przykładowe konteksty:

„Rząd przyjął harmonogram („Mapę drogową”) wejścia Polski do strefy euro. Na tę decyzję czekaliśmy od wejścia Polski do UE.”

„Problem, jaki dostrzegamy, polega na tym, że aby „Mapa drogowa” mogła być realizowana niezbędna jest zmiana Konstytucji RP, a tym samym konieczna jest zgoda wszystkich opcji politycznych na wejście do strefy euro wg przedłożonego przez rząd harmonogramu.”

„[...] szefowie Urzędu Regulacji Energetyki, którzy przygotowali tzw. mapę drogową – dokument zawierający warunki dojścia do wolnego rynku energii dla gospodarstw domowych” [Rzeczpospolita 16/08].

Angielskie wyrażenie *road map* zostało rozpowszechnione przez media światowe w związku z amerykańskim planem utworzenia Państwa Palestyńskiego²⁶. Owszem, odpowiada ono polskiemu związkowi *mapa drogowa*, ale tylko częściowo, w znaczeniu: „1 a map showing roads especially for automobile travel” (por. „Na naszej mapie drogowej możesz wyznaczyć trasę dojazdu do dowolnego miejsca w Polsce, Europie czy na świecie”). Znaczenie drugie: „2 a: a detailed plan to guide progress toward a goal b: a detailed explanation”²⁷ ma w polszczyźnie odpowiedniki zgoła inne: *plan, szczegółowy plan działania, harmonogram, porządek*.

Używanie przez media tego wyrażenia w znaczeniu absolutnie obcym polszczyźnie, niezrozumiałym dla większości Polaków, nie tylko zakłóca komunikację, ale też jest niebezpieczne z uwagi na to, że zastępowanie nim precyzyjnych określeń może prowadzić do coraz rzadszego ich używania w tej funkcji, a z czasem nawet do wyrugowania.²⁸

²⁶ Można o tym przeczytać w Internecie (por. Konflikt palestyńsko-izraelski): „W 2000 roku następuje załamanie rozmów pokojowych i rozpoczęcie Intifady Al-Aksa. Bezpośrednim powodem jej rozpoczęcia była wizyta Ariela Sharona (izraelski premier) na Wzgórzu Świątynnym oraz zabicie palestyńskiego nastolatka przez izraelskiego snajpera. Rozpoczynają się zamieszki. Izraelczycy ostrzeliwiają Palestyńczyków, a w odwecie ekstremistyczne ugrupowania dokonują zamachów terrorystycznych. Izrael rozpoczyna budowę muru dookoła Zachodniego Brzegu Jordanu. Amerykanie ogłaszają nowy plan pokojowy, tzw. „mapę drogową”. Wojsko Izraelskie wycofuje się ze Strefy Gazy”.

²⁷ Zob. Merriam-Webster Online Dictionary (<http://www.m-w.com/dictionary/roadmap>).

²⁸ Już po napisaniu niniejszej pracy znalazłam artykuł Henryka Dudy „Mapa drogowa ‘plan, harmonogram czego’”, opublikowany w *Języku Polskim* 2/2007, s. 161-164. Oprócz wielu, zróżnicowanych przykładów, zawarta jest w nim w pełni zasadna, jednoznaczna konkluzja: „[...] przyczyną rozpowszechnienia się *mapy drogowej* nie jest brak odpowiedniego wyrazu w języku polskim, lecz nieudolność translatorska i pośpiech prac redakcyjnych. Oceniam to wyrażenie jako całkowicie zbędne i mylące w polszczyźnie”.

4. Internacjonalizacja w słowotwórstwie

Pisząc o tendencji do internacjonalizacji w polszczyźnie przełomu XX i XXI wieku, zwracałam uwagę zarówno na bogactwo i różnorodność przejawów tego zjawiska, jak i na konsekwencje, jakie ono powoduje, zwłaszcza w jej systemie słowotwórczym [Waszakowa 2005, 2007]. W tym miejscu zaprezentuję te z nich, które wydają się najbardziej charakterystyczne.

4.1. Pojawianie się dużej liczby nowych compositów w wyniku słowotwórczej adaptacji zapożyczeń

Obserwujemy stałe powiększanie się liczby tzw. seryjnych złożeń przejętych przez polszczyznę w całości, a następnie częściowo zaadaptowanych przez przetłumaczenie jednego z członów. Jako przykład tego typu zjawiska można podać bardzo dziś liczne grupy derywatów z członami *cyber-*, *e-*, *mega-*, *seks-*, *tele-* czy *narko-*. Przykładowe nowe composita tego rodzaju to: *cybergazeta*, *cyberhandel*, *cyberkonkurs*, *cyberprzestępczość*; *e-faktura*, *e-reklama*, *e-kasyno*, *e-klient*, *e-lokata*, *e-uczelnia*, *e-pieniądze*, *e-praca*; *megaimpreza*, *megaprodukcja*, *megarynek*, *megasłownik*, *megasukces*, *megatelefon*; *seksklub*, *seksmasaż*, *seksoferta*, *seksprasa*, *seksafera*, *sekspieniądze*; *telereklama*, *teleprzewodnik*, *telezakupy*, *teletekst*, *narkobiznes*, *narkogang*, *narkopieniądze*, *narkodealer*, *narkomafia*, *narkoprzemysł*, *narkoterroryzm*, *narkopajęczyna* itp.

Zauważalny jest też liczebny wzrost serii compositów z pierwszym członem *euro-* w znaczeniu ‘waluta Unii Europejskiej’, typu *eurolokata*, *eurobankomat*, *eurokurs*, *europian*. Powód jest oczywisty: dyskusja nad przyjmowaniem przez poszczególne państwa Unii waluty euro jest ciągle żywa. Por. przykładowe konteksty:

„Bez europlanu nie pojedziemy [tytuł]. Rząd powinien jak najszybciej opublikować precyzyjny plan wprowadzenia euro, by ułatwić firmom przygotowanie się do zmiany walut – uważają konsultanci Deloitte” [Gazeta Wyborcza, 27-28 IX 2008].

„Przy wprowadzaniu euro mniej zagrożone będą eurolokaty, które nie będą podlegały przewalutowaniu, ale i tak trzeba się liczyć ze wzrostem cen” [Dziennik, 1 X 2008].

Najnowsze typy reprezentują struktury z pierwszym członem *łże-* i *wiki-*²⁹. Utworzone na gruncie polszczyzny złożenia z pierwszym członem *łże-* zaczęły się pojawiać w prasie od 2006 roku, od czasu użycia przez pre-

²⁹ Piszę o nich w pracy *Composita – charakterystyczna struktura przełomu XX/XXI w.* – por. Waszakowa, w druku.

miera Jarosława Kaczyńskiego w wypowiedzi sejmowej neologizmu *łże-elita*³⁰.

Nawiązujący do rosyjskich compositów typu *Лжедмитрий* (Dymitr Samozwaniec), *лжесвидетель* (fałszywy świadek), *лжесвидетельствовать* (składać fałszywe zeznanie), *лжеучение* (pesudonauka), schemat ten obecnie stał się w pewnym zakresie dość ekspansywny jako wyrażający nieokreślone treści (m.in. takie jak ‘samozwańczy’, ‘fałszywy’, ‘zakłaman-y’). O nieostrości pojęcia świadczą wypowiedzi typu:

„Określenie „łże-elita” zyskało od razu wielką popularność, tym większą, że z początku nikt dokładnie nie wiedział, o kogo chodzi. Z pomocą przyszedł marszałek Sejmu Marek Jurek, który tłumaczył, że „częstka (łże-) oznacza tyle, co ‘pseudo’”. Czyli „łże-elity” to po prostu „pseudo-elity”. Pojęcie odnosi się do elit III RP – mówił marszałek Jurek” [Internet, Wirtualna Polska].

„Łże-elity jest to określenie powszechnie stosowane w środowisku Prawa i Sprawiedliwości. Określa ono wszystkich ludzi ujawniających swoją wyższość intelektualną nad członkami PiS-u, a co za tym idzie, mających inne poglądy i faktycznie będących wrogami narodu” [Internet, Wirtualna Polska].

W ten sposób tworzone są okazjonalne formacje o bardzo silnym ładunku wartościującym negatywnie – por. przykłady wybrane z prasy: *łże-politycy*, *łże-sondaż*, *łże-liberałowie*, *łże-liberalizm*, *łże-historia*, *łże-dziennikarz*. Sam schemat jest obcy polszczyźnie, niemniej jednak konstrukcje tego typu są czytelne – człon *łże-* jednoznacznie przywołuje ekspresywne słowo *łgać*, które, choć nieco przestarzałe, jest ogólnie znane, podobnie jak ekspresywne zwroty potoczne *łgać w żywe oczy*, *łgać jak pies*.

Warto zauważyć, że jest to rzadki współczesny przykład nawiązania do słowotwórczego modelu rosyjskiego. Dodajmy, że dopiero po zmianach 1989 roku zaznaczyła się aktywność w języku polskim dwu innych modeli powstałych na bazie zapożyczeń leksykalnych i kalk z języka rosyjskiego: 1) compositów z pierwszym członem *spec-* (por. *specgrupa*, *specustawa*, *specoddział*, *specuprawnienia*) o znaczeniu ‘mający znaczenie szczególne w znaczeniu politycznym, państwowym itp., np. używany do specjalnych zadań, odnoszący się do spraw wagi państwowej’ oraz 2) compositów z pierwszym członem *soc-* (utworzonym przez dezintegrację przymiotnika

³⁰ 17 lutego, podsumowując 100 dni rządu Kazimierza Marcinkiewicza prezes Prawa i Sprawiedliwości, Kaczyński powiedział: „Działania zmierzające do tego, by polski rynek zaczął być w końcu rynkiem konkurencyjnym tam, gdzie zwycięża nie ten, kto jest w układzie, nie ten, kto jest gotów się dzielić, tylko po prostu ten, kto dobrze gospodaruje, są prezentowane jako godzenie w demokrację, jako tej demokracji zwalczanie, jako podważanie praworządności i jako atakowanie rynku. Towarzyszy temu cała lawina, cały huragan różnego rodzaju kłamstw, pomówień. Można mówić, że w Polsce dzisiaj mamy do czynienia z triumfem insynuacji. [...] I to jest zjawisko, któremu należałoby się przyjrzeć. Przede wszystkim należałoby zapytać, kto szczególnie w nim uczestniczy? Otóż odpowiedź jest prosta, stanęła tutaj do walki w zwartym ordynku, łże-elita III Rzeczypospolitej [...] – podaję na podstawie danych z Internetu.

socjalistyczny), por. *socimperium*, *socliberalizm*, *sockomuna*, *socpaństwo*, *socpropaganda*.³¹

Z kolei composita z segmentem *wiki-* typu *Wikipedia*, *Wikimedia* rozpowszechniły się w polszczyźnie poprzez Internet. *Wikipedia* oznacza „wielojęzyczny projekt internetowej encyklopedii, działającej na zasadzie otwartej treści”; projekt ten jest oparty na oprogramowaniu, określanym jako *Wiki // WikiWiki*. Nazwa ta odnosi się zarówno do szczególnego rodzaju strony internetowej (które nie tylko można oglądać, ale i tworzyć, edytować i zmieniać bezpośrednio za pomocą przeglądarki internetowej), jak i „oprogramowania umożliwiającego wspólną pracę wielu użytkowników przy tworzeniu zawartości takich stron”. Por. inne tego typu nazwy: *Wikisłownik* („wolny słownik działający w technologii *wiki*”), *Wikicytaty*, *Wikiźródła*.

Ciągle bardzo liczny (nieporównywalnie liczniejszy od klas złożzeń z pozostałymi segmentami) jest zbiór derywatów z segmentem *euro-* w znaczeniu ‘związany z Unią Europejską’. Jego liczebność wynika na równi z czynników zewnątrzjęzycznych, jak i systemowych. Dość wspomnieć tu o wielkiej kampanii informacyjno-nakłaniającej w mediach w związku z aspiracjami Polski znalezienia się w strukturach Unii Europejskiej. Łatwości tworzenia przez analogię tego typu derywatów, odznaczających się stosunkowo krótką formą i znacznym stopniem skondensowania zawartych w nich bogatych treści sprzyjała (i sprzyja) łatwość odczytywania ich struktury (budowy), co nie musi oznaczać precyzyjnego rozumienia ukrytych w nich treści. Po wejściu Polski do UE aktywność członu *euro-* w omawianym tu znaczeniu bynajmniej nie osłabła, choć derywaty tego typu występują w prasie zdecydowanie rzadziej (mniej masowo). Nadal dominują wśród nich, utworzone na gruncie polszczyzny, nacechowane aksjologicznie, ekspresywne okazjonalizmy typu: *eurokomuch*, *euroobłąd*, *eurowróg*. Oprócz ewidentnych zapożyczeń (zaadaptowanych do polszczyzny), typu *eurobiznes*, *euroland*, *eurofarmer*, *euromenedżer*, *euro-sceptyk*, *eurostandard*, *eurożargon* w badanym zbiorze derywatów znajdują się też kalki, por. *eurobutelka*, *eurofundusz*, *euromowa*, *euroobligacja*, *europaszport*, *eurozarządzanie*³².

Intensywny rozwój informatyki i elektroniki przyczynił się do wprowadzenia na masową skalę nowego rodzaju technik zapisu i urządzeń odtwarzających. Popularną od lat 70. formę odtwarzania filmów na wideo wyparła technika zapisu na DVD. W parze z tymi przeobrażeniami idą zmiany językowe: mówimy o oglądaniu filmów na DVD, wypada mieć kino domowe z DVD. Z polskiego krajobrazu niemal całkowicie zginęły wideowypożyczalnie, wideoteki, wideokawiarnie. Seryjne złożenia z członem *wideo-*

³¹ O obu tych członach pisałam w mojej monografii (Waszakowa 2005: 159-160).

³² Neologizmy te są polskimi odpowiednikami następujących wyrażen angielskich: *Eurobottle*, *Eurofund*, *Eurospeak*, *Eurobond*, *Europass*, *Euromanagement* – struktury te podaje oxfordzki słownik neologizmów [Tulloch 1991].

w znaczeniu ‘urządzenie odtwarzające filmy’, bardzo liczne w polszczyźnie lat 80., stopniowo przechodzą do lamusa.

4.2. Łatwość tworzenia złożonych struktur hybrydalnych

Duża aktywność słowotwórstwa hybrydalnego, wyraźna przede wszystkim w łączliwości członów obcych i rodzimych, przyczyni się z pewnością do zacierania granic między tym, co rodzime, a tym, co zapożyczone (obce). Jak pisałam wcześniej [Waszakowa 2005], w grupie złożzeń nieograniczoną aktywność w tworzeniu struktur hybrydalnych wykazują zwłaszcza następujące segmenty o zasięgu międzynarodowym: **auto-** w znaczeniu ‘samo’ (*autoprzekonanie, autouczciwość*), **auto-** w zn. ‘związany z samochodem’ (*autoczęści, autoskup*), **cyber-** (*cyberwłamywacz, cyberwojna*), **eko-** (*ekojazda, ekożywność*), **eks-** (*eksksiądz, eksrzecznik*), **euro-** ← *Unia Europejska* (*eurociulacz, eurowódka*), **mega-** (*megaosiągnięcie, megawyprzedaż, megazabudowa*)³³, **mikro-** (*mikrouraz, mikrozapobieganie*), **mini-** (*miniwystawa, minizjazd*), **narko-** (*narkoprzemysł, narkowojna*), **neo-** (*neolewica, neozwiązki*), **porno-** (*pornogwiazda, pornowydawnictwo*), **pseudo-** (*pseudospółka, pseudosprawiedliwość*), **seks-** (*seksnowość, seksustawa*), **wideo-** (*wideosługa, wideowypożyczalnia*), **tele-** ← *telewizja, telewizyjny* (*teleoglądacz, teleświęta*), a także **-mania** (*spółkomania, rocznicomania, zakupomania*), **-gate** (*ropagate, wódkagate*), **-holik** i **-holizm** (*pracoholik, zakupoholik* oraz żartobliwe w rodzaju *jedzenioholik, zajęcioholik*). Ten stan trwa, bynajmniej nie tracąc na swej sile.

W przypadku sufiksacji formacje hybrydalne dość liczne występują w grupie ekspresywów, bo właśnie z wykroczeniem poza typowe cechy danego modelu słowotwórczego, w którym obcy formant wykazuje łączliwość przede wszystkim z podstawami genetycznie obcymi, wiąże się zjawisko stosunkowo łatwego osiągania ekspresji językowej. Charakterystycznym tego przykładem są powstałe na gruncie rodzimym serie okazjonalnych formacji hybrydalnych, np. utworzone od nazwisk osób ogólnie znanych z mediów (zwykle z racji sprawowania funkcji publicznych) z sufiksami *-izacja* // *-yzacja*, typu *kaczoryzacja* ← *Kaczory* (potoczne określenie braci Kaczyńskich – Lecha i Jarosława, prezydenta i szefa partii PiS), *-izm* // *-yzm* (np. *wałęsizm* ← *Wałęsa*), a także formacje prefiksalnie-sufiksalne, typu *demichniczacja* ← *Michnik*, *dewałęsyzacja* ← *Wałęsa*, *antymichnicyzm* ← *Michnik*, *antywałęsizm* ← *Wałęsa*.

W prefiksacji imiennej przedrostki obce takie jak *anty-*, *arcy-*, *ekstra-*, *hiper-*, *kontr-*, *post-*, *super-* „podtrzymują” swoją użą aktywność, łącząc się

³³ O sile ekspansji członu *mega-* świadczy rozszerzenie jego łączliwości, por. następujące teksty reklamowe: „Megazarabiające Konto Oszczędnościowe” / Sposób na olśniewające entree: porcelanowa cera i meganabłyszczący grafitowy makijaż oczu”. *Twój Styl* 1/174/2005.

również z podstawami rodzimymi, por. *antywiedza, antywładza, arcyniedowiarek, arcyzdrajca, ekstrajedzenie, ekstraślub, hiperkłamstwo, hiperoszustwo, kontrzasada, kontrnapis, postpeerel* (PRL skrót *Polska Rzeczpospolita Ludowa*), *superoszczędnościowy, superniania, superwejściówka*³⁴.

Niektóre z owych „narzuconych” lub „dobrowolnie przyjętych” obcych modeli złożzeń mają zakres ograniczony do języka w mediach, języka dyskursu politycznego lub publicznego (jak np. struktury z członem *-gate* czy *łże-*) albo do języka środowiskowego, jak np. złożenia z *cyber-*, *demo-* (typu *demokaseta, demopłyta*), *pop-* (*popgwiazda, poprock*), *top-* (*topmodelka, toplista*) czy *-fan* (*fanklub, fandyskoteka*).

5. Podsumowanie

W prowadzonych tu rozważaniach starałam się ukazać, że skutkiem tendencji do internacjonalizacji jest nie tylko ciągły przyrost słownictwa o określonych zakresach i funkcjach, ale też wyraźne zmiany w systemie leksykalnym i słowotwórczym współczesnej polszczyzny. Potwierdzają one słuszność wypowiedzianych przez badaczy opinii o wpływie zapożyczeń o anglo-amerykańskiej proveniencji na kierunek rozwoju tendencji systemowych, leżących u podstaw zmian typologicznych. Bogaty zbiór złożzeń bezafiksalnych tak zapożyczonych, jak i utworzonych na ich wzór na gruncie języka polskiego – choć niezgodnie z jej „duchem”³⁵ – pokazuje, że w większości wypadków zapożyczone schematy żyją już własnym życiem w polszczyźnie, por. *specoddział, sport-telegram, biznes-informacje, kicz-wrażliwość, telemarketing*. Konsekwencją ekspansji tego typu struktur jest zauważalny na przestrzeni ostatniego ćwierćwiecza wzrost analityzmu w słowotwórstwie języka polskiego³⁶.

Duża liczba złożzeń z członami obcymi świadczy nie tylko o ich przydatności dla użytkowników, ale i o pewnej sprawności słowotwórczej tych ostatnich. Tworzenie nowych jednostek według tego modelu pozwala w stosunkowo łatwy sposób (bez niepokoju o ewentualne alternacje tematyczne) wyrażać szeroko rozumianą ekspresję, która od dłuższego już czasu „jest w cenie”, więc ciągle potrzebuje nowych środków wyrazu, w rodzaju *mega-sprzedaż, megawidowisko, megakonkurs* czy *eurodysputa, eurozadanie, eurowzorce*.

³⁴ W klasie czasowników prefiks obcy *de-* wykazuje łączliwość z rodzimymi podstawami, ale ich zakres jest mały. Aktywność tego przedrostka jest bowiem o wiele większa w zakresie derywacji imiennej – w tworzeniu rzeczowników z sufiksem *-izacja* // *-yzacja*.

³⁵ W polszczyźnie miejsce członu określającego jest w postpozycji.

³⁶ Na marginesie dodam, że o wroście analityzmu w słowotwórstwie języka rosyjskiego wcześniej pisała Jelena Ziemska (Земская 1997: 186-193).

W compositach z segmentami typu *euro-*, *eko-*, *mega-*, *cyber-* realizujących obce schematy o dużej produktywności podział dołączanych członów na rodzime i obce nie jest tak istotny, jak ich charakterystyka z punktu widzenia: a) neutralnego vs. ekspresywnego znaczenia, por. *eurobezpieczeństwo* vs. *eurobełkot*, *ekoprodukcja* vs. *ekohisteria*, *megazabudowa* vs. *megakłęska*, *cyberprzestrzeń* vs. *cyberszaleństwo* oraz b) okazjonalnego vs. nieokazjonalnego znaczenia, por. *euronaiwność*, *eurotargowica* vs. *europoseł*, *europarlament*; *ekoterror*, *ekodebilizm* vs. *ekojedzenie*, *ekoedukacja*; *megaabsurd*, *megapasożyt* vs. *megamarket*, *megaprodukcja*; *cyberkonspira*, *cyberpodglądacz* vs. *cyberwojna*, *cyberprzestrzeń*.

W zakończeniu syntezy na temat dynamiki polskiego słowotwórstwa w okresie powojennym [Waszakowa 2001: 103] napisałam, że „polski system słowotwórczy zachowuje wprawdzie ciągle swą dynamikę, ale jakoś procesów derywacyjnych zmienia się: napór elementów i wzorów obcych powoduje słabnięcie rzeczywistych procesów derywacyjnych, takich jak tworzenie różnego typu derywatów afiksalnych (prostych i złożonych) na gruncie rodzimym”. Po uważnym przyjrzeniu się zjawisku internacjonalizacji w słowotwórstwie polszczyzny i w innych językach słowiańskich opinię tę nieco zmodyfikowałam w następujący sposób: procesy internacjonalizacji, owszem, ekspansywne, nie oddziałują na cały system słowotwórczy; w żadnym razie nie powodują słabnięcia rzeczywistych procesów derywacyjnych w ich funkcji nominacyjnej i ekspresywnej. Zaznaczyłam przy tym, że skutkiem tendencji do internacjonalizacji jest ciągły przyrost słownictwa o określonych zakresach i funkcjach. Nie ulega wątpliwości, że oddziaływanie na społeczeństwo języka mediów jest dziś bardzo silne. Niestety, język ten nie jest wzorcowy ani w warstwie brzmieniowej, ani gramatycznej, ani tym bardziej – stylistyczno-pragmatycznej [Waszakowa 2007].

Wiele zapożyczeń, początkowo funkcjonujących w wyspecjalizowanych socjolektach profesjonalnych (np. w terminologii politycznej, ekonomicznej, prawniczej, komputerowej i in.) poprzez media zostało wprowadzonych do zasobu słownikowego polszczyzny ogólnej. Jako przykłady można podać następujące derywaty: *globalny*, *globalizacja*, *haker*, *kompatybilny*, *konsensus*, *leasingowy*, *lobby*, *lobbować*, *lustracja*, *lustracyjny*, *nomenklaturowy*, *ranking*, *rankingowy*, *ubecja*, *ubruttowić*, *zalogować się*. Innym źródłem zasilania języka ogólnego jest słownictwo środowiskowe, często związane z różnymi typami tzw. kultury popularnej. Mam tu na uwadze formy typu *didżej*, *dresiarz*, *klip*, *pankowiec*, *rockman*, *spot*, *techno*.

Analiza kontekstów, w jakich pojawiły się nowe wyrażenia, ukazuje, że przejmowanie zapożyczeń w większości wypadków nie jest bezrefleksyjne. Obserwujemy wprawdzie przenoszenie do polszczyzny (bez większej „obróbki”) jednostek obcych i ich szybkie włączanie w jej „tryby” (o czym świadczy np. „odbijanie jak piłeczki” w mediach wyrażenia *mapa drogowa*

w znaczeniu ‘plan / harmonogram / działań’ czy takich, jak *miękkie kwalifikacje / zadania / umiejętności / sprawności*), ale też i efekty słowotwórczej asymilacji zapożyczeń za pomocą środków o rodzimej lub obcej proveniencji.

Nie potrzeba uważnych studiów nad językiem współczesnych mediów, aby odnotować fakt, że obecnie coraz swobodniej mówi się o rzeczach, które w minionej epoce należały to sfery tabu. Jednym z przejawów procesów detabuizacji jest zwiększenie aktywności struktur z członami *porno-, seks-, narko-, homo-* w znaczeniu ‘homoseksualny’. Oprócz zapożyczeń typu *pornobiznes, seksparty, narkodolar, homoparada* licznie występują derywaty utworzone na gruncie rodzimym, np. takie jak *pornodziejczyna, pornosieczka, seksnowość, sekswydawnictwo, narkonoworodek, narkoszkolarnia, homomałżeństwo, homozachcianka*.

Z detabuizacją należy też wiązać bardzo dziś rozpowszechnione tworzenie (głównie w celach ekspresyjnych) derywatów od nazwisk osób publicznych, zwłaszcza polityków i ich partii³⁷ (co w skrócie można skomentować zdaniem: dziś wolno obrażać), a także śmiałe używanie struktur odnoszących się do zjawisk kryminalnych, do przestępczości zorganizowanej, o skali międzynarodowej, państwowej, społecznej, typu *narkobiznes, narkodolar, narkomafia, narkogang, narkoterroryzm* czy *nekroafera, nekrobiznes*. Znamienne dla współczesności jest eksponowanie zjawisk wstydlivych, niegodnych ludzi honoru (wcale nierzadko połączone z podawaniem danych osobowych) – w tym należy widzieć jedną z przyczyn niezwyklej popularności właśnie w języku mediów złożzeń z członem *-gate*.

Wszystko to świadczy o niebywałym wpływie przemian rzeczywistości na zmiany językowe, na dynamikę internacjonalizacji polskiej leksyki. Na podstawie obserwacji polszczyzny pod tym kątem w ostatnim pięćdziesięcioleciu³⁸ mam podstawy sądzić, że proces ten będzie trwał (z różną intensywnością i najprawdopodobniej przy stosowaniu nieco odmiennych środków wyrazu), jeśli tylko polszczyzna zachowa swą żywotność, tzn. nie zostanie „odstawiona na bok” jako język nieużyteczny, bo społecznie niewystarczalny³⁹.

³⁷ Por. omawiane wcześniej derywaty typu *wałęszizm, kaczorzyzacja*, a także szereg innych, w rodzaju *balceroid* (od nazwiska *Balcerowicz*), *kwaśnioland* (od nazwiska *Kwaśniewski*), *lepperiada, lepperia* (od nazwiska *Lepper*), *pisuarowiec* – od nazwy partii: *Prawo i Sprawiedliwość* (w skrócie *PiS*) i rzeczownika *pisuar*.

³⁸ Por. Waszakowa 2001, 2005.

³⁹ O tym, że takie niebezpieczeństwo istnieje, świadczy „Rozporządzenie Ministra Nauki i Szkolnictwa Wyższego z dnia 17 X 2007 r. w sprawie kryteriów i trybu przyznawania oraz rozliczania środków finansowych na działalność statutową” (Dz.U. z dnia 6 listopada 2007 r.). W projekcie karty oceny jednostki naukowej nauk humanistycznych i społecznych zaznacza się wyraźnie stanowisko, zgodnie z którym preferowane są te publikacje polskich uczonych, które zostały napisane w języku angielskim, w czym można widzieć dyskryminację języka polskiego jako pełnoprawnego języka nauki (por. punkty 1.c, 2.e, 2.h) – gdzie również publikacje w innych niż polski językach, niekoniecznie właściwych dla danej dyscypliny, są punktowane wyżej niż publikacje w języku polskim. Projekt ten został oprostowany przez uczelniane środowiska polonistyczne.

Literatura

- Buttler D. (1981), *Tendencje rozwojowe w zasobie słownym powojennej polszczyzny*, [In:] Kurkowska H. (red.), *Współczesna polszczyzna. Wybór zagadnień*, Warszawa, 187–219.
- CCED 1995 → *Collins Cobuild English Dictionary*. The University of Birmingham. London.
- Internacionalizácia*, 1999 → Bosák J. (red.), *Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch: za a proti*, Bratislava.
- Internationalismen, 2003 → Braun P., Schaedler B., Volmert J. (Hgg.), *Internationalismen II. Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikographie*, Tübingen.
- Internacionalizmy, 2003 → Tichá, A. Rangelova Tichá, A. Rangelova Z. (red.), *Internacionalizmy v nové slovní zásobě*, Praha.
- ISJP 2000 → Bańko M. (red.), *Inny słownik języka polskiego*, Warszawa.
- Kuźniar R., (2005), *Polityka i siła. Studia strategiczne – zarys problematyki*. Warszawa.
- NSČ 1998, 2004 → Martinová Olga (red.), *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů*, Praha.
- Ohnheiser I. (2003), *Интернационализмы в словаре и в тексте*, [In:] Tichá, A. Rangelova Tichá, A. Rangelova Z. (red.), *Internacionalizmy v nové slovní zásobě*, Praha.
- Ohnheiser I. (2003), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1*, [In:] Ohnheiser I. (red.), *Słowotwórstwo / Nominacja*, Opole.
- SWJP 1996 → Dunaj B. (red.), *Słownik współczesnego języka polskiego*, Warszawa.
- Tulloch S. (1991), *The Oxford Dictionary of New Words: A Popular Guide to Word in the New*, Oxford.
- USJP 2003 → Dubisz S. (red.), *Uniwersalny słownik języka polskiego*. T. 1–6. Warszawa.
- Waszakowa K. (2001), *System słowotwórczy*, [In:] Gajda S. (red.), *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Język polski*, Opole.
- Waszakowa K. (2005), *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*, Warszawa.
- Waszakowa K. (2007), *Internacjonalizacja współczesnej polszczyzny – szansa czy zagrożenie?*, [In:] „Przegląd Humanistyczny”, nr 1.
- Waszakowa K. (2009), *Composita – charakterystyczna struktura przelomu XX/XXI w.*, [In:] *Człowiek – słowo – świat*, Wydawnictwa UW.
- Worbs E., Markowski A., Meger A. (2007), *Polnisch-deutsches Wörterbuch der Neologismen*, Wiesbaden.

- WSOrt., 2006 → Polański E., *Wielki słownik ortograficzny PWN z zasadami pisowni i interpunkcji*, Warszawa.
- Акуленко В.В. (1972), *Интернациональные элементы в лексике и терминологии*, Харьков.
- Бонджолова В., Петкова А. (1999), *Речник на новите думи в съвременния български език*, Велико Търново.
- Земская Е.А. (1996/2000), *Активные процессы современного словопроизводства*, [In:] Земская Е.А. (ред.), *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*, 1 издание, Москва 1996; 2 издание, Москва 2000.
- Земская Е.А. (1997), *Активные тенденции словопроизводства*, [In:] Širajev E.A. red.), *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русский язык*. Opole.

Интернационализация польской лексики – настоящее, прогнозы на ближайшее будущее

Резюме

В начале своей статьи автор подчеркивает, что ныне *интернационализация* понимается прежде всего как живая языковая тенденция, которая проявляется в общеславянских динамических процессах, связанных с заимствованием в славянские языки иноязычных лексем, в большинстве своем – интернационализмов.

В статье анализируются наиболее характерные проявления интернационализации в современном польском языке; к ним относятся: а) заимствование иноязычных слов, функционирующих как международные; б) интернационализация значений слов; в) динамические процессы в словообразовании, обусловленные появлением в польском языке большого числа новых заимствований, а именно: усиление роли композиции, увеличение репертуара продуктивных словообразовательных элементов иноязычного происхождения, легкость образования гибридных структур.

В заключении говорится о том, каким именно образом экспансия иноязычных структур повлияла на словообразовательную систему польского языка, а также об экстралингвистических причинах интенсивной интернационализации польской лексики.

Нещименко Г.П.

Заимствования vs. интернационализмы в современной вербальной коммуникации

Возрастание масштабов и интенсивности межкультурного и межъязыкового взаимодействия – одна из характерных примет развития современного общества. Это ставит не только перед лингвистами, но и перед пользователями этнического языка множество проблем, касающихся весьма деликатных аспектов межэтнических взаимоотношений. К их числу, несомненно, принадлежат и заимствования, являющиеся, как правило, объектом весьма острых дискуссий. Речь, разумеется, не идет о том, нужны ли заимствования вообще или же без них можно обойтись.

Стремление к абсолютной самодостаточности любого языка, к тому, чтобы все номинативные потребности социума полностью удовлетворялись с помощью внутренних ресурсов родного языка, было бы попросту абсурдным, поскольку ни одна этническая общность и соответственно ни один язык не могут существовать в условиях полной изоляции от внешнего мира, от контактов с другими этносами, их языками и культурами. Следы этих контактов, затрагивающих конкретные номинативные единицы, деривационные и синтаксические схемы, интонационную и артикуляционную специфику, словообразовательные форманты и пр., можно наблюдать на всех исторических этапах существования языка. Сохраняются они и в культурно-исторической памяти этноса. Использование заимствований позволяет компенсировать отсутствие номинативных эквивалентов в родном языке, заполняет лакуны в деривационных цепочках языка-реципиента, удовлетворяет потребность в стилистическом варьировании, в обозначении не известных данному социуму реалий и пр. Иными словами, заимствование – весьма эффективный путь пополнения номинативного фонда любого языка.

Взаимодействие языков с различной степенью длительности культурной традиции нередко способствует их функциональному выравниванию, ускоренному формированию “культурного” слоя. Иное

дело, как в дальнейшем “ведут себя” заимствования в языке-реципиенте: вживляются ли они в его ткань либо не вживляются вообще, вступая в противоречие с внутренними закономерностями его развития. Существенно и то, не препятствует ли их чрезмерное употребление взаимопониманию членов данного социума. Все эти вопросы требуют специального изучения.

Особое место в ряду заимствований занимают интернационализмы, объединяющие в своем составе лексику различного генезиса, вошедшую в языковое употребление в те или иные периоды цивилизационного развития человечества. В большинстве своем это терминологические номенклатуры, использование которых “освящено” многовековыми культурно-историческими традициями и поддерживается авторитетом языка-источника, например, латыни, греческого и т.п.

Наряду с вышеупомянутыми “классическими” интернационализмами, есть и заимствования, которые хотя и не являются интернационализмами в привычном смысле этого слова, но имеют достаточно широкую сферу использования за пределами собственного этнического региона. Очевидно, именно так следует интерпретировать заимствования из старославянского и церковнославянского языков, отмечаемые в различных регионах Славии.

Для изучения заимствований, не наделенных международным статусом, но имеющих, тем не менее, достаточно широкую культурную, идеологическую, политико-экономическую сферу локализации, большой интерес представляет период конца XX–начала XXI вв., отмеченный кардинальными изменениями в жизни мирового сообщества. Сказанное касается, в частности, стран Восточной Европы, в которых важные социально-экономические и общественно-политические преобразования протекали особенно стремительно и болезненно, завершившись одномоментным сломом не только общественной формации, но и мировоззренческих ориентиров.

Масштабные изменения, произошедшие в бывших странах социалистического содружества, повлекли за собой на рубеже 80-х и 90-х годов резкую смену не только экономической и социально-политической ориентации, но и терминологической номенклатуры. Так, если на этапе социалистического строительства приоритетную роль играли *русскоязычные* терминосистемы, принятые практически во всех странах этого региона, то в новейший период их сменила терминология *англоязычная*, связанная с капиталистическими взаимоотношениями.

После 1989 г. значительный пласт русизмов из сферы экономической, общественно-политической и пр. терминологии по объективным причинам вышел из употребления (ср.: *rozpis plánu* –

разбивка плана, vstřícný plán – встречный план, převoditelný rubl – переводимый рубль, perestrojka – перестройка, glasnost – гласность и т.д.). Впрочем, некоторая их часть в силу своей структурной и фонетической близости к языкам-реципиентам, сохранилась в их составе; ср. в чешском *pětiletka, bleskovka, nástěnka, obezlička, nedodělky, svodky, čistka, gramotnost (počítačová gramotnost), bezprizornost, běženci, činovník* и пр. Нередко они до сих пор используются в языке СМИ, особенно устных, причем как в речи журналистов, ведущих передачи, так и их гостей любого возраста; ср.: *pokud sme byli tehdy nevýjezdnyí*. Радио 1997, ведущий; *celé ty roky se dělá obezlička*. TV 1997, ведущий; *máme možnost číst různé svodky*. Радио 1990, ведущий; *masívní čistka na základě dlouhodobých šetření*. TV 1997, ведущий.

Судьба заимствований может складываться, впрочем, и весьма драматично: так, в различные периоды жизни этноса из-за опасений культурно-языковой ассимиляции, из-за этноязыкового антагонизма, под влиянием тех или иных политических предпочтений и пр. “изгоями” могут становиться целые лексические пласты. Достаточно напомнить о перипетиях германизмов и русизмов в жизни чешского этноса; “опале” подвергаются богемизмы или же псевдобогемизмы при кодификации словацкого литературного языка, сербизмы – хорватского, болгаризмы – македонского и пр. Аналогичную подоплеку имеет избавление от русизмов в целом ряде литературных языков постсоветского пространства. Список этот можно продолжить.

Интересным объектом для лингвистического и культурологического наблюдения является эпоха так называемой глобализации. В этот период практически все этнические языки оказались перед необходимостью оперативной переработки и трансляции по каналам коммуникативной связи огромного, стремительно расширяющегося и изменяющегося информационного массива.

Реализации этой задачи должно было служить создание на основе использования новых информационных технологий единого мирового цивилизационного пространства с доминирующим положением английского языка. Ко 2-ой половине XX в. последний имел устойчивую репутацию языка международного общения, располагающего обширными терминологическими системами в новейших отраслях науки, культуры, политики, общественной жизни.

Таким образом, на этом историческом рубеже потребность в новых номинациях стала все чаще удовлетворяться за счет интенсивного притока англицизмов. Это не только облегчало доступ к современным достижениям в области науки, техники, культуры и пр., но и вводило этническую общность в мировой цивилизационный контекст.

Ответной реакцией на доминирование английского языка стала политика языкового “протекционизма”, создававшая “статус благоприятствования” для активизации использования внутриязыковых ресурсов. Это сопровождалось и более толерантным в известной степени отношением к пуризму как к одному из проявлений языковой политики.

Нельзя не отметить, что обычно отношение к иноязычным заимствованиям зависит от уровня культивированности и полифункциональности автохтонного литературного идиома. Причем, чем прочнее позиции последнего, тем терпимее относится общество к заимствованиям и, напротив, чем в более угрожаемом положении находится литературный язык, тем более настороженным и неприязненным становится отношение к заимствованиям.

Опыт последних десятилетий XX в. несколько скорректировал эту зависимость, поскольку на исходе столетия в борьбу с наплывом англицизмов включились государства, обладающие развитыми, функционально дифференцированными литературными языками с многовековыми культурными традициями. Мы имеем в виду, прежде всего, Францию, принявшую закон об ограничении употребления англицизмов. В начале 2003 г. ожесточенная дискуссия по поводу принятия закона о русском языке разразилась и в России.

Принятие языковых законов, разумеется, не может служить панацеей в борьбе с притоком заимствований, тем более, если учесть, что в условиях наблюдаемого ныне ослабления авторитета кодификации литературного языка, общего снижения речевого стандарта публичной коммуникации, разрабатываемые предписания и рекомендации чаще всего не соблюдаются.

На наш взгляд, решение проблемы избыточного употребления заимствований следует искать не столько в запретительных мерах, сколько в целенаправленном языковом воспитании общества, повышении уровня языковой компетенции всех участников публичной коммуникации, т.е. как адресата, так и адресанта. Для этого, разумеется, необходима долговременная стратегия языкового воспитания, улучшение качества преподавания родного языка в школах, вузах и пр.

И все же есть все основания относиться к заимствованиям максимально серьезно, с учетом возможных последствий как для внутривидового развития воспринимающего языка, так и для внутриэтнической коммуникации.

Совершенно очевидно, что для того, чтобы воспользоваться преимуществами, которые дает употребление заимствований, необходимо обладать определенным уровнем культурно-языковой и профессиональной компетенции, позволяющим оперативно дешифровать передаваемую ими информацию. В противном случае может

возникнуть коммуникативный барьер, неизбежно приводящий к искажению, а в конечном итоге и к потере информации.

Злоупотребление заимствованиями, в том числе и профессионализмами, особенно нежелательно в доминирующих ныне устных СМИ. Несоблюдение этого требования затрудняет реализацию функционального назначения СМИ, предполагающего мгновенное доведение до самой широкой аудитории сообщаемой информации. Ее повторное воспроизведение или же разъяснение, а тем более использование слушателем различного рода справочных пособий чаще всего является невозможным. В силу этого от информационного потока, по сути, отторгается та часть населения, которая не обладает соответствующей языковой, а также культурной компетенцией.

В этом отношении чрезвычайно интересны результаты социологического опроса, проведенного по инициативе Института чешского языка Чешской АН в 2002 г. (более половины опрошенных составляли лица в возрасте от 30 до 59 лет; четверть из них имела законченное среднее образование, одна десятая – высшее; почти треть респондентов состояла из служащих, а одна четверть – из пенсионеров). При анкетировании особое значение придавалось выявлению отношения респондентов к заимствованиям. Судя по полученным результатам, более половины респондентов не считают целесообразной замену заимствований чешскими эквивалентами. Было также установлено, что 59% лиц старше 60 лет предпочитают употребление чешских слов; среди молодежи в возрасте до 19 лет с этим согласно лишь 36%. Результаты опроса подробно освещаются в статье К. Каргановой [Karhanová 2004], в которой дается и перечень англицизмов, которые, по мнению респондентов, желательно было бы заменить чешскими эквивалентами; ср.: *memobox – záznamník; summit – zasedání; trevel – cestování; last minut – na poslední chvíli; shop – obchod; image – vzhled; breafing – setkání; weekend – sobota, neděle; gambler – hráč; vizáž – vzhled.*

Массированный приток англоязычных заимствований, отмечаемый ныне практически во всех этнических языках, выдвигает на первый план задачу их ускоренной адаптации, причем как в литературном, так и в повседневном речевом узусе. Это особенно важно для языков, отличающихся от английского своими типологическими параметрами, к числу которых, несомненно, относятся языки славянские, во всяком случае большая их часть; ср.: «Чехи всегда бравовали тем, как они умеют играть с языком, однако то, как теперь образуются новые слова, не слишком это подтверждает. В большинстве случаев поступают элементарно просто: берется английское слово, подгоняется под чешский язык произношение и присоединяется

окончание. Подобным образом появились, например, такие слова, как *mailovat, manažerovat, aupairka, esemeskovat*. Лишь в исключительных случаях чехи поднатужатся да и придумают к английскому слову удачного чешского братика: к *second hand* – *sekáč*, к *harassment* – *harašení*, у *hacker* появился *průnikář*, о *bodygarde (bodyguard)* даже говорят *osobní bobík*». (перевод наш. – Г.Н.) [Týdeník 2001]. Характерно и название данной статьи: «E-čeština: Naše mateřština vydržela nápor němčiny a ruštiny. Pod angličtinou se prohýbá».

Ускоренному протеканию фонетической, морфологической, словообразовательной и пр. адаптации немало способствуют такие факторы как высокая востребованность обозначения, а также обусловленная этим высокая частотность его употребления в речевом потоке. Совершенно очевидно, что этот процесс не может протекать одномоментно, он имеет временную протяженность. Примечателен характер адаптации в русском языке высоко частотного англицизма *паблик рилейшенз* (в русском языке вначале приводилась эквивалентная описательная конструкция “специалист по связям с общественностью”). На ранних этапах появления этого обозначения в русских текстах ему сопутствовала расшифровка: *Современные законы рекламных кампаний и «пиара» (PR – паблик рилейшнз) диктуют музыкантам особые правила игры* [Аргументы и факты 1999]. В имеющемся у нас материале данный англицизм может воспроизводиться в виде неадаптированной и адаптированной аббревиатуры, функционирующей по-разному: а) в качестве самостоятельного слова (*Я считаю, что это великолепный PR для звезд* [Новая газета 2002]; *как надо делать PR* [Там же 1999]; *рынок компромата и пиара* [Там же 2002]; *подготовка пиара* [Там же 2002]; б) в качестве комбинированного обозначения с включением начальной аббревиатуры; ср.: *рассказала PR-директор студии Марина Калинкина* [Новая газета 2002]; *PR-энергия* [Там же 2001]); *Каковы причины такого нетривиального pr-хода. Как работает нехитрая pr-акция* [Там же 2001]; *PR-агентство* [Там же 1999]; *Знаменитый PR-центр* [Там же 1999]; *стоящий за этой искусно срежиссированной PR-акцией* [Там же 2001]; в) в составе сложного слова с несогласованным препозиционным компонентом в виде адаптированной аббревиатуры (*Несмотря на все пиар-старания* [Новая газета 2002]; *вы могли стать объектом пиар-атаки* [Там же 2002]; *Началась ранняя пиар-подготовка* [Там же 2003]; г) в комбинации с суффиксоидом или суффиксом (знатные *PR-мены* общались [Аргументы и факты 1999]; (в тексте рекламы: *Купим опытного PR-щика* [Новая газета 2001]; *пиарщики дружат между собой* [Там же 2002]. Ср. также производные: *пиарить; впиаривать; перепиарить; по пиарным надобностям* и пр.; см. в контексте:

начинают впиаривать избирателям [Новая газета 2003]; за контекст пиарящие канал агентства не отвечают [Там же 2002]; по каким-то пиарным надобностям [Там же 2001]; В выборах-99 в Госдуму Лисовский пиарил на Отечество [Там же 2000]; с поездкой Путина перепиарили [НТВ-Итоги]; Качество пиарства не стало лучше [Эхо Москвы 2003] и т.п.

Постепенной адаптации в чешском подверглось заимствование *leader*: *Ministr vnitra a pražský leader lidovců Cyril Svoboda; pražský volební leader Vladimír Mlynář* [Metro 1998]; *V lednu jste byl pro lidovce coby lídr nepřijatelný, v sobotu pro vás hlasovali; Jak lze vysvětlit fakt, že se měsíce hledal lídr čtyřkoalice* [Lidové noviny 2004]. Ср. также появление обозначения *lídryně* ‘женщина-лидер’, иллюстрирующего постепенное “втягивание” данной лексемы в деривационную цепочку, включающую следующие фазы: *leader* > *lídr* > *lídryně*. Факт графической адаптации производящей основы иллюстрируют, например, случаи *greenpeacesák* [Mladá fronta. Dnes 1993]; *grínpisák* [Ibid. 1994]. Оба последних примера взяты из лексикографического архива Института чешского языка Чешской АН.

В условиях стремительного, лавинообразного притока англицизмов процесс их освоения в воспринимающем языке не может не запаздывать, поэтому нередко, особенно поначалу, заимствования воспроизводятся буквально, т. е. цитируются, с сохранением перво-данного облика слова. В контексте славянской речи подобные “цитатные” заимствования из английского языка не могут не производить впечатления чужеродности; ср.: *Tři účastníci nakonec informace redakce potvrdili, i když tzv. off record* [Týden 2001]; *přesto mi vadí kaňka na image časopisu* [Ibid.]; *po shlédnutí talk show Občan Kraus OK* [Ibid.]; *Stanul před soudem za on-line krádež* [Lidové noviny 2001].

Славянские языки обладают большими адаптивными возможностями, в числе которых важную роль играет деривация, сказанное особенно касается чешского языка; ср., например: *Od chvíle, kdy si zakoupí horské kolo žena, je z ní «bikerka», z muže se stane «biker».* Pojem «bikerčata» se příliš nepoužívá [Reflex 1996]. Красноречивым является последовательное образование существительных ж. р. со значением лица от заимствованных лексем: *Krupiérka spolu s chipperkou, která rovná žetony do sloupců* [Magazín Práva 1996]; *streetworkerky musejí být se svými klientkami stále v kontaktu* [Slovo 2000]. Ср. также: *zhruba dvacet československých hackerů, virářů (lidé píšící počítačové víry) a jedna slovenská hackerka* [Reflex 2002]. Примечательно, что поскольку в примере имеется неологизм *virář* (в NSČ 2 зафиксировано *virotvůrce*), он сопровождается смысловым разъяснением. Приводимые выше

примеры взяты из лексикографического архива Института чешского языка Чешской АН.

Сказанное, однако, не означает, что использование достаточно мощного адаптивного механизма способно полностью снять напряжение, возникающее при несоответствии заимствования любого генезиса внутриязыковым закономерностям языка-реципиента, что после соответствующего структурного преобразования оно, как полагают некоторые ученые, безболезненно и органично войдет в систему воспринимающего языка.

Анализируя литературу, нельзя не заметить, что чаще всего полемика разветвляется по следующим вопросам:

- допустимая степень открытости для заимствований внутриэтнического языкового пространства и в связи с этим: нужно ли регулировать, дозировать их приток?
- следует ли оставлять заимствования в их первоизданном виде, с сохранением их исконного облика, который они имели в языке-источнике?
- к каким последствиям приводит массивный приток заимствований и какова коммуникативная и лингвистическая мотивированность их использования?
- какова функциональная соотнесенность заимствования и соответствующего эквивалента, уже имеющегося в воспринимаемом языке?
- какую роль играет отношение членов данного этноса к конкретному языку-донору?
- насколько эффективной является политика “языкового протекционизма”, выражающаяся в принятии языковых законов, регламентирующих употребление заимствований?

К уже названным можно было бы добавить и другие вопросы, например:

- в каких сферах функционирования этнического языка можно регулировать употребление заимствований?
- влияет ли массивное проникновение заимствований, особенно из типологически отдаленных языков-доноров, на системные закономерности языка-реципиента, на выполнение им коммуникативной функции?
- как соотносится перенасыщение заимствованиями с языковой культурой этноса?

Приведенный перечень аспектов рассмотрения не является исчерпывающим, он лишь подтверждает сложность проблемы в целом. Не трудно заметить, что намеченные вопросы стали предметом изучения не только языкознания, но и других сопряженных с ним наук.

Именно комплексность и многоаспектность рассматриваемой проблематики делают ее особенно интересной и вместе с тем сложной для разработки.

В этой связи стоит обратить внимание на взаимосвязь проблемы заимствований с проблемой этнической самоидентификации, с одной стороны, и с оптимальным удовлетворением возросших коммуникативных потребностей современного социума, с другой.

Значимость этих тесно взаимосвязанных аспектов – этноидентификационного и коммуникативного – варьируется как на разных исторических этапах жизни одного и того же этноса, так и у разных этносов. У этносов малочисленных или же с еще не окрепшей государственностью потребность в сохранении этноязыковой самоидентификации (а порой и самодостаточности родного языка) особенно велика. И, напротив, у крупных этносов это проявляется не столь сильно, поскольку они реже сталкиваются с реальной угрозой как своему собственному существованию, так и сохранности созданных ими культурно-языковых и пр. ценностей. Соответственно этому меняется, становится более толерантным отношение к заимствованиям.

Инвазия англицизмов в узусе современной публицистики нередко бывает продиктована желанием продемонстрировать свою приверженность к англоязычной культуре. Весьма красноречивым в этом отношении является пример, приведенный в журнале “Týden” за 2001 год, в котором воспроизводится письменный диалог пятнадцатилетней девушки и журналистки-психолога женского журнала: “*Mailnula jsem tu message, ale nedostala jsem žádnou response. Neboj, to je oukej. Zajdi na nějakou free party, kup si nějaký trendy oblečení a vyber si jinýho top týpka. Keep smiling*”. Ср. также: *какой у тебя “месседж” к публице?* [Новая газета 2002].

Чрезмерное использование англицизмов не может не пройти бесследно для языка-реципиента. Это не только затрудняет коммуникацию, но и, как подтверждает языковой материал, может вести к нарушению внутренних закономерностей и естественных пропорций воспринимающего языка, поскольку различия между английским и большинством славянских языков прослеживаются на самых разных языковых уровнях: в словообразовании, словоизменении, в номинативных и синтаксических схемах, просодических особенностях, построении текста и пр. Ср.: *fitness* neskl. angl.; *fitness centrum* angl. NSČ – *najít si vhodné „fítko“ můžete i vy* [Metro 1997]; *Pokud jste zdráva, nic vám nebrání v tom, abyste se vydala do „fítka“*. [Fitness 1977-A]; *pravidelně chodit do fitneska* [Blesk 2002-A]. В других случаях средством адаптации является структурное наращение заимствованной лексемы, после которого она может быть включена в словоизменительную парадигму: *jetti, yettie*

‘снежный человек’ – *jetík: jetíci* [Reflex 2000]; *íkvé (IQ) NSČ – íkvák* (*nemám nárok být v klubu íkváku; ty jsi fakt íkvák*). Примером морфологической адаптации являются лексемы *céděčko; céděromka* по отношению к *CD-Rome; CD (compact disk)*; ср. развертывание деривационной цепочки: *céděčkárna (Počítač se stává „céděčkárnou“* – взято также из архива Института чешского языка). Ср. из русского профессионального жаргона: *sidi – сидюшник* и пр. Примечательно “втягивание” в парадигму английского *okej (všechno je v okeji* – из электронного письма на чешском языке). Не просто обстоит дело и с освоением несклоняемого *guru* и *guruu* муж р. NSČ. Ср.: *počítačový guru; začínající filmaři vzhlíželi k zkušenému režisérovi jako k svému guruovi; oslavení narozenin guruu; pod vedením amerického guruu* [Mladý svět 1997].

Нельзя не заметить, что под влиянием английского языка в славянские языки начинают форсированно проникать агглютинативные структуры с препозиционной постановкой несогласованного определения.

Данное явление, рождающееся не в недрах языка-реципиента, а приходящее извне, при его повышенной частотности со временем может сказаться на типологических параметрах славянских языков. Ср. конструкции типа *бизнес-сообщество, бизнес-виза, бизнес-тур, бизнес-отношения, бизнес-элита, бизнес-опека* (в контексте: *Это бизнес-отношения и я ни разу не видел, чтоб кто-нибудь из звезд сорвал контракт* [Новая газета 1999]; *В российской бизнес-элите* [Новая газета 2001]; *Бизнес-опека спорта*. [Эхо Москвы 2002]; *секс-торговля; плей-лист; шорт-лист; гей-браки; лид-вокалист; хэд-лайнер (фестиваля); шоу-дива; шоу-бизнес; панк-резервация; допинг-проба*; чешск.: *byznyscentrum; live-nahrávky; disco zařízení «disco» kecky; bike-školka (využit služeb bike-školky)* (Mladý svět 1996-A); *působí poněkud show-dojmem* [Občanský deník OF 1990]. Список можно продолжать до бесконечности. Некоторые исследователи склонны рассматривать подобные номинационные структуры как проявление языковой экономии, однако, с нашей точки зрения, это всего лишь заблуждение, поскольку языковая экономия сводится не столько к краткости обозначения, сколько к компрессации содержащейся в нем информации. Не следует игнорировать и того, что данные образования, по сути, блокируют последующее развертывание деривационных цепочек, что вступает в противоречие со словообразовательными закономерностями славянских языков.

Появление новой технологии общения, как мы видим, ставит перед лингвистами целый комплекс задач теоретического и прикладного значения. Назовем в их ряду проблему поиска адекватного вербального обеспечения, позволяющего насытить трансляционные

каналы максимально емкой и вместе с тем компактно выраженной информацией. Именно потребность в экономичных номинационных решениях в основном и определяет направленность селекции языковых средств. Проследить, как на практике осуществляется эта селекция – задача большой научной значимости, до сих пор еще не получившая своего исчерпывающего решения.

Подытоживая проведенный нами анализ, хочется отметить, что заимствования из близкородственных языков более органично входят в структуру воспринимающего языка, они как бы “растворяются” в нем, получая порой новое мотивационное “прочтение”, опирающееся на новые, благоприобретенные словопроизводственные взаимосвязи.

При контакте языков, генетически не родственных, усложняется не только процедура освоения заимствований, могут быть затронуты и характерные для них внутриязыковые закономерности и пропорции. На словообразовательном уровне это может привести к значительному возрастанию удельного веса непроизводных, т. е. не мотивированных, слов, появлению не типичных для языка-реципиента способов и схем словообразования. Возникновение специфических комбинаторных ситуаций в исходе ряда заимствованных слов, не привычных для артикуляционного аппарата носителей воспринимающего языка, не только создает произносительные трудности, но и может препятствовать присоединению словоизменительных и словообразовательных формантов, усложняя процесс адаптации заимствований.

Следует подчеркнуть, что изучение механизма адаптации заимствований любого генезиса дает в руки исследователя чрезвычайно ценный материал, позволяющий прийти к важным обобщениям. Сказанное обусловлено тем, что в процессе адаптации, освоения заимствований, как правило, участвуют наиболее продуктивные форманты языка-реципиента, используются важные структурные схемы. Это позволяет наблюдать в рамках одного и того же синхронного среза языковые тенденции, которые в иных условиях выявляются лишь в ходе трудоемкого анализа огромного материала, иногда и с привлечением данных диахронии. Ценные сведения могут быть получены и при изучении конкуренции между отечественными и заимствованными формантами.

Литература

Karhanová K. (2004), *“Nejde jen o formu, ale i o obsah“: Ideál dobrého řečníka v zrcadle průzkumu názorů české veřejnosti*. [In:] „Naše řeč“, nr 2.

- NSČ 2 2004 – Martincová O. (red.) (2004), *Nová slova v češtině*. Slovník neologizmů. Praha.
- NSČ 1 1998 – Martincová O. (red.), (1998), *Nová slova v češtině*. Slovník neologizmů. Praha.
- При написании работы учитывались следующие публикации:
- Bozděchová I. (1997), *Vliv angličtiny na češtinu*, [In:] Daneš F. (Ed.), *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha.
- Bosák J. (red.), (1999), *Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch: ZA A PROTI*. Bratislava.
- Kraus J. (1996), *Několik poznámek k pocitu jazykového ohrožení*, [In:] „Naše řeč“, seš. 1.
- Markowski A. (2001), *Łatwy słownik trudnych słów*. Warszawa.
- Něščimenko G. (2002), *Přejatá slova: nevyhnutelné zlo vs. nevyhnutelné blaho?* [In:] Krausová A., Slezáková M., Svobodová Z. (red.), *Setkání s češtinou*. Praha.
- Ondrejovič Sl. (red.) (1997), *Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektívy*, Bratislava.
- Ondrejovič Sl. (1999), *Slovenčina v kontaktoch a konfliktoch s inými jazykmi*, Bratislava.
- Smółkowa T. (red.), (2004–2006), *Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 1993-2000*, cz. 1-4, Kraków.
- Smółkowa T. (2001.), *Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej*, Kraków.
- Waszakowa K. (1974), *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego: Rzeczowniki sufiksalne obce*, Warszawa.
- Zagrodnikowa A. (1982), *Nowe wyrazy i wyrażenia w prasie*, Kraków.
- Крысин Л.П. (2000), *Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни*, [In:] *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*, Москва.
- Нещименко Г.П. (2001), *Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития*. [In:] „Вопросы языкознания”, № 1.
- Нещименко Г.П. (2002), *Заимствования как проявление культурно-языковых контактов и их функционирование в языке-реципиенте*, [In:] *Встречи этнических культур в зеркале языка*, Москва.
- Смирнов Л.Н. (отв. ред.), (1997), *Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках*, Москва.

ZapóŹyczenia vs. internacjonalizmy

Streszczenie

Autorka pokazała złoŹoność zjawiska zapóŹyczenia, tak na poziomie morfologicznym, jak semantycznym. Ze względu na podjętą problematykę skupiła uwagę na neologizmach reprezentujących najbardziej aktywne typy słów-hybryd w językach czeskim i rosyjskim przełomu XX i XXI wieku. Poruszyła ona problem pochodności i motywacji wyrazów zapóŹyszonych oraz ich miejsca w opisie systemów słowotwórczych języka czeskiego oraz rosyjskiego.

Евгения А. Карпиловская

Интернационализация явная и скрытая в современном украинском лексиконе

Интенсивное обновление и пополнение современных славянских языков, все большее вовлечение славянских стран в общеевропейские и общемировые процессы с особой остротой ставит проблему взаимодействия разнонаправленных тенденций развития их лексиконов. Прежде всего, тенденций интернационализации, т.е. открытости лексикона отдельного языка к ресурсам других славянских и неславянских языков, и национализации (автохтонизации, коренизации), иначе сохранения национальной специфики, национального «лица» лексикона, решения новых задач номинации и коммуникации за счет собственных языковых ресурсов. Характер такого взаимодействия на разных уровнях языковой системы, в различных сферах функционирования языка определяет удельный вес и конкретные проявления каждой из этих тенденций в том или ином славянском языке. На это уже не раз обращали внимание слависты разных стран, изучающие динамику лексических и словообразовательных систем современных славянских языков [Гутшмидт 1998; Ohnheiser 2003б; Клименко/Карпіловська/Даниленко 2003, Динаміка 2008]. Обновление и пополнение лексикона современного украинского языка убедительно подтверждает существование такой национальной специфики проявления общих тенденций развития современных славянских языков.

Изучение проявлений интернационализации в современных славянских языках важно не только как отражение открытости общества, вовлечения той или иной славянской страны в процессы евроинтеграции и глобализации, но и как показатель реакции национального языка на приток иноязычных ресурсов, действия его защитных механизмов на разных уровнях организации языковой системы и текста как реализации языковой системы в общественной практике. Интернационализация дает возможность проследить проявления и других важных тенденций развития языка. Не вызывает

никаких сомнений утверждение К.Вашаковой о том, что интернационализация ведет в своем развитии прежде всего к интеллектуализации языка, а также служит достижению его экспрессивности и демократизации [Waszakowa 2003: 102]. Нам близко также широкое понимание проявлений интернационализации в языке, предложенное К.Вашаковой в ее специальном исследовании, посвященном этой проблеме, а именно: как международной языковой единицы с различной степенью сложности (слово, морфема или конструкция), имеющей «формально и семантически близкие эквиваленты в минимум трех языках, представляющих разные группы с точки зрения генетической близости» [Waszakowa 2005: 29]. Современный украинский лексикон демонстрирует все последствия интернационализации, отмеченные авторами коллективной монографии «Словообразование/Номинация» под редакцией И.Онхайзер:

- 1) использование интернационализмов в качестве производящих основ;
- 2) активизация интернациональных аффиксов;
- 3) функциональное превращение заимствованных элементов, приобретающих статус префиксов/префиксоидов или суффиксов/суффиксоидов, а также
- 4) возрастающая роль сложения и возникновение новых словообразовательных образцов [Ohnheiser 2003a: 47].

Предметом своих дальнейших размышлений в предлагаемой статье мы избрали явные, обладающие иноязычной формой, и скрытые, выраженные собственно украинскими формальными средствами, лексико-словообразовательные интернационализмы в современном украинском языке. Различая такие две группы результатов интернационализации в украинском лексиконе, мы стремимся показать различные способы и средства проявления этой тенденции в современном украинском языке, разную степень проникновения в его систему иноязычных ресурсов номинации и, шире, языковой концептуализации, категоризации и аспектуализации (профилирования) понятий, общих для современного европейского и мирового сообщества. Последние 17 лет (с 1991 г.) функционирования украинского языка в статусе государственного языка независимой Украины особенно показательны в этом плане как период активных и масштабных изменений, в частности, в качественном и количественном составе украинского лексикона в связи с расширением сферы его употребления, формированием его новых функциональных стилей. Материал для анализа результатов действия тенденции интернационализации в украинской лексике черпаем из новых украинских толковых (ВТССУМ), переводных (РУС), орфографических (ВЗОС) словарей, словарей иностранных слов (ССІС), а также из компьютерного фонда

инноваций в украинском языке, создаваемого с 2006 г. в отделе структурно-математической лингвистики Института языковедения им. А.А.Потебни НАН Украины [Карпіловська 2007-2008].

Новая, т.е. не зафиксированная словарями советского периода, украинская лексика демонстрирует все возможные формы проявления интернационализации в языке. Иноязычная единица может употребляться в виде вкрапления (варваризма), т.е. использоваться в графической форме языка-источника заимствования, напр.: *e-mail*, *PR*, *Internet*, *DVD*, *CD-ROM*. Часто в текстах, в частности, средств массовой медиа, встречаем такие вкрапления в роли основы-категоризатора словообразовательной парадигмы в сочетании с исконными украинскими словами, аффиксами либо адаптированными заимствованиями, ср.: *e-mail клієнт*, *PR-дієство*, *PR-кампанія*, *Internet-дискурс*, *DVD-програвач*, *CD-ROMний*. Вкрапления могут втягиваться в языковую игру, как например, в таком полемически заостренном контексте журнальной статьи: *Тож місцевих прокурорів часто називають PRокурорами* [Критика, 2006, № 100]. Обращает на себя внимание различная функция вкраплений в текстах, обращенных к массовой аудитории. Например, в газетно-журнальной публицистике вкрапления часто употребляют с экспрессивно-оценочным значением, подчеркивая таким использованием иноязычной единицы в графической форме оригинала обращенность текста к особому, знакомому с такой лексикой кругу читателей, ср.: *вчасно подбати про happy end; цей кадр повторюється знову й знову, ніби натискувано не на "delete", а на "rewind"* [Забужко 1999]. Исследователи уже обращали внимание на такую коммуникативно настроенную функцию вкраплений в текстах современных славянских масс-медиа [Mannewitz 2003: 129]. Иную роль вкраплений в тексте – обозначение нового понятия, еще мало известного украинскому читателю и часто еще не получившего специального наименования в украинском языке, – подчеркивают специальные авторские пояснения. Такой способ употребления интернационализмов можно продемонстрировать следующими примерами из нашего компьютерного фонда инноваций: *...малоосвічені люди, з головою втоплені у власний побут, непорівнянно схильніші до фатальних пристрастей, аніж frequent flyers із персональними комп'ютерами...* (с пояснением в сноске – частые клиенты авиакомпаний, члены пассажирских клубов (англ.) [Забужко 1999].

Заимствование (слово, морфема, словосочетание) может проходить в современном украинском языке разные стадии и пути адаптации, в частности, употребляться в транскрибированной либо транслитерированной форме, напр.: *имейл*, *емейл*, *мейл*, уже включенные в нормативные академические словари, и *імейл*, *мейло*,

мейлик, фиксируемые лишь в разговорной практике; *піар* в свободном употреблении и в роли основы-категоризатора сложных слов и производящей основы для простых аффиксальных производных, ср.: *піар-агенція*, *піар-технологія* и *піарівець*, *піарний*, *піарити*, *політпіар*, *чорнопіарівець* и уже вышедшие из употребления первоначально зафиксированные украинскими словарями транскрипции базового для аббревиатуры PR словосочетания *public relations* «связи с общественностью» типа *наблік рилейши(е)н*, *наблік рилейшиз*; *Інтернет* в свободном употреблении в роли онима – названия глобального объединения региональных и локальных компьютерных сетей и *інтернет* в роли апеллятива – наименования типа межсетевое компьютерное взаимодействие, а также в роли основы простых и сложных производных, напр.: *Інтернет-асоціація*, *Інтернет-(інтернет)-крамниця*, *інтернет-часопис*, *інтернетівець*, *інтернетник*, *інтернетизація*, *інтернетизуватися*. Часто вкрапления и адаптированные варианты одного и того же заимствования в современной украинской языковой практике функционируют параллельно, ср.: *PIN-код* и *пін-код*, *SMS-повідомлення* и *смс-повідомлення*, *VIP-зона* и *ВІП-(віп)-зона*. Однако в употреблении подобных единиц и их дальнейшей адаптации к системе украинского языка нередко наблюдается функционально-стилевая дифференциация. Если в обиходной, стилистически сниженной речи некоторые из таких композитов могут упрощаться за счет замены основы-спецификатора суффиксом, то профессиональный лексикон таких замен избегает, поскольку для профилирования понятия в этой сфере номинации важно сохранение именно основы-спецификатора. Примером могут служить разговорные, активно употребляемые в современной украинской газетно-журнальной публицистике в иноязычной и транслитерированной либо транскрибированной графической форме номинации *SMS'ка*, *SMS-ка* (*смс-ка*), *смс-ка*, *есемеска* и *SMS-повідомлення* как единица-гипероним для гипонимического объединения наименований видов службы кратких сообщений (Short Message Service): *SMS-довідка*, *SMS-інструкція*, *SMS-голосування*, *SMS-вікторина* и др. Нередко заимствования, еще мало знакомые широкой читательской аудитории, в тексте сопровождают соотнесения с их прототипом в языке-источнике заимствования, выделение кавычками либо другими специальными знаками, указывающие таким образом на их недавнее появление в украинском языке и осознание авторами текстов связи таких адаптированных единиц с единицами иного языка, ср.: *Але зйомки години найпримітивнішого «сіткому» (situation comedy – англ.) коштують приблизно 10 тис. у.о.*; *Чи робили ви комінаут перед батьками, друзями (coming out – визнання перед собою та відкриття перед іншими)* (оба примера из – ПіК, 2003, № 34).

Явные заимствования-интернационализмы в современном украинском языке проявляют активность к словопорождению и созданию различных лексических объединений, а следовательно, принимают деятельное участие в дальнейшем развитии лексической системы языка. Кроме того, появление новых заимствований способствует пополнению состава не только производящих основ, но и словообразовательных формантов, образцов словообразования. На степень освоения того или иного интернационализма в украинском языке указывает не только способ адаптации его формы и степень развития его семантики, но и масштабы образуемых на их основе словообразовательных комплексов. Амплитуда объемов таких комплексных словообразовательных единиц колеблется от словообразовательной пары (*слоган – слоганоутворення, блокбастер – блокбастерний*) до словообразовательного гнезда полного вида (например, от уже упомянутых выше *піар, І(і)нтернет*, а также *онлайн, рейтинг, клон* и др.) и словообразовательных классов, как, например, рядов производных с суффиксоидами **-мейкер** (*іміджмейкер, клонмейкер, маркетмейкер, ньюсмейкер, плеймейкер, татумейкер, хітмейкер, фільммейкер*) или префиксоидом **VІP-/VІІ-/vіp-** (*VІP-ложка, VІP-вечірка, VІІ-зона, vіp-кімната*). На стабилизацию и активную роль таких интернационализмов в современной украиноязычной концептуализации, категоризации и аспектуализации мира, в развитии его стилевых регистров, пополнении номинационных ресурсов указывает и формирование с их участием новых парадигматических системных объединений лексем, в частности, синонимических и антонимических оппозиций, гипонимических комплексов. Интернационализмы могут пополнять уже имеющиеся лексические комплексы, такие, например, как синонимический ряд прилагательных *бучний, гучний, приголомшливий, популярний, знаменитий, широковідомий* с общим семантическим компонентом «имеющий широкую огласку, резонанс в обществе», пополнившийся в последние годы интернационализмами *піарний, резонансний (резонансовий), хітовий, топовий*. Однако такие новые заимствования могут создавать и новые лексические группировки, например, антонимические пары типа *медійний – антимедійний, мобільний – дротовий* (телефон) или же гипонимические объединения наподобие *охоронець – бодігард, сек'юриті; фільм – блокбастер, екшн, хорор, трилер*.

Особое место среди интернационализмов занимают так называемые скрытые заимствования, которые могут воплощаться в уже известной языку собственной или чужой форме. Часто такие неосемантизмы, или же новые значения уже имеющихся в языке слов представляют собой результаты повторного заимствования того же прототипа, но с иным значением. Польский исследователь А. Марковский, отмечая преимущественно английский язык в качестве

источника таких заимствований в славянских языках, предложил называть их англосемантизмами [Markowski 2000: 102]. В украинском языке такие интернациональные неосемантизмы представлены в целом ряде прилагательных с иноязычными основами, ранее употреблявшихся с относительным значением, а в последнее время под влиянием соответствующих значений английских прототипов развивших качественные, оценочные значения, ср.: *профільний інструмент* и *профільне міністерство*; *культова споруда* и *культурний фільм*; *стартовий пістолет* и *стартовий капітал*. Иногда такие повторные заимствования могут накладываться на уже имеющиеся значения исконных украинских прилагательных, ср. *крутий спуск*, *крутий характер* и *крутий фільм*, *крутий телеканал* (ср. с англ. *tough* «неуступчивый, упрямый» и разговорным американизмом *tough* в значении «преступный, бандитский») или *зірковий статус*, *зірковий склад журі* и *зіркова поведінка*, *зіркове прізвище* (ср. с англ. *star* «выдающийся, главный»). Тенденцию к активному повторному скрытому заимствованию проявляют и существительные. В семантической парадигме таких интернационализмов, ранее вошедших в украинский лексикон, появляются новые как прямые, так и переносные значения их прототипов в языке – источнике заимствования. Например, в англицизме *трейлер*, отмеченном «Словарем иностранных слов» под редакцией А.С.Мельничука в 1974 г. в значениях «контейнер на колесах, похожий на автоприцеп» и «тягач с прицепными тележками» вследствие скрытого повторного заимствования появилось новое переносное значение «рекламный ролик, как правило, из клипов – наиболее интересных кадров новых кинокартин» [ССІС]. Напротив, новое значение англицизма *рейдер* «фирма, стремящаяся поглотить иную фирму» [ВТССУМ] является результатом заимствования исходного, прямого, значения английского прототипа *raider* «захватчик, грабитель, налетчик». В уже упомянутом выше «Словаре иностранных слов» под редакцией А.С. Мельничука слово *рейдер* зафиксировано с переносным специализированным значением «военный корабль, выполняющий самостоятельные задания с целью уничтожения морских транспортных средств противника».

Повторному заимствованию в современном украинском языке свойственно многообразие форм и функций. Наблюдается заимствование единицы, восходящей к тому же этимону, что и уже имеющаяся в украинском языке, но из иного языка-непосредственного источника, с частично иной формой и иным значением. Например, финансово-экономический термин *франшиза* уже давно известен украинскому профессиональному лексикону. Его зафиксировал, в частности, «Словарь экономической терминологии. Проект» Г. Кривченко

и В.Игнатовича [Харьков-Киев, 1930]. Термин же *франчайзинг* в экономическом отделе украинского лексикона появился недавно. Его вместе с производными *франчайзер*, *франчайзний*, *франчайзі* представил ВЗОС. Это новое заимствование восходит к тому же этимону, что и *франшиза* – французскому слову *franchise* “льгота, вольность”, однако уже в составе английского отглагольного существительного *franchising*. К повторным заимствованиям можно отнести и слово *фентезі* как наименование разновидности продуктов литературного творчества, ср. такое его употребление в тексте интервью известной российской писательницы – автора детективов Татьяны Устиновой украинской газете «Україна молода»: *Ви писали колись фантастику. Не збираєтеся повернутися до цього жанру? Можливо, спробувати себе у фентезі?* [УМ, 09.06.2006, с. 17]. Академический толковый «Словарь украинского языка» в 11-ти томах в 1979 г. зарегистрировал неизменяемое прилагательное *фантазі*, заимствованное из французского языка (ср. франц. *fantaisie* «фантазия, воображение») в значении «особого, не традиционного покроя, вида (об одежде, ее деталях)». На давность этого галлицизма в украинском лексиконе указывает такой пример из произведений украинского писателя конца XIX – начала XX века С.Васильченко, предпосланный к этому слову: *Сорочка в мене крамна, «фантазі», шнурочок з рожевими китицями*. Повторное заимствование украинский язык осуществляет также уже не из французского, а из английского языка, транскрибируя англ. *fantasy* в новом для украинского языка значении. ССІС уже зафиксировал этот англицизм в значении «литературный стиль – ненаучная фантастика».

Важным результатом дальнейшей интернационализации украинского лексикона является активизация иноязычных словообразовательных ресурсов: рост продуктивности уже имеющихся формантов и появление новых. Ярким примером повышения продуктивности формальных средств словообразования, уже известных украинскому языку, является резко возросшая в последние десятилетия словопроизводящая активность приставок **анти-**, **контр-**, **супер-**, **ультра-**, префиксоидов **квazi-**, **псевдо-**, **нео-**, **пост-**, суффиксов **-ізація/-изация**, суффиксоидов **-оїд**, **-гейт**. Если в многотомном академическом толковом словаре насчитывается лишь 3 существительных, в которых приставка **супер-** присоединяется к украинским основам (*суперобгортка*, *суперобкладинка*, *суперобмазування*), то в современных словарях и текстах находим уже десятки таких слов-гибридов. Их стилистический потенциал колеблется от нейтральных производных типа *суперзірка*, *супермісто*, *суперпотяга* до ярко оценочных, экспрессивно окрашенных номинаций наподобие

супердіти, суперзлодюга, супермалюк. Появление новых заимствований приводит к морфологизации ранее связанных компонентов слов и их использованию в словопорождении. Так, на наших глазах в префиксоид превратился англицизм **крос-** (от англ. *cross* «крест»). Зафиксированные в «Словаре иностранных слов» под редакцией А.С.Мельничука заимствования *кросворд, кросбридинг, кросинговер* не давали оснований для выделения этого компонента. Однако представленный в ВТССУМ ряд слов *крос-асемблер, крос-коєфіцієнт, крос-курс, крос-розробка, крос-умова* и др. убедительно свидетельствует об использовании этой свободно выделяемой основы слова в качестве префиксоида. Подобную же картину демонстрирует и выделившаяся из слова *Інтернет* основа **-нет**, функционирующая ныне и как самостоятельная лексема-синоним *I(i)нтернет*, и как префиксоид в словах разговорного стиля типа *нетизен, нетикет, нетмейл, нетофоб, нетоман*, и как суффиксоид в ряде наименований региональных и локальных компьютерных сетей наподобие *Рунет, Укрнет, Фринет, Євронет, ботнет, інтранет*.

Особую роль играют некоторые интернационализмы в создании тематических парадигм лексики. Наблюдаем здесь конкуренцию с ранее использованными формальными средствами и тенденцию к вытеснению последних в современной украинской словообразовательной номинации. Примером может служить оппозиция прилагательных *художній, мистецький* и основы **арт-** (от англ. *art* «искусство»). Рост в последние годы активности интернациональной основы **арт-** в образовании украинских композитов свидетельствует о закреплении такого нового образца оформления номинаций в украинском языке. Лексемы *арт-колектив, арт-проект, арт-директор, арт-менеджер* и другие успешно конкурируют с ранее известными составными номинациями наподобие *художній колектив, художній керівник, мистецький проект*, а также демонстрируют более широкий спектр позиционно-комбинаторных возможностей. В частности, они могут функционировать не только в качестве префиксоидов, но и в качестве суффиксоидов, ср.: *боді-арт, поп-арт, оп-арт*.

Изучение разновидностей проявления в современном украинском лексиконе тенденции интернационализации убедительно подтверждает как его открытость к общему ресурсу пополнения современных славянских языков, так и действие защитных механизмов языка, имеющих своей целью сохранение национальной специфики лексикона, типологических черт украинской номинации за счет активизации собственных формальных средств.

Условные сокращения названий источников

- ВЗОС: *Великий зведений орфографічний словник сучасної української лексики* (2003), В.Т. Бусел (голов. ред.), Перун, Київ, Ірпінь.
- ВТССУМ: *Великий тлумачний словник сучасної української мови* (2007), В.Т. Бусел (голов. ред.), Перун, Київ, Ірпінь, 3-є вид.
- ПіК: український художественно-публицистический журнал «Політика і культура»
- РУС: *Російсько-український словник* (2003), В.В. Жайворонок (ред.), Абрис, Київ.
- ССІС: *Сучасний словник іномовних слів* (2006), О.І. Скопненко, Т.В. Цимбалюк (укл.), Довіра, Київ.

Литература

- Гутшмидт К. (1998), *Общие тенденции и специфические формы их представления в современных славянских языках*, [In:] “Jazyko-vedný časopis”, nr. 49/1–2.
- Карпіловська Є.А. (ред.), (2008), *Динаміка та стабільність лексичних і словотвірних систем слов'янських мов*. Київ, Центральна наукова бібліотека України імені В.І.Вернадського.
- Забужко О. (1999), *Хроніка від Фортінбраса: Вибрана есеїстика 90-х*, Факт, Київ.
- Карпіловська Є.А. (2007-2008), *Тенденції розвитку сучасного українського лексикону: чинники стабілізації інновацій*, [In:] “Українська мова”, nr. 4, s. 3-15, nr1, s. 24-35.
- Клименко Н.Ф., Карпіловська Є.А., Даниленко Л.І. (2003), *Динаміка словникового складу сучасної української мови на тлі міжслов'янських паралелі*, [In:] “Мовознавство”, nr 2-3.
- Mannewitz С. (2003), *Интернационализация и графика*, [In:] Ohnheiser I. (red.), *Słowotwórstwo/Nominacja*. Innsbruck, Univ. Innsbruck, Opole, Univ. Opolski.
- Markowski А. (2000), *Jawne i ukryte nowsze zapożyczenia leksykalne w mediach*, [In:] Bralczyk J., Mosiołek-Kłosińska K. (red.), *Język w mediach masowych*, Урowskaechnianie Nauki-Oświata “UN-O”, Warszawa.
- Ohnheiser I. (2003a), *Тенденция интернационализации*, [In:] Ohnheiser I. (red.), *Słowotwórstwo/Nominacja*. Innsbruck, Univ. Innsbruck, Opole, Univ. Opolski, s. 47.
- Ohnheiser I. (2003b), *Цель и концепция тома*, [In:] Ohnheiser I. (red.), *Słowotwórstwo/Nominacja*. Innsbruck, Univ. Innsbruck, Opole, Univ. Opolski.

Waszakowa K. (2005), *Przejawy internacjonalizacji w słownictwie współczesnej polszczyzny*, WUW, Warszawa.

Waszakowa K. (2003), *Przejawy tendencji do internacjonalizacji w systemach słownotwórczych języków zachodniosłowiańskich*, [In:] Ohnheiser I. (red.), *Słownictwo/Nominacja*. Innsbruck, Univ. Innsbruck, Opole, Uniw. Opolski.

Internationalization explicit and hidden in modern Ukrainian lexicon

Summary

In this article results the tendency of internationalization action within Modern Ukrainian lexicon are considered. Explicit international units are distinguished which form specifies their recent occurrence in the Ukrainian language, and hidden international units, which are the results of repeated loan of their prototype from another language with new meaning or meanings, which may be related with semantic paradigm of Ukrainian words. The special attention is given to the word-formative activity of international units, their role in the development of the system organization of Modern Ukrainian lexicon, formation of its new functional-style registers and replenishment of nominative resources.

Ivana Bozděchová

Projevy internacionalizace v současné české odborné komunikaci, zejména lékařské

1. Úvod

Současný informační věk charakterizovaný globalizací a internacionalizací prakticky všech oblastí lidské činnosti (hospodářství, obchodu, vědy, školství, kultury, umění i sportu) vyžaduje především úspěšnou a jednoznačnou komunikaci; zejména v odborné sféře ji umožňují pouze termíny jednotně a jednoznačně vymezené a užívané ve všech jazycích, tj. termíny internacionálního charakteru. V češtině se tradičně internacionalismy (latinsko-řeckého původu) přejímaly prostřednictvím němčiny (viz dále), dnes však hlavně prostřednictvím angličtiny. Používání angličtiny coby *lingua franca* se stává běžnou praxí mezinárodních odborných jednání; její převažující postavení od druhé poloviny 20. století bývá vnímáno jako přirozené či dokonce nevyhnutelné, a tak jsou zdrojem internacionalismů stále častěji (nové) termíny anglického původu.¹ Internacionalismy stále častěji pronikají dále především do publicistiky (zvyšuje se tak intelektuální úroveň publicistických textů), a odtud mnohdy i do běžného jazyka. Z odborné i běžné komunikace se dnes mnohdy zdá, jako by čeština měla dokonce jakousi tendenci přejímat slova z angličtiny, v poslední době hlavně americké, srov. např. v internetové češtině *download*, *downloading* z americké angličtiny x *load down* v britské angličtině. V tomto příspěvku se zmíníme o internacionalismech a anglicismech² v současné odborné slovní zásobě češtiny, a to především na základě analýzy lékařské terminologie (užívané v současných odborných psaných lékařských textech a ve slovnících).

¹ V souvislosti s uznáním angličtiny jako prostředku mezinárodní (a mezikulturní) komunikace se také v lingvistice v rámci výzkumu jazyků pro speciální/specifické účely (Language for Specific Purposes, LSP) formuje užší obor angličtina pro speciální/specifické účely (English for Specific Purposes, ESP).

² Za anglicismy zde považujeme: a) slova anglického původu, b) výpůjčky, které se do češtiny dostaly prostřednictvím angličtiny (zejména latinského a řeckého původu a často internacionálního charakteru).

2. Angličtina v současné české (odborné) komunikaci

Za všeobecnou, univerzální tendenci ve spisovných jazycích lze v současnosti pokládat proces internacionalizace jejich slovní zásoby³, který vede k variantnosti a přispívá k obohacování a větší diferenciaci výrazových prostředků národního jazyka. Vedle obohacení národního jazyka mohou internacionalismy pomoci odstranit některé tzv. „patologické“ jevy domácí terminologie, např. polysémii⁴. Internacionalizace odborné slovní zásoby (jednotlivých terminologických soustav) je zdrojem dynamického pohybu; inspiruje slovotvorné i neosémantizační procesy, při nichž je zdrojem přejímání nových lexikálních významů do češtiny především angličtina.⁵

Vliv angličtiny na češtinu (a podobně také na němčinu, viz Gesler 2001) začal sílit v 19. století, kdy byla Anglie vzorem průmyslového vývoje pro celou Evropu. Zhruba do druhé světové války převládal vliv anglických slov, později začala převažovat americká angličtina. V českém prostředí není angličtina (na rozdíl od němčiny, slovenštiny, polštiny nebo romských jazyků) etnicky opodstatněna, projevuje se ve smíšené komunikaci vyvolávané např. cizinci se zájmem působit u nás profesionálně delší dobu. Angličtina je dosud pocíťována jako generační druhý jazyk mladých lidí, pro které je přejímání slov (zejména módních výrazů) i ozvláštňením jazyka. Používání anglicismů může být také otázkou prestiže - angličtinou se např. inspirují manažeři a zaměstnanci velkých mezinárodních firem. Vedle vlastní komunikace s cizinci dochází dnes častěji ke styku s cizojazyčnými a přeloženými texty, a to zejména v odborné oblasti, kde vzrůstá požadavek psát odborné texty rovnou anglicky. To vede v původních domácích textech (odborných a publicistických) k současnému používání slov a slovních spojení anglických (do jisté míry upravených foneticky a přizpůsobených české tvaroslovné soustavě) a slov a slovních spojení českých (viz např. *odseparovat pool progenitorových buněk; limitací je life expectancy méně než 1 rok; kurčení inaktivního X chromozomu lze v současné době využít speciální metodu, označenou jako „replication banding“, která je založena na principu pomalejší replikace DNA inaktivního X chromozomu*). Tyto

³ V současné lingvistice se této tendenci věnuje značná pozornost, viz např. mezinárodní konference (a sborník) *Internationalizmy v nové slovní zásobě* (uspořádal 16.–18. června 2003 Ústav pro jazyk český AV ČR), práce K. Waszakowe (2003) o projevech internacionalizace v slovotvorných systémech západoslovanských jazyků a autorčina monografie (2005) o projevech internacionalizace ve slovotvorbě současné polštiny; práce D. Svobodové (2007) a příspěvek L. Janovce (2007) o současné češtině, nebo slovenská monografie D. Zdena (2007).

⁴ Srov. „patologie v terminologii“: J. Pienkoš: *Podstawy jurilingwistyki*, Warszawa 1999.

⁵ Mravinacová (2004) uvádí, že se neosémantizace internacionální povahy týká slov nadnárodního charakteru: zřetelně nejpočetnější z nich jsou slova řeckého nebo latinského původu a slova vytvořená z latinských a řeckých kořenů, která jsou historicky integrální součástí slovních zásob jazyků evropsko-amerického jazykového areálu (tzv. evropeismy). Srov. tamtéž G. A. Liličová (1958) – vliv ruštiny na sémantické rozvíjení internacionalismů a rusismů v češtině, nebo Markowski (1999) – vliv angličtiny v polštině.

texty Koblížek (1995: 216) označuje jako „hybridní“; Kocourek (2001: 199) zaznamenává plynulý přechod mezi přejatými termíny a mezi nahodile citovanými cizími výrazy (citátovými výrazy, xenismy⁶, peregrinismy), které se objevují nahodile v textech, ale nejsou považovány za jednotky domácí slovní zásoby.

V současné české komunikaci se anglické výrazy (termíny) osvědčují hlavně jako ekonomické – základním hlediskem při posuzování jejich užívání by však vždy měla být jejich funkčnost. Důležitá je také stylová platnost anglických výrazů (tedy zejména hranice mezi slangovými slovy nespisovnými a neutrální terminologií), příp. (u netermínů) jejich konotace: anglicismy mohou plnit např. funkci eufemismu (srov. anglický eufemismus *handicapovaný* x české neutrální *postižený*, český eufemismus *bezdomovec* x anglické neutrální *homeless*, rovnocenný neutrální anglický i český výraz *street paper* x *pouliční časopis* atd.).

3. Česká lékařská terminologie

Medicína se jako samostatný obor v evropských podmínkách formovala v antickém Řecku a později ve starověkém Římě a latina a řečtina byly jazyky vzdělavců po celý středověk a prakticky až do začátku 20. století. V pracích českých lékařů konce 19. a první poloviny 20. století bylo shledáno množství slov cizího, převážně latinského a řeckého původu (Kolenčíková – Šír: 2004). Latina (klasická i středověká) a řečtina se podobně jako v jiných terminologických soustavách tradičně osvědčuje pro tvoření lékařských termínů zejména proto, že jako mrtvé jazyky mohou v maximální míře dávat jednotlivým výrazům jasnou a přesně ohraničenou pojmovou a významovou platnost. Tak se např. mnohé anatomické názvy používají velmi zřídka v české podobě: v odborných pracích převažují latinské názvy, v popularizačních pracích se zpravidla nejde do takových podrobností, aby bylo třeba užívat názvy v češtině (proto se názvy méně známých anatomických útvarů kalkují z latiny). Termínem se zpravidla v procesu terminologizace stává pro vědecké potřeby výraz internacionální a k popularizačním účelům výraz domácí. Řecko-latinské termíny navíc vyhovují i z hlediska studia (zapamatovatelnosti)⁷ a přeložitelnosti – snadno se od nich tvoří kalky. Jak poznamenává Kocourek (2001: 201), kalkování je užitečné v mezinárodním, zvláště evropském kontextu, kde mj. přispívá k harmonizaci terminologie.

⁶ Xenismy bývají tištěny v uvozovkách či kurzívou, nebo uváděny výrazem *takzvaný*, tzv. Podrobněji o xenismech ve smyslu rezultatů mezijazykové interference, většinou podmíněné kontakty mezi lidmi, jazyky a kulturami viz Daneš, 2002.

⁷ Romich (2001) ukazuje, jak může díky pravidelné a zřetelné slovtvorné stavbě řecko-latinských lékařských termínů morfemická analýza napomoci jejich porozumění a zapamatování.

Ačkoli se pod vlivem obrozeneckých snah po období 19. století projevovala snaha vytvořit kompletní paralelní českou terminologii k terminologii mezinárodní, celkově směřovala česká terminologie od počátku svého vzniku k internacionalizaci; v tomto období se termíny často překládaly nebo přejímaly ze slovanských jazyků. Vlivem Jungmannových snah očistit jazyk od nečeských vlivů se do češtiny dostalo poměrně málo internacionalismů a germanismů, tvořily se domácí neologismy, příp. se pro nový význam adaptovaly starší české termíny. Tehdy se také prosadila ryze česká lékařská terminologie a tradiční latina ustoupila na čas do pozadí; výrazněji se užívání latinských internacionalismů aktualizovalo až na konci 19. století. Nicméně již v lékařských spisech z 18. století (jejich autor Ferdinand Částka ze Šternštejna zemřel roku 1740⁸) si autor vypomáhal vsouváním latinských termínů (mezinárodně srozumitelných) do českého textu (viz Koblížek 2002): ve výkladových partiích jsou termíny řecko-latinského původu i jejich české ekvivalenty.⁹ V lékařském názvosloví tak zanikaly některé vytvořené české termíny (*lučba, zdravotvoda*), mnohé se uchovaly zejména tam, kde byly předmětem školní výuky a kde měl obor rozvinutou popularizační literaturu.

Přestože puristé odmítali germanismy, je vzhledem k celkové společensko-historické situaci třeba u české terminologie počítat s možným vlivem němčiny. Německý jazyk byl často prostředkem, díky němuž bylo snadno možné přeložit latinské názvy; podobně i v polštině, viz Kokot 2007: 200 (latina → němčina → polština). Jak autorka uvádí, bylo tomu tak např. u překladu slavného díla z 1. st. n. l. napsaného latinsky chirurgem řecké armády sloužícím u Nerona a Claudia (jde o popis asi 500 léčivých bylin a léků živočišného a nerostného původu).

Ve 20. století však vývoj mezinárodních odborných kontaktů přirozenou cestou a v souladu s celkovou (historickou) evropeizační tendencí směřoval k zavedení angličtiny jako společného jednacímho jazyka při mezinárodních lékařských setkáních a jako jazyka tištěných lékařských publikací. Kolenčíková – Šír (2004) si stěžují, že zatímco řada lékařských termínů latinského původu má rovnocenné české vyjádření, u termínů převzatých z angličtiny se v současnosti příliš neuplatňuje snaha rozvíjet české názvosloví (např. pro nově vznikající vyšetřovací či léčebné postupy,

⁸ Čest a sláva Vysoko-Mejtská z vyhlášené studně vyprejštěna, to jest: Krátká správa a vejpis rozhlášené starožitné s. Mikuláše lázně na gruntech král. věnného města Vysokého Mejta v Království českém, kraji Chrudimském se nacházející. In: J. Johanides: *Staré královéhradecké tisky*. Hradec Králové 1973.

⁹ Tato praxe se i dnes běžně uplatňuje v odborných lékařských textech (v *inervační zóně nervus safenus*) a také v lékařských výkladových slovnících, viz heslo z *Lexicon medicum* 1995: 514: *insula*, ae, f. ostrov, ostrůvek. *Insula* (cerebri), *lobus insularis* původně volná, během ontogeneze překrytá část mozkové kůry v hloubce *fossa lateralis cerebri*.

nové choroby apod.); považuje se to za zbytečné, ba dokonce za škodlivé.¹⁰ Podle autorů je výrazy původně anglickými přímo přetížena současná česká lékařská hantýrka (slang).

V současném českém odborném lékařském vyjadřování se pomocí termínů anglického původu běžně pojmenovávají především následující skutečnosti a jevy:

1. (moderní a nové) lékařské postupy, techniky, zákroky, metody, přístroje: *on-pump a off-pump operace, steal efekt* (= redistribuce krve směrem od ischemické oblasti do oblasti normální po podávání léků s vazodilatačním účinkem), *bypass* (= přemostění, obejití překážky pomocí žilního štěpu), *end-to-side, klasifikace nádorových onemocnění a staging, psychohygienická technika focusing, speciální metoda, označená jako „replication banding“*, zkrácení „*learning curve*“ (tzv. náběhová křivka), způsob „*copingu*“ čili zvládnutí, *cross-cirkulační metoda (zkřížený oběh)*, „*cross-circulation*“ technika, *rank sum test, log rank test, analýza intention-to-treat, rooming-in* („měkký porod“), *pacemaker*;
2. (nové a moderní) lékařské obory, odvětví, specializace¹¹: *nástup subspecializačního oboru „movement disorders“*, z *takzvané opinion based medicine* vzniká *evidence-based medicine, body-building (sportovní lékařství)*, *minimal invasive chirurgie, léky ze skupiny targetid therapy*;
3. (přirozené i uměle vyvolané) procesy probíhající v lidském těle, stavy pacientů, nemoci: *mateřský nebo otcovský genový imprinting, biochemický screening, genetický imprinting-mechanismus, celkový funkční stav (performing status) pacienta, air-trapping* (= stav, při němž dojde při výdechu k zadržení části vzduchu v alveolech), *DISH* (= diffuse idiopathic skeletal hyperostosis), *elisa* (= enzyme-linked immunosorbent assay), *blue toe syndrome, crush syndrome, high grade dysplasia* apod.

Co do slovtvorné utvářenosti i syntaktického zapojení do textu se mnohé anglické termíny jeví z hlediska českého gramatického systému (který je převážně syntetický a flektivní, na rozdíl od analytického a izolačního anglického systému) jako anomální, parasystémové (*kompresie tepny při thoracic outlet syndromu*). Jde především o nárůst víceslovných termínů, v nichž se ve funkci shodného přívlastku používá původního anglického substantiva, příp. zkratky, viz např.: „*marker*“ *chromozom, confounding fak-*

¹⁰ Napomáhá tomu jistě mj. i fakt, že lékaři čtou velké množství odborných textů přeložených z angličtiny. Jak autoři z vlastní redaktorské praxe v nakladatelství Praha Publishing, vydávajícím odborné lékařské časopisy, uvádějí, jde většinou o časopisy překladové (je to výběr článků ze zahraničních anglicky psaných periodik, vydávaný v České republice na základě licence).

¹¹ Podobně v této oblasti zaznamenává rostoucí vliv angličtiny na odborný lékařský jazyk v polštině [Kokot 2007: 202]: např. u popisu psychoterapeutických technik se podle autorky používá mnoho výrazů anglického původu, k nimž lze najít polské protějšky (*acting out, working through*), jiné názvy se v polštině již adaptovaly (*stres, frustracja*).

tory, releasing hormone, NK- buňky (NK = Natural Killer), CT vyšetření (CT = computer tomography), CT-angiografie, MR-angiografie (MR = magnetická rezonance), CT a UZ kontrola (UZ = ultrazvuk) atd. Multiverbální prostředky jsou z hlediska pojmenovací typologie pro současnou odbornou (a také publicistickou) sféru charakteristické; jak konstatuje Vlková (1990), lze je řadit do souboru tzv. evropeismů (*dať razrešenije, to make a return*) a jsou srovnatelné především strukturně, nikoli sémanticky a funkčně.

Výrazně dynamický jev v současné (odborné i neodborné) slovní zásobě češtiny představují kompozita, a to zejména hybridní, čímž je zasadvána samotná struktura jazyka: přibývají jeho aglutinační rysy. K tvoření hybridních složenin, někdy označovaných jako kvazikompozita, příp. internacionální kompozita¹², a k hybridnímu tvoření vůbec (derivovaných i víceslovných pojmenování a zkratk) dochází v odborném vyjadřování především podle internacionálních slovotvorných modelů,¹³ hojně je i zkracování prvního členu a využívání iniciálových zkratk. Viz např. *met-hicilin-rezistentní kmeny, koaguláza negativní stafylokoky, bypassová operace, R-kolonie* (R = rough), *S-kolonie* (S = smooth), *non-REM-spánek* (REM = Rapid Eye Movement), *HELLP syndrom* (HELLP = hemolysis, elevated liver enzymes and low platelet count), *přístup W/W* (WW = watch and wait), *SAS* (= sleep apnoe syndrome), *XLP syndrom* (XLP = X-linked lymphoproliferative syndrome), *CT navigovaná perkutánní punkce, CT a UZ navigovaná drenáž žlučníku* atd.

Termíny také mnohdy přebírají sémantickou motivaci anglických pojmenování, viz např. *dráha Z = Z-pathway* (označení u mikroorganismů podle podobnosti s písmenem Z), *prstenec C-ring, sick sinus syndrome – syndrom nemocného uzlu* (druh srdeční arytmie, kdy se střídají rychlé a pomalé supraventrikulární rytmy) atd.

Pokud se pro týž pojem vyskytují názvy cizí (anglické) i domácí (především kalky) v jednom textu, zpravidla se při prvním výskytu uvedou oba vedle sebe a pak se užívá už pouze jeden, srov. např. *paměťové buňky* (*memory-cells*), *pomocné buňky* (*helper-cells*), *maligní transformace* či *prekarcinomové změny* (*dysplazie, DALM / dysplasia-associated lesions of the mucosa*), *složitější posuny laloků* (*advancement flap*), *vodní tryskový skalpel* (*Hydro-Jet*) atd.

¹² Viz polská gramatika 1984 a J. Horecký – K. Buzássyová – J. Bosák a kol.: *Dynamika slovné zásoby súčasnej slovenčiny*. Veda, Bratislava 1989. Na problematiku klasifikace a označování nových pojmenovacích útvarů se slovem v úloze určovaného členu a morfologicky neztvárněným, nevyhraněným výrazem poukazuje také Martincová 2005: 218 a označuje je jako „kvazislova“; viz též Opavská 2005: výrazy s prvky nelexikální povahy (abreviační kompozita).

¹³ Jak uvádí Michálek 1989, hybridní tvoření a tvoření zkratkových slov a zkratk (včetně mechanického krácení), charakteristické pro dnešní odborné názvosloví, se používalo již ve staré češtině – viz *Klaretovy slovníky* z počátku 2. poloviny 14. st.

4. Závěr

Jak jsme se v tomto stručném příspěvku pokusili naznačit, vývoj a formování současné české odborné slovní zásoby charakterizuje souběžné pojmenovávání vlastními pojmenovacími prostředky a přejímání cizojazyčných, tedy především anglických termínů a slovotvorných modelů. Právě problematika přejímání anglických termínů patří k aktuálním a citlivým úkolům naší terminologické kultury. Mnohdy se objevují výhrady k tvoření termínů z domácích zdrojů, někdy spojené s názory o nepřeložitelnosti anglických termínů a o nevyhnutelnosti zachovat je v češtině v nezměněné podobě. Do současné české odborné (lékařské) komunikace pronikají podněty a inspirace nové anglické (anglo-americké) terminologie, a to nejen vzhledem k vytváření českého názvosloví, ale i vzhledem k jeho uplatňování při tvorbě původních odborných textů i při překladu textů anglických. Česká odborná lékařská produkce se stále častěji a intenzivněji zapojuje do produkce mezinárodní, téměř výlučně vedené v angličtině. Pod vlivem internacionálních modelů se objevují konkurenční typy pojmenování – v terminologické oblasti hlavně hybridní (složeniny a víceslovná pojmenování). Jak se vzhledem k požadavkům současné odborné komunikace ukazuje, čeština podobně jako většina jazyků světa dnes anglicismy používá a v různé míře se s nimi vyrovnává; i tím se potvrzuje jejich univerzální charakter. Výzvou přesto zůstává Havránkův výrok (1919: 79): „Cizích názvů užívejme jen měrou nejmenší a nikdy tam, kde možno věc říci beze všeho i běžnými slovy českými.“¹⁴

Literatura

- Alberts M., *Terminology in South Africa*, www.sun.ac.za/wat/translex/ALBER99d.html
- Bozděchová I. (2003), *Nové internacionalismy v odborném stylu*, [In:] *Internationalizmy v nové slovní zásobě*. Sborník příspěvků z konference Praha, 16. – 18. června 2003, Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR.
- Daneš F. (1995), *Situace češtiny: perspektiva i retrospektiva*, [In:] Jana Jančáková a kol. (red.), *Spisovná čeština a jazyková kultura 1993*, Praha: FF UK.
- Daneš F. (2002), *Xenizmy v dnešní češtině*, [In:] Zdeňka Hladká – Petr Karlík (red.), *Čeština – univerzália a specifiká 4*. Sborník konference v Brně 15. – 17.11. 2001, Praha: Nakladatelství Lidové noviny.

¹⁴ Text vznikl v rámci grantového projektu VZ MSM 0021620825 „Jazyk jako lidská činnost, její produkt a faktor“.

- Dobrotová I. (2002), *K právnímu a právníckému diskurzu*, [In:] *Termina 2000*. Sborník příspěvků z II. konference 1996 a III. konference 2000, Praha: Galén.
- Gesler S. (2001), *Anglizismen im Tschechischen und im Deutschen*, Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH.
- Grabmüller M. (2003), *Problematika vytváření české terminologie odborného jazyka evropských společností*, *ToP XIV*, 66.
- Havránek B. (1919), *O lékařském slovníku*, [In:] „Naše řeč“, roč. 3.
- Horecký J. (1999), *Internacionalizácia a europeizácia slovenčiny*, [In:] Jozef Bosák (red.), *Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch: za a proti*, Bratislava: Veda.
- Horecký J. (1962), *Na okraj českého a slovenského anatomického názvoslovia*, [In:] „Čechoslovenský terminologický časopis“, I, 1.
- Horecký J. – Buzássyová K. – Bosák J. a kol. (1989), *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*, Bratislava: Veda.
- Janovec L. (2007), *K projevům jazykových vývojových tendencí v současné češtině*, [In:] „Naše řeč“, roč. 90.
- Kábrt J. – Kábrt J. jr. (1995), *Lexicon medicum* (2., doplněné a přepracované vyd.), Praha: Galén.
- Koblížek V. (1995), *Čeština a výpočetní technika (Problematika internacionalizace odborné slovní zásoby)*, [In:] *Spisovná čeština a jazyková kultura 1993*. Sborník z olomoucké konference 23. – 27.8.1993, Praha: FF UK.
- Kocourek R. (2001), *Terminologické anglicismy: příčiny jejich vzniku, jejich lingvistická povaha a místo v slovní zásobě*, [In:] *Termina 2000*. Sborník příspěvků z II. konference 1996 a III. konference 2000, Praha: Galén.
- Kolenčíková E. – Šír A. (2004), *Vývoj lékařské terminologie za posledních deset let*, [In:] *Opera Academiae Paedagogicae Liberecensis, Series bohemistica*. Vol. II, MMIV, Termina 2003, Liberec.
- Kokot U. (2007), *Polskie nazwy medyczne przyswojone z języków obcych*. [In:] *Slavjanite i Evropa*, Sofie: Heron Press.
- Martincová O. (2005), *Nová víceslovná pojmenování*, [In:] Olga Martincová a kol. (red): *Neologizmy v dnešní češtině*, Praha: ÚJČ AV ČR.
- Michálek E. (1989), *Česká slovní zásoba v Klaretových slovnících*, Praha: Academia.
- Mravinacová J. (2004): *K problematice neosémantizmů internacionální povahy*, [In:] *Varia XI*. Zborník materiálů z XI. kolokvia mladých jazykovedcov (Spišská Nová Ves 28.-30.11.2001), Bratislava: SJS pri SAV.

- Opavská Z., *Komponenty e-, i -, m- v nové slovní zásobě*, [In:] Olga Martincová a kol. (red.), *Neologizmy v dnešní češtině*, Praha 2005: ÚJČ AV ČR.
- Poštolková B. (1964), *Počestování přejatých slov řeckého původu v lékařském prostředí*, [In:] „Naše řeč“, roč. 47.
- Romich J.A. (2001), *Understanding Basic Medical Terminology*, [In:] Oaks D.D, *Linguistics at Work. A Reader of Applications*, Cambridge (MA): Heinle & Heinle Publishers.
- Roudný M. (1981), *Vliv cizích jazyků na vývoj českého odborného názvosloví*, [In:] *Československá standardizace*, roč. 6.
- Rusínová Z. (2002), *Slovotvorná adaptace přejatých slov a její povaha*, [In:] *Čeština doma a ve světě*, t. X, 4.
- Svobodová D. (2007), *Internacionalizace současné české slovní zásoby*, Ostrava: Ostravská univerzita.
- Tejnor A. (1976), *Anglicismy v odborném vyjadřování*, [In:] „Naše řeč“, roč. 59.
- Tibenská E. (1999), *Internacionalizácia a ideologizácia v jazyku*, [In:] Jozef Bosák (red.), *Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch: za a proti*, Bratislava: Veda.
- Vlková V. (1990): *Příspěvek k analýze multiverbálních spojení typu provádět rekonstrukci*, [In:] „Slovo a slovesnost“, č. 51.
- Waszakowa K. (2003), *Przejawy tendencji do internacjonalizacji w systemach slowotwórczych języków zachodniosłowiańskich*, [In:] Ingeborg Ohnheiser (red.), *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 1. Slowotwórstwo / Nominacja*, Opole: Universitat Innsbruck – Uniwersytet Opolski.
- Waszakowa K. (2005), *Przejawy intrnacionalizacji w slowotwórstwie współczesnej polszczyzny*, Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego.
- Zdeno D. (2007), *Jazyky v kontaktoch (Anglicizmy a iné slová cudzieho pôvodu v nemčine a slovenčine)*, Banská Bystrica: Filologická fakulta Univerzity Mateja Béla.

Manifestations of internationalisation in contemporary Czech specialised communication, especially medical communication

Summary

This brief survey examines the phenomena of an increased influence of English on the Czech specialized vocabulary and on professional communication in a (lexically) so traditional field as medicine. On the basis

of excerpts from monolingual and multilingual medical dictionaries and of published scholarly texts in the field of medicine the author attempts to judge the position and the share of anglicisms in contemporary Czech medical terminology and in (written) medical communication in which authors are now compelled to read translated and original English texts and also to write their own professional texts in English. Attention is focused on anglicisms as abnormal expressions from the viewpoint of the Czech linguistic system; some traditional terms (from Latin and Greek roots) are compared with (Anglo-American) terms from modern medicine.

Наталья Авина

Проявление интернационализации в русском языке в ситуации этнокультурного взаимодействия

1. Вводные замечания

Развитие современных языков характеризуется тенденцией, которую называют «тенденцией трех и»: интеграция, интернационализация и интеллектуализация языковых проявлений» [Журавлев 2004: 280]. Один из наиболее живых и социально значимых процессов в русском языке в период последних десятилетий – интернационализация, в которой находит отражение языковой вкус эпохи [Костомаров 1994].

По вопросам интернационализации существует достаточно исследований [например, Авилова 1967, Акуленко 1980, Крысин 1996, Тенденции интернационализации в современных славянских языках 1997]. Тем не менее остаются нерешенные вопросы; до сих пор не имеет однозначного толкования само понятие «интернационализм». Так, интернационализмы в узком понимании – это собственно международные слова, «совпадающие по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полно или частично совпадающим смыслом, выражающие понятия международного характера в области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем в трех) языках» [Бельчиков 1990: 197]. Интернационализмы в широком понимании – это не только международные слова, но и другие языковые элементы, прежде всего морфемы [см., например, Смирнов, Венедиктов, Ермакова, Стемковская 1998]. Поскольку интернациональные элементы проявляются в сфере словообразования не в меньшей степени, чем в лексике (и особенно в новейший период функционирования языка), представляется оправданным рассматривать интернационализмы в широком понимании. Основная масса интернационализмов – это

восходящие к греческому или латинскому языкам лексические интернационализмы и интернациональные словообразовательные элементы.

Интернационализация – сложный и многосторонний процесс, связанный с лингвистическими (внутриязыковыми) и нелингвистическими аспектами. Внешние проявления данного процесса определены возрастанием роли «мировых» языков в развитии билингвизма, полилингвизма и т.п. Интенсификация коммуникативных контактов, открытая ориентация на Запад в области экономики, политической структуры государства, культуры и т.д. – все эти процессы послужили важным стимулом активизации интернационализмов, особенно в последние десятилетия [Крысин 1996]. Внутриязыковые проявления заключаются в формировании и постепенном увеличении в отдельных языках фонда интернационализмов и их функциональной нагрузки [Смирнов, Венедиктов, Ермакова, Стемковская 1998]. Суть языковой интернационализации заключается прежде всего в том, что в результате социокультурных и языковых контактов в группах родственных и неродственных языков формируются своеобразные «зоны общности», представляемые соотносящимися между собой элементами – интернационализмами. Специфическая черта интернационализмов – межъязыковое сходство в планах содержания и выражения. Подобная лексика адаптируется в языке довольно быстро, переходя в разряд нейтральных безоценочных номинаций.

Интернациональные слова и морфемы способствуют увеличению фонда интернациональных языковых элементов в языках; эти элементы воздействуют на лексико-семантическую и словообразовательную системы языков, что проявляется в возникновении новых словообразовательных формантов и моделей; создаются лексические кальки и неологизмы по интернациональным словообразовательным моделям и др. [см., например, Смирнов, Стрекалова 1987]. Наблюдения над стилистическими особенностями интернационализмов показывают, что в разных языках такие слова являются принадлежностью не только научного стиля, как это было, например, в 70-80 гг. XX века. В наше время интернационализмы получают большое распространение в языке средств массовой информации, художественной литературы, административно-деловом стиле, разговорной речи; эти процессы находят отражение и вне литературного языка – в жаргоне, просторечии.

Актуальным представляется рассмотрение специфики интернационализации в ситуации языкового контактирования. Некоторые вопросы затрагивались, в частности, исследователями языка русского зарубежья [Земская 2001, 2002, Протасова 2004 и др.], однако полученные результаты требуют дальнейшей систематизации и осмысления. Наша статья и посвящается процессам интернационализации в русском

языке (как родном) в ситуации этнокультурного взаимодействия. Конкретной задачей является определение особенностей интернациональной лексики и гибридных слов. Но, как известно, явления интернационализации, а также ситуации языкового контактирования, многочисленны и разнообразны. В связи с этим мы можем представить лишь некоторые рассуждения по данной теме, сопоставляя наши наблюдения, с одной стороны, с результатами исследований в разных ситуациях этнокультурного взаимодействия, а с другой – с процессами интернационализации в русском языке метрополии. В качестве иллюстративного материала исследования используются примеры русского языка (как родного) в ситуации этнокультурного взаимодействия в Литве. Приводимые примеры – преимущественно из русскоязычных газет Литвы в период последнего десятилетия, а также из устной разговорной речи.

2. Интернациональная лексика в ситуации этнокультурного взаимодействия

Активизация интернациональной лексики в русском языке и ее семантические изменения типичны для различных ситуаций этнокультурного взаимодействия. Такой вид интерференции называют интернациональным, имея в виду устойчивость языковых контактов [Белоусов, Григорян, Познякова 2001]. Исследователи обращают внимание на активизацию интернациональной лексики, расширение семантики ряда слов и их сочетаемости [Земская 2001], смешение слов, имеющих общий элемент в семантике [Голубева-Монаткина 1995, Протасова 2004] и другие особенности. Так, акцентологические отклонения в интернационализмах, обусловленные влиянием контактирующих языков, отмечаются в языке русских во Франции – *принцип, комплэкс, синоним* [Голубева-Монаткина 1993], Америке – *депáртмент, апáртмент; кáледж* – ср. в русском *колледж, эвеню* – ср. в русском *авеню* [Земская 2001] и др. В речи русской диаспоры Германии возрастает частотность заимствованных при посредстве немецкого языка интернационализмов, которые или не существуют в языке метрополии (например, *толерировать* «относиться терпимо, толерантно»), или употребляются в иных значениях и контекстах (например, под влиянием немецкого эквивалента *инвестировать* в более широком контексте – «прилагать усилия») [Жданова 2006].

Разнообразие интернациональной лексики характерно также для русского языка в Литве. Открыв любую газету, можно обнаружить массу интернационализмов и производных от них слов. См, например, Обз. № 21, 2008 г., где подобные слова отражают разнообразные сферы

жизни: *Это – компромиссный документ, в котором, в сущности, больше согласуются интересы, **декларируемые** большими и малыми государствами ЕС... Договор должен вступить в силу..., если его **ратифицируют** все страны сообщества; социальную: **Телекоммуникационная компания «Tele2»** представляет исключительное предложение для своих деловых клиентов...; **Компания** в десять раз понизила и **тарифы мобильного Интернета в телефоне** – сейчас один мегабайт переданной... информации клиентам... стоит всего 20 центов. Эта акция продлится до 21 августа; «Семья и сохранение **национально-культурных традиций и идентичности**» – конференция под таким названием в минувшие выходные прошла в доме польской культуры...; **Презентацию** откроют гости проекта, лауреаты **престижных международных конкурсов**...; Но я же вместе со всеми стоял в очереди на **кастинг!** Да и не рвался я – **рэпер** – в этот проект... Подобные слова распространены и в рекламе: **Спортивный клуб «Victoria Gym»** заботится о вас и вашем здоровье! **Лучший тренажерный зал** в странах Балтии. Мы предлагаем вам: бани, бассейн, джакузи, **аэробiku, реабилитацию**, уроки плавания.*

Интернационализация, носящая глобальный характер, ярко проявляется и в современном литовском языке. Исследователи литовского языка отмечают активное проникновение интернационализмов [Rudaitienė 1992, Drotvinas 1995, Mikulėnienė 1999, Vaitkevičiūtė 2001 и др.]. Это вызывает проблемы культуры речи – так, большой список англицизмов, для которых необходимы литовские эквиваленты, представлен в книге *Kalbos patarimai* [2005]. В ситуации языкового контактирования посредством литовского языка активизируется целый ряд интернационализмов для обозначения новых реалий в русском языке, в частности: наименований из сферы политики – *сейм, консерваторы, либералы, социал-демократы*; названий государственных учреждений, политических институтов и под. (*департамент миграции, департамент инфраструктуры, муниципальная полиция, мэрия, президентура, инаугурация президента*), наименований должностей (*спикер, вице-спикер, мэр, канцлер, директор по коммерции и маркетингу*); названий, связанных с наукой и системой образования: *нострификация, сенат, бакалавр, магистр, магистрант, габилитация*. Такие интернациональные слова, обозначающие коммуникативно важные понятия, попадают в зону социального внимания. В определенные периоды их частотность в речи становится необычайно высокой, они легко образуют производные, например: *резистент, резистенция, резистентский*.

Наряду с безэквивалентной лексикой отмечаются слова, имеющие соответствия в русском лексиконе и характеризующиеся некоторыми прагматическими, денотативными и коннотативными

различиями. Соответствующее интернациональное слово помогает адресату быстро и однозначно осуществить референцию к конкретному объекту: *По признанию самих **фундаторов**, ...институт создан в спешке* [Обз., №22, 1999] (лит. *fundatorius* «основатель», «создатель», «спонсор»); ***сигнатор*** (лит. *signataras*) и др. Как и в русском языке метрополии, такие слова, первоначально проникающие через язык средств массовой информации, впоследствии не отличаются стилевой ограниченностью и, теряя функционально-стилевую окраску, становятся общеупотребительными: ***Абсолювент** одной престижной столичной гимназии* [Эк.Н., №41, 2002] – «выпускник»; ***Прелиминарно** могу сказать следующее* (Т.) – «предварительно, заранее»; *Сходи в **амбасаду*** (РР) – «посольство»; *Однажды в воскресенье брат нам такую **аттракцию** устроил: на рыбалку пригласил* (РР) – «развлечение».

Интернационализм отдается предпочтение также в качестве некоторых локальных вариантов наименований. См. активные лексико-семантические инновации, давно функционирующие в языке русских Литвы [Синочкина 1989]: *каденция* «срок полномочий», *продекан* «замдекана», *секция* «секционный шкаф», *гольф* «водолазка», *тренинг* «тренировочный костюм», *дантист* «врач-стоматолог» и другие.

Как показывают наши материалы, в ряду других слов именно интернационализмы чаще всего подвергаются семантическим изменениям. Так, происходит расширение семантики ряда частотных в литовском языке интернационализмов, обозначающих актуальности современной жизни и используемых в русском языке: *Как называется эта **студия**?* (РР) – «курс, учебная дисциплина»; *акция «скидка»: **Акция** – 30%. С 15 августа по 15 сентября – пошив демизимнего пальто – со **скидкой** 30%* [Эк.Н., №36, 2002]. Семантические сдвиги наблюдаются в случае расширения сочетаемости ряда интернационализмов, например, с наименованиями бытовой сферы: ***аренда** свадебных, вечерних нарядов, платьев для первого причастия* [Эк.Н., №50, 2001].

Таким образом, наши материалы подтверждают активизацию интернациональной лексики, семантических изменений интернационализмов, характерных для ситуации этнокультурного взаимодействия.

3. Гибридные слова в ситуации этнокультурного взаимодействия

Процессы гибридизации интенсивно исследуются, однако общепринятой точки зрения по вопросу гибридизации нет: разграничивается узкое и широкое понимание гибридного словопроизводства. При узком понимании к гибридам относятся только словосложения

с интернациональным компонентом. При широком понимании гибридных слов, более распространенном, рассматриваются также и простые производные слова, в структуре которых сочетаются исконные и интернациональные элементы [например, Земская 2002].

Посредством гибридных слов происходит дальнейшее освоение языками интернациональных элементов, которые вступают в разнообразные лексико-семантические и словообразовательные связи с исконными основами и аффиксами. Интернациональные слова и морфемы могут становиться исходной базой образования новых слов. Резкая граница между национальным и интернациональным словообразованием сглаживается, между этими системами словообразования «происходит постоянное взаимодействие: синонимическое взаимодействие – борьба, отталкивание, тонкое перераспределение функций и условий сочетаемости разных аффиксов с основами» [Земская 2002, 165]. Гибридизация – важный способ номинации и неологизации. Показателем продуктивности слов-гибридов на рубеже веков служат следующие явления [см: Земская, Ермакова, Рудник-Карват 1998]: 1) активизация иноязычных по происхождению аффиксальных морфем, приобретающих способность сочетаться не только с иноязычными, но и с исконными основами; 2) приобретение рядом иноязычных элементов статуса аффиксов; 3) включение заимствованных слов в словообразование.

Гибридные слова представляют интерес в аспекте динамики литературной нормы и речевой культуры. «На смену прежним отрицательным или настороженно-скептическим оценкам (с позиции «чистоты языка», «правильности» речи и т.п.) приходит признание их необходимости и правомерности, осознание того, что их возрастающая продуктивность вызывается потребностями коммуникации. Многие гибридные слова прошли в славянских языках процесс «олитературивания» и функционируют в рамках литературной нормы» [Смирнов, Венедиктов, Ермакова, Стемковская 1998:534]. Существовавшее ранее положение, когда иноязычные аффиксы порождали преимущественно книжную лексику и сочетались с иноязычными по происхождению основами, меняется. Иноязычные аффиксы широко сочетаются с русскими основами, а русские аффиксы с иноязычными основами [Земская 2002].

Наш материал, касающийся слов-гибридов в русском языке в Литве, подтверждает распространенность разнообразных типов подобных производных. Их семантика и комбинаторика в современном русском языке, а также в языке русского зарубежья рассмотрена, в частности, Е.А. Земской [2002]. В ряду разнообразных словообразовательных типов, широко представленных в русскоязычных газетах

Литвы, для иллюстрации выделим примеры двух продуктивных типов гибридных слов, образованных способом именной префиксации и сложения.

Следует заметить, что при именной префиксации в период последних десятилетий высокую продуктивность обнаруживают прежде всего те приставки, которые выражают смыслы, актуальные и социально значимые для определенного периода в жизни общества [см. аналогичные примеры: Русский язык конца XX столетия, 1996]. В нашем материале в ряду наиболее продуктивных выделим слова-гибриды со следующими приставками:

анти- со значением отрицания, противонаправленности – *Понимая теорию **антиавтомобилей**, реально ездить на машине вы не умеете и не должны* (Обз., №30, 2000); *По словам разработчиков программы, в день поступает около 400 заявок на подобные **антиникотиновые** сообщения* [Эк.Н., 2001, №10]; *Лучше отдавать предпочтение **антисклеротической** пище: творогу, сыру, куриному мясу и др.* [Обз., 2001, №18]; *За нарушение правопорядка **фанаты** и **антифанаты** группы «Фристайл» были задержаны* [П, №50, 2000]; ***Антиреклама** сигарет не уменьшила числа курящих* [П, №35, 2000];

супер- «высокая степень проявления признака, выражаемого базовой основой» – *Группа... работала с различными **суперавтомобильными*** [Обз., №19, 2001]; *В понедельник **супербаскетболист** не появился ни на утренней, ни на вечерней тренировках* [Р, №58, 2002]; *Вот так бывший **суперделикатес**, изготовление которого больше не регламентируется четкими и строгими стандартами, превратился в посмешище* [Обз., №12, 2002]; *Хотя и были попытки утверждать, что мы играли с **суперкомандой**, статистика это опровергает...* [Р, 2000, №198]; *Команда футболистов плыла два дня на гигантском **суперкомфортабельном** теплоходе...* [Обз., 2001, №4];

экс- «прежде бывший тем, кто назван мотивирующим словом» – ***Экс-парламентарий** ...несколько лет занимался подготовкой документов по безопасности фортов* [Обз., №31, 2001]; *По словам менеджера **экс-короля** ринга..., его клиент готов встретиться с чемпионом в тяжелом весе...* [Эк.Н., 2001, №9].

Активностью отличается также другой словообразовательный тип гибридных слов, образованных способом сложения, что связано с краткостью и семантической емкостью таких дериватов. Высокой продуктивностью характеризуются композиты, первый компонент которых представляет собой интернациональную основу. См., например, названия передач в русскоязычных газетах Литвы: «Инфо-

шоу», Телебарометр, Видеоновелла, От киноавангарда к видеоарту, Спорт-телеграмма.

Особенно значимым, судя по русскоязычным СМИ Литвы, становится компонент **евро-**: *Во время обеда руководители стран и члены делегаций обменялись мнениями по поводу евроинтеграции...* [Обз., №31, 2001]; *Достигли сотрудничества между государствами еврозоны* [Эк.Н., №2, 2002] и др.

Компонент *евро-* можно назвать ключевым словом последнего десятилетия, обозначающим актуальные современные реалии и дающим в короткий период времени ряд производных в русском языке в целом. Словообразующий интернациональный элемент, «отработанный» в европейских языках в 50-70-е годы XX века, в русском языке превратился в имя существительное. В 80-90-е годы XX века использование слов с *евро-* заметно активизировалось, а во второй половине 90-х годов наблюдается настоящий «словообразовательный взрыв» слов с *евро-* [Зеленин 2003]. В начале XXI века происходит выход *евро-* в центр языковой системы. «Евро – не только и не столько слово, но и символ нового общественно-экономического и политического союза, символ нового единения народов и культур. Именно этим экстралингвистическим фактором объясняется его чрезвычайная активность в европейских языках...» [Зеленин 2003, 35]. Попытки адаптации существительного к русской флективной системе, особенно в области морфологии, словообразования, наблюдаются преимущественно в разговорной речи, жаргоне. В семантическом отношении *евро-* становится нечетким, аморфным, обнаруживает тенденции к многозначности. Е.А. Земская [2002] также отмечает, что элемент *евро-* демонстрирует движение в сторону префикса, усиливается оценочное значение «лучший», «супермодный» за счет ослабления значения «европейский». Кроме того, для обозначения денег в русской разговорной речи как в метрополии, так и в различных ситуациях языкового контактирования используется суффиксальное образование *еврики*. В частности, как отмечает Е. Протасова [2004], в Финляндии это разговорная форма русских продавцов.

Следует заметить, что наряду с компонентом *евро-* могут лексикализироваться и другие интернациональные элементы, например, *видео-*: *Фотографирую и снимаю на видео свадьбы и другие торжества* [ЛК, №39, 2001].

Показателем активности гибридного словообразования является тот факт, что в современном языке гибридизация часто используется как средство языковой игры – и в СМИ, и в непринужденной разговорной речи. Наши примеры, касающиеся использования слов-гибридов в русскоязычных СМИ Литвы, также свидетельствуют

о расширении функций гибридных слов. Наряду с номинативной, слова-гибриды используются в экспрессивной функции, в основном с юмористической, иронической окраской, и часто – в заголовках: *Суперполет* [Обз., №38, 1999]; *Антисекс* [П, №40, 2000]; *Информация к размышлению. Обершпион* [Обз., №26, 2000]; *Поп-мысли от секретарши* [П, №32, 1999]; *Евроконтакт* [П, №4, 2001]; в названиях – *...организуется конкурс «Суперприческа школы»* [Эх.Л., №202, 2000]; в рекламе – *Суперменю для желающих похудеть* [Р, №28, 2001]. При этом выделяются разнообразные приемы экспрессивного использования гибридов. Например: намеренное нагромождение слов с такими аффиксами, каскад производных; ср. следующий фрагмент текста под заголовком *Автоворы разгулялись: В последние месяцы в Литве резко возросло количество угонов автомобилей. За 8 месяцев полиция зарегистрировала 3604 случая похищения автомашин* [Обз., №42, 2001]; разнообразные графико-орфографические и пунктуационные средства, например, дефисное выделение – *Супер-скидки* [Эк.Н., №44, 2001]; *«Я давно мечтал сыграть анти-личность», – сказал по этому поводу маэстро, и вот такой случай представился* [ЛР, №4, 2001].

Наряду с отмеченными выше фактами интернационализации, характерными и для русского языка в метрополии, выделим некоторые специфические особенности гибридного словообразования, типичные для ситуации этнокультурного взаимодействия. Это преимущественно явления устной разговорной речи, связанные с морфемной структурой интернационализмов:

- создание слов-гибридов путем присоединения продуктивного в русском языке словообразовательного форманта (например, суффикс *-ирова-*) к производящей основе литовского слова: *diferencijoti* «дифференцировать» – *дифференцировать*, *redaguoti* лит. «редактировать» – *редагировать*, *korreguoti* лит. «корректировать» – *коррегировать*, *bankrutuoti* лит. «обанкротиться» – *банкротировать*;
- создание слов-гибридов путем замены, в соответствии с литовским языком, русского суффикса другим, например, *-ij*: *министерия* (лит. *ministerija* «министерство»), *телевизия* (лит. *televizija* «телевидение»), *элеганция* (лит. *elegancija* «элегантность»);
- исчезновение суффиксов: *Когда была программа норвегов, они где-то полтора часа пели* (лит. *norvegas* «норвежец»); *Слишком много комментариев* (лит. *komentaras* «комментарий») (РР);
- смешение похожих по значению и звучанию интернациональных компонентов, например, *-arium/-арий* (см. Бразаускаене 2000):

планетариум (лит. planetariumas) – *планетарий*, *соляриум* (лит. soliariumas) – *солярий*.

Аналогичные явления гибридации отмечаются и в других ситуациях языкового контактирования [Земская 2001, 2002, Осипова 1999, 2002]. Так, под влиянием немецких слов в языке русских эмигрантов в Германии отмечается утрата суффиксов интернационализмов, например, *мусульман*, *архитект* (ср. *мусульманин*, *архитектор*) [Протасова 1996].

Таким образом, наш материал подтверждает активность проявления интернационализации в словообразовании: создание гибридных слов, изменение морфемной структуры интернационализмов в ситуации этнокультурного взаимодействия.

4. Заключительные замечания

Типичные проявления интернационализации, характерные для современного русского языка, – активизация интернациональных лексических и словообразовательных единиц, расширение сфер использования интернационализмов, расширение их функций, их стилистическое изменение, выражающееся в нейтрализации, – являются характерными и для ситуации этнокультурного взаимодействия. Это подтверждают исследования разных ситуаций языкового контактирования, в том числе и наши материалы, касающиеся русского языка в Литве. Использование интернационализмов определено прежде всего коммуникативной целесообразностью.

Между тем отмечается ряд очевидных особенностей интернационализации в ситуации языкового взаимодействия. Специфику процесса интернационализации определяет влияние контактирующего языка, которое может быть как косвенным, опосредованным, так и прямым. Следовательно, появляется новый источник интернационализации. В связи с этим состав лексических и словообразовательных интернационализмов не является в полном объеме тождественным тому, который характерен для русского языка метрополии. В ситуации этнокультурного взаимодействия посредством языка окружения в родном языке активизируются те интернационализмы, которые актуальны для данного социума в данный период для номинации определенных социокультурных реалий. Специфической является и деривационная активность словообразовательных элементов, происходят некоторые изменения в морфемной структуре интернационализмов под влиянием контактирующего языка. Активизация интернациональной лексики и гибридных слов с интернациональными элементами в ситуации этнокультурного взаимодействия – это определенная стратегия культурно-языкового поведения, коммуникативное удобство, что является особенно

актуальным при языковом контактировании. Интерференция подкрепляется параллельным употреблением слов в контактирующих языках.

Безусловно, в разных ситуациях языкового контактирования конкретное проявление названных особенностей интернационализации будет специфическим. Об этом свидетельствуют факты исследований русского языка в различных странах, например, Франции [Голубева-Монаткина 1993], Америке [Земская 2001, Осипова 1999, 2002], Финляндии [Протасова 2004], Литве [Авина 2006], Германии [Жданова 2006] и др.

Условные сокращения

ЛК – газета «Литовский курьер»

ЛР – газета «Летувос ритас»

Обз. – газета «Обзор»

П – газета «Пирмаденис»

Эх.Л. – газета «Эхо Литвы»

Эк.Н. – газета «Экспресс неделя»

Р – газета «Республика»

РР – разговорная речь

Т – передачи Литовского телевидения

Литература

Авилова Н.С. (1967), *Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени (глаголы с заимствованной основой)*, Москва.

Авина Н.Ю. (2006), *Родной язык в иноязычном окружении (на материале русского языка в Литве)*, Москва – Вильнюс.

Акуленко В.В. (1980), *Интернациональные элементы в лексике и терминологии*, Харьков.

Белоусов В.Н., Григорян Э.А., Познякова Т.Ю. (2001), *Русский язык в межнациональном общении. Проблемы исследования и функционирования*, Москва.

Бельчиков Ю.А. (1990), *Интернационализмы*. [In:] Ярцева В.Н. (гл. ред.): *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва.

Бразаускаене Е. (2000), *Грамматические особенности русского языка в Литве*, [In:] „Русский язык сегодня”. Вып. 1, Москва.

Голубева-Монаткина Н.И. (1993), *Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции*, [In:] „Русский язык за рубежом”, №2, Москва, №2.

- Голубева-Монаткина Н.И. (1995), *Лексические особенности русской речи потомков русского зарубежья во Франции*, [In:] „Русистика сегодня”, Москва, №1.
- Жданова В. (2006), *Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней*, [In:] *Русские и русскость*, Москва.
- Журавлев В.К. (2004), *Внешние и внутренние факторы языковой эволюции*, Москва.
- Зеленин А.В. (2003), *Лингвистические парадоксы евро*, [In:] „Русский язык за рубежом”, Москва, №1.
- Земская Е.А. (2001), *Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты*, [In:] Земская Е.А. (отв. ред.), *Язык русского зарубежья*, Москва – Вена.
- Земская Е.А. (2002), *Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов*, [In:] Mengel Swetlana (Hrsg.): *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik*, Munster – London – Hamburg.
- Земская Е.А., Ермакова О.П., Рудник-Карват З. (1998), *Активные процессы в словообразовании современных славянских языков (на материале русского и польского языков)*, [In:] *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов*, Москва.
- Костомаров В.Г. (1994), *Языковой вкус эпохи*, Москва.
- Крысин Л.П. (1996), *Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни*, [In:] Земская Е.А. (ред.), *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, Москва.
- Осипова М.А. (1999), *К изучению разговорного русского языка иммигрантов в США: словообразовательный уровень*, [In:] „Slavia”. Rocnik 68, Praha.
- Осипова М.А. (2002), *Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование*, [In:] Николаева Т.М. (ред.), *Славянские языки в неславянском окружении*, Москва.
- Протасова Е.Ю. (1996), *Особенности русского языка у живущих в Германии*, [In:] „Русистика сегодня”, Москва, №1.
- Протасова Е.Ю. (2004), *Феннороссы: жизнь и употребление языка*, Санкт-Петербург.
- Земская Е.А. (отв. ред.), (1996), *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, Москва.
- Синочкина Б.М. (1989), *О некоторых региональных особенностях русского языка в Литве*, [In:] „Kalbotyra“, Vilnius, №40(2).
- Смирнов Л.Н., Стрекалова З.Н. (1987), *К сопоставительному изучению гибридных словосложений в современных славянских литератур-*

- ных языках, [In:] Нешименко Г.П. (отв.ред.), *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*, Москва.
- Смирнов Л.Н., Венедиктов Г.К., Ермакова М.И., Стемковская Ю.Е. (1998), *Общее и специфическое в процессах интернационализации в славянских литературных языках на современном этапе их развитии*, [In:] *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов*, Москва.
- Тенденции интернационализации в современных славянских языках*, Москва, 1997.
- Drotvinas V. (1995), *Tarptautinių žodžių lietuvinimas*, [In:] «Gimtas žodis», Vilnius, Nr. 4, 5-7; Nr. 5, 1-3.
- Kalbos patarimai. Kn. 4: Leksika: 1. Skolinių vartojimas (svetimybės, tarptautiniai žodžiai)* / (autorė ir sudarytoja Mikulėnienė D.) – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 2005.
- Mikulėnienė D. (1999), *Tarptautinių žodžių lietuviškų atitikmenų paieškos ir atrankos principai*, [In:] «Humanistica», Vilnius, № 4(6).
- Rudaitienė V. (1992), *Apie tarptautinių žodžių vartojimą*, [In:] «Kalbos kultūra», Vilnius, № 63.
- Vaitkevičiūtė V. (2001), *Tarptautinių žodžių žodynas*, Vilnius.

Manifestation of internationalisation in the Russian language in the situation of intercultural interaction

Summary

The processes of internationalization are multifold and various, their particular manifestation is specific in diverse situations of ethnocultural interaction so some reasoning on the subject is provided in the article. Some samples of the Russian language (as a native language) in the situation of the lingual contacting in Lithuania for some time past are used as an illustrative material.

Study of the Russian language abroad as well as our materials shows that manifestations of the internationalization, which are characteristic for the modern Russian, are typical for the situation of the ethnocultural interaction as well. In the meantime, some peculiarities stipulated by the influence of the contacting language are distinguished. This reflects on the lexical composition of international words, international elements of diverse derivative activity, changes in the morphemic structure of internationalisms in particular.

Цветанка Аврамова

Прояви на интернационализация в словообразуването на българския книжовен език на границата между две хилядолетия

0.1. Демократичните промени в българското общество от началото на 90-те години на ХХ век насам дават тласък на редица тенденции и процеси в словообразуването на съвременния български книжовен език (СБКЕ) и преди всичко на тенденцията към интернационализация¹.

0.2. Според изследователите на словообразователно равнище интернационализацията се изразява в използването на интернационални словообразователни средства (афикси) и пълнозначни компоненти (основи) за образуване на нови думи, придобиване на статус на афикси на редица международни словообразователни елементи, образуване на думи по интернационални словообразователни модели [Jedlička 1965; Земская и кол. 1998], създаване на голям брой нови или разширяване на стари словообразователни гнезда на базата на нови или утвърдени интернационализми [Малкова, Некезова 1996].

0.3. Обект на това изследване са неологизмите, изградени от интернационални компоненти. Като проява на интернационализация разглеждаме само лексемите, образувани от интернационални *форманти*, независимо от произхода на основата, т.е. изхождаме от произхода на формантите, които са активната страна в словообразователния процес². През последните години водеща роля за обогатяването на инвентара от интернационални словообразователни средства има английският език, особено в неговия американски вариант.

¹ Приемаме дефиницията на понятието тенденция, направена от К. Гутшмидт (1998а, б).

² В съгласие с повечето автори (напр. Йирачек 1971: 15; Gazda 1990: 28 и цит. там литература и др.) под интернационални компоненти разбираме такива компоненти, които се срещат най-малко в три езика, от които поне два неродствени.

1.0. Интернационализацията в словообразуването на СБКЕ, както и на другите славянски езици през разглеждания период [вж. Комрага-сја 2003] се изразява преди всичко в *активизиране на номиналната префиксация*. Образуват се голям брой съществителни и прилагателни имена с помощта, както на отдавна заети препозитивни морфemi, така и с помощта на нови форманти. Под препозитивни морфemi разбираме компонентите, намиращи се преди основата на дериватите, т.е. компонентите, които в научната литература се определят като префикси и като префиксоиди. Тъй като в славянската дериватология все още няма точна дефиниция на префиксалните морфemi, както и на префиксацията като деривационен начин, е много трудно да се дефинират и т. нар. префиксоиди, респективно префиксоидацията [по този въпрос вж. Аврамова 2003: 38–43]. Под префиксоиди обикновено се разбират морфemi, заемащи междинно положение по отношение на същинските префикси и корените, но по-близо до префиксите, без обаче да се уточнява в какво се състои разликата между двата типа форманти и защо е необходимо те да бъдат разграничени. Трудностите при определянето на дадени елементи като префикси или префиксоиди се дължат и на *еднаквите* или *сходните* им функции в структурата на производните имена.

1.1.0. Най-голяма активност при образуването на съществителни имена в края на ХХ и началото на ХХI век в българския език проявяват интернационалните форманти: **анти-, де-, екс-, контра-, макро-, мега-, микро-, мини-, псевдо-, ре-, супер-, топ-** и др. (Аврамова 2003), а при създаването на прилагателни имена – формантите: **супер-, екс-, топ-, анти-, псевдо-, мини-, контра-, мега-, квази-, ре-** и др. [Георгиева 2006]. Всички те се присъединяват, както към изходни основи от чужд произход, така и към домашни основи и изграждат десетки, дори стотици нови деривати.

Въпреки голямото разнообразие от значения, изразявани от препозитивните форманти, сред тях може да открием няколко основни групи: форманти със значение ‘противоположност’; ‘отрицание’ (**анти-, контра-**): *антиглобализъм, антидрога, антикорупция, антигрипен, антипазарен*³, *контраекспертиза, контразаплаха, контрагерор, контрапродуктивен*; форманти със значение ‘отстраняване на признак’ (де- при съществителните имена): *декриминализация, демонополизация, деевропеизация*; форманти със значение ‘неистинско подобие’ (**псевдо-, квази-**): *псевдодемокрация, псевдоопозиция, псевдолечител, псевдоаристократичен, псевдограждански, псевдоинформативен, квазинтелигенция, квазипрезумпция, квазибезплатен, квазирелигиозен*; форман-

³ Всички прилагателни имена в изследването са ексцерпирани от Георгиева (2006).

ти със значение ‘повторност на действието, признака, назован с мотивиращото съществително’ (**ре-** при съществителните имена): *реинвестиция, реполитизация, рекомунизация*; форманти с квантитативно-квалификативно значение: а) за изразяване на висока степен на признак (**супер-, мега-, макси-, хипер-, топ-** и др.): *супермач, суперполицай, суперклиника, суперлуксозен, супербогат, мегадело, мегапазар, мегапроект, мегаамбициозен, мегапопулярен, максироман, макрофинансов, ултранационалист, ултратънък, ултрауспешен, хиперинфлация, хиперсамолет, хиперактивен, топжурналист, топовина, топсериал, топсекретен, топразвлекателен*; б) форманти с деминутивно значение (**микро-, мини-**): *микрокредит, микрореклама, микросоциален, минисериал, минискандал, минибасейн*; форманти със значение ‘подкрепа’ (**про-**): *проамериканец, проевропеец, проиракски, проатлантически, проседесарски*; други форманти: **екс-** ‘бивш’ (*ексдепутат, екскмет, ексмонарх, ексфинансов, екссъветски*), **вице-** ‘заместник’, ‘понископоставен в йерархията’: *вицепрезидент, вицепремиер* и др.

Освен към процесуални съществителни на **-(а)ция, -изация**, съществителните, образувани с префикс **де-**, често се съотнасят и с глаголи, образувани със същия префикс, напр.: *декриминализация* – съотнася се с *криминализация* и *декриминализирам*, *демонополизация* – с *монополизация* и *демонополизирам* и др., но ги причисляваме към десубстантивните деривати. По същия начин разглеждаме и съществителните с префикс **ре-**, съотнасящи се, както със съществително име, така и с глагол, напр. *ренационализация* – съотнася се с *национализация* и *ренационализирам*, *рекомунизация* – с *комунизация* и *рекомунизирам*. Създаването на серии от опозиции (*криминализация* – *декриминализация*, *национализация* – *ренационализация*) спомага за укрепването на семантичните парадигматични отношения в словообразуването като антонимията [Martincová 1995].

1.1.1. Някои от изследваните форманти (**анти-, де-, ре-**) участват и при образуването на префиксално-суфиксални съществителни имена, напр.: *антиживковист, антикостовист, антистачник, антинатовец, антитерорист, деседесация, десиндикализация, ретекезесация*. Доколкото посоченият факт не се отбелязва от изследванията по българско словообразуване, може да се допусне, че той отразява ново явление в българския език. В този смисъл може да се говори за *разширяване на деривационните възможности на префиксалните форманти – участието им в още един (освен префиксацията) словообразователен начин – префиксо-суфиксацията (конфиксацията)*.

1.1.2. Според някои изследователи [Георгиева 2006: 136] препозитивният компонент **анти-** проявява “неограничен словообразователен потенциал” при образуване на префиксоидно-суфиксални

прилагателни с произвеждаща основа име на държава, напр.: *антиамерикански* ‘който е насочен срещу Америка’, по същия начин: *антиевропейски*, *антилибийски*, *антииракски* и др. Тези прилагателни обаче мотивационно се свързват и с прилагателните *американски*, *европейски* и т.н. Смятаме, че мотивиращата основа (субстантивна или адекативна) може да се установи само в контекста, при което не изключваме възможността в различни употреби да изпъкнат различни мотивационни връзки.

1.2. При глаголите префиксацията (както с чужди, така и с домашни форманти) е по-слабо застъпена, отколкото при имената. Активност сред интернационалните компоненти проявява префикс *де-* (със значение ‘отстранява действието, означено с мотивиращата основа’), в по-малка степен *ре-* (със значение ‘повтаря действието, означено с мотивиращата основа’), напр.: *деидеологизира*⁴, *декомунизира*, *декриминализира*, *делеги-тимира*, *деполитизира*, *рефинансира* и др.

2.1. В сравнение с префиксацията, при имената суфиксацията проявява по-слаба активност. Най-продуктивни при съществителните през изследвания период са интернационалните суфикси: *-ист*, *-изъм*, *-ациј(а)*, *-изациј(а)*⁵ и др. (Суфиксацията с помощта на интернационални форманти при прилагателните не е застъпена).

2.1.1. Суфикс *-ист* оформя предимно названия на лица от категориите *nomina agentis*⁶ (*сърфист*, *психотерорист*, *програмист*, *ферарист*) и *nomina pertinentia*⁷ (*костовист*, *миланист*, *мозерист*, *муунист*), по-рядко *nomina attributiva*⁸ (*аутист*) и др. Голяма част от съществителните *nomina pertinentia* се образуват от *nomina propria* – лични или фамилни имена, названия на организации, партии и др., по-рядко – от съществителни на *-изъм*, напр.: *костовист* ‘този, който е привърженик на (политиката на) Ив. Костов’, по същия начин: *тренчевист*, *виденовист*, *мозерист*, *йеховист*, *миланист* ‘този, който е привърженик на Футболен клуб Милан’, *муунист*, *антиглобалист* ‘този, който е последовател на антиглобализма’.

Някои *nomina pertinentia* на *-ист* се съотнасят едновременно с *nomina propria* и с абстрактни съществителни на *-изъм*, означаващи идейни, философски и др. течения, напр. *костовист* – съотнася се с *Костов* и *костовизъм*; *тачърист* – с *Тачър* и *тачъризъм* и др. Това

⁴ Глаголите се представят във формите им за 3. л. ед. ч. сег. вр.

⁵ За улеснение по-нататък суфиксът ще бъде изписван заедно с флексията: *-ация*, *-изация*.

⁶ Като агентивни разглеждаме както девербалните, така и десубстантивните съществителни имена, назоваващи деятели (агенси). Към агенсите причисляваме не само одушевени субекти, но и неодушевени (автоматизирани машини и др.) (вж. Аврамова 2003: 25–26).

⁷ Названия на субекти, характеризирани чрез отношение на принадлежност към друга субстанция.

⁸ Названия на одушевени или неодушевени субекти, носители на статичен признак (качество, свойство).

поставя на вниманието на дериватолозите въпроса за словообразователната интерпретация на подобни имена (по този въпрос вж. Аврамова 2003: 78–80). По-голямата част от *новообразуванията* с формант **-ист** в СБКЕ възникват непосредствено от съществителните собствени имена, напр.: *габенист, виденовист, жановист, миланист* и др. Много често съществителните на **-изъм** възникват вторично (след съществителните на **-ист**) и са характерни предимно за окازیоналното словообразуване (напр.: *виденовизъм, жановизъм* оказ., *миланизъм* оказ.) или съществуват само потенциално, т.е. не са регистрирани (**габенизъм*).

Тогава, когато съществителните на **-ист** се съотнасят със съществителни на **-изъм** и/или прилагателни имена *от чужд произход*, в много случаи не може да се установи със сигурност дали словообразователният процес е протекъл на българска почва, или съществителните на **-ист** са проникнали в българския език като готови лексеми. Такива са напр.: *муунист, йеховист, тачърист* (вж. по-горе), също: *еврокомунист* (съотнася се с *еврокомунизъм*) – ‘този, който е привърженик на еврокомунизма’, *монетарист* (съотнася се с *монетаризъм* и *монетарен*) – ‘този, който е привърженик на монетаризма, монетарната политика; този, който прилага монетаризма в икономиката’, *тоталитарист* (съотнася се с *тоталитаризъм* и *тоталитарен*) – ‘този, който е привърженик на тоталитаризма’; ‘този, който членува в тоталитарна организация’ и др. Съотнасянето на подобни единици с повече от една лексема (също от чужд произход) допълнително затруднява определянето на техните непосредствено мотивиращи.

2.1.2. През изследвания период в българския език се създават редица нови деривати със суфикс **-изъм**, мотивирани от съществителни собствени (лични и фамилни) и нарицателни имена, напр.: *доганизъм* (от *Доган*), *желевизъм* (от *Желев*), *костовизъм* (от *Костов*) и др. Тези лексеми означават определена идейна, политическа или друга доктрина, свързана с лицето, назовано с мотивиращата субстантивна основа, срв. *желевизъм* – ‘политика, създадена и провеждана от Ж. Желев’, *костовизъм* – ‘политика, създадена и провеждана от Ив. Костов’.

2.1.3. С формант **-изация** през изследвания период се образуват предимно *деноминални процесуални съществителни от мутационен тип* със значение ‘снабдяване с това / придобиване на това, което е означено с мотивиращата основа’ [вж. по-подробно Аврамова 2003: 84–90]. В зависимост от вида на мотивиращата единица и на словообразователния формант съществителните от посочения тип се групират в няколко модела:

- деадективни съществителни: *кабелизация, визуализация, идеологизация* и др.;

- десубстантивни съществителни: *кирилизация, компютризация, маршрутизация* комп. и др.

Част от новите единици са производни от *nomina propria* (топоними, етноними или собствени имена⁹, напр.: *африканизация, косовизация, македонизация, турцизация, циганизация, живковизация* оказ. и др. Формант **-изация** става все по-продуктивен на домашна почва, като започва да се свързва и с домашни основи (*кирилизация, живковизация* оказ.).

Разглежданите съществителни обикновено се съотнасят семантично и с глаголи на **-изира-** (*кабелизира, визуализира, идеологизира, кирилизира, компютризира*), поради което биха могли да се приемат за производни от тях (тогава формантът би бил **-ация**). В повечето случаи обаче глаголите възникват *вторично*, т.е. след появата на съществителните имена. Такива са напр.: *косовизира, ливанизира, маршрутизира, турцизира, африканизира, циганизира*. Този факт показва, че в съвременното словообразуване много често традиционните отношения между произвеждаща и производна основа се нарушават: най-напред се създава процесуалното съществително с формант **-изация**¹⁰, а по-късно към него се образува съответният глагол¹¹.

Една от възможните причини за първоначалната неупотреба на глаголите е стремежът за скриване на агенса. Както посочва К. Гутшмидт, съществителните от разглеждания тип са “репрезентанти на твърде комплексни процесуални концепти, включващи множество различни действия с много вършители (агенси), които мъчно могат да бъдат назовани” [Гутшмидт 1998а: 101].

2.1.4. Към интернационалната лексика принадлежат също голяма част от съществителните, оформени с помощта на суфиксите: **-(а)тор, -изатор, -ант** и др., от категориите *nomina agentis* (*манипулант, наркотрафикант, декомунизатор, лустратор, приватизатор, архиватор* комп., *асемблатор, маршрутизатор* комп.), *nomina instrumenti* (*епилатор*); *nomina experienter*¹² (*симпатизант*) и др.

Повечето от тези съществителни не са продукт на словообразователен процес в рамките на домашната словообразователна система, но традиционно се включват в синхронните словообразователни изследвания на българския език, тъй като се съотнасят с други, също заети лексеми, които се приемат за техни произвеждащи. Фактът, че

⁹ Последните са характерни само за оказиналното словообразуване.

¹⁰ Същото се отнася и за домашния формант **-не**.

¹¹ Подобни процеси се наблюдават и в други славянски езици, вж. напр. Коряковцева [1998:62-84].

¹² В тази категория се включват названия на лица, които изживяват определени физиологически или психологически състояния.

в българския език съществуват модели, по които се образуват съществителни имена с посочените суфикси на *домашна* почва, дава основания разглежданите единици да бъдат отнесени към производната лексика.

2.2.1. Преобладаващата част от новите *глаголи* се образуват от заети (предимно от английски) основи с помощта на отдавна заетия (от немски) и утвърден в българския език суфикс **-ира-**, който все повече измества домашния суфикс **-ва-**. Новите глаголи най-често изразяват следните словообразователни значения:

- ‘създава това, което е означено с мотивиращата основа’: *видеоклипира, видеофилмира, одитира, сетира, суапира, хеджира, рапира, зомбира* и др.;
- ‘създава у някого това, което е означено от мотивиращата основа’: *комплексира, стресира*;
- ‘действа върху някого, нещо с помощта на това, което е означено от мотивиращата основа’: *допингира, дрогира, рекетира*;
- ‘действа с помощта на това, което е означено с мотивиращата основа’: *принтира*.

Всички посочени глаголи са десубстантивни. През разглеждания период почти не се образуват деадективни глаголи (с изкл. на някои глаголи, производни от домашни основи).

2.2.2. При част от разглежданите глаголи е трудно да се определи дали има наличие на същински словообразователен процес, т. е. деривация, или става дума за *морфологична адаптация* (по този въпрос вж. Аврамова 2009а, б). Така напр. глаголът *миксира* муз. може да се приеме за произведен от съществителното *микс* (‘правя микс’) или за адаптация на английския глагол *mix*; по същия начин: *пресира, хеджира, суапира, сетира, кешира, семплира* и др. Очевидно появата на тези и други подобни глаголи е повлияна от съществуването на съответни глаголи в езика, от който се заемат, най-често английски, където обикновено глаголността не се изразява с формални показатели. От друга страна, наличието на заетите съществителни имена *семпъл, хедж, суап, сет, кеш* и др. дава възможност разглежданите глаголи да се интерпретират и като продукт на същински деривационен процес в българския език. Трябва обаче да се подчертае, че формалното и семантично съотнасяне на глаголите с други лексеми не винаги е достатъчно за определянето им като производни – например в случаите на нетипични морфонологични редувания, срв. напр. редуването **ц ~ т** в *промоция* – *промотира, дистрибуция* – *дистрибутира*. Очевидно глаголът *промотира* е адаптация на английския глагол *promote*, за разлика от *промоцира* (със същото значение), който по

всяка вероятност възниква на българска почва, срв. ‘правя промоция’. Мотивационните отношения между глаголите на **-ира-** (също на **-изира-**) и съществителните на **-ация** (респ. **-изация**) са разнопосочни: в едни случаи за произвеждаща лексема се приема глаголът, така, както е при съществителните, производни от домашни основи – становище, което понякога механично се прилага и при лексиката от чуждоезиков произход; в други случаи обаче произвеждащо е съществителното (вж. по-горе, както и Аврамова 2003: 86)¹³.

3.0. Тенденцията към интернационализация се проявява също така в създаване на голям брой композитуми от интернационални основи. Производните думи не съдържат съединителна гласна. Най-продуктивни са моделите с първи части: **бизнес-** (*бизнесвиза, бизнеспрограма*), **кино-** (*киноновина, кинохит*), **радио-** (*радиодиджей, радиопазар*), **секс-** (*сексиндустрия, секстелефон*), **допинг-** (*допингполицай, допингскандал*), **екшън-** (*екшънгерой, екшънфилм*), **поп-** (*попкласация, попхит*), **рок-** (*рокклуб, рокманиак*), **техно-** (*техногрупа, техностил*), **блус-** (*блусалбум, блусклуб*), **гей-** (*гейкупон, гейобщество*), **джаз-** (*джазкласика, джазклуб*), **кънтри-** (*кънтрипевец, кънтристил*), **пънк-** (*пънкоблекло, пънкприческа*), **рап-** (*рапмода, раппоезия*), **фолк-** (*фолкпевец, фолкрадио*), **шоу-** (*шоукостюм, шоупродукт*); **секси-** (*сексипарче*), **порно-** (*порноактриса, порноиздание*) и др., с втори части: **-мания** (*дискомания, чуждомания*), **-бизнес** (*автобизнес, наркобизнес*) и др.

4.0. Друга проява на интернационализацията е образуването на съществителни имена с помощта на т. нар. радикасоиди, преобладаващата част от които са от чужд произход и се срещат в редица езици. В края на ХХ век тази тенденция се засилва: броят на радикасоидите и на производните с тяхно участие все повече се увеличава. Под радикасоиди разбираме компоненти, заемащи междинно положение по отношение на корените и препозитивните морфеми (префиксите и префиксоидите), но по-близо до корените. За разлика от препозитивните морфеми, радикасоидите имат по-конкретно и предметно значение, което от своя страна е много по-общо от значението на същинските корени. Според нашето разбиране радикасоидите не функционират като самостоятелни лексеми (напр. **видео-** е радикасоид със значение ‘който се отнася до телевизия; който има отношение към създаване, предаване, приемане и записване на визуална информация, изображения; видеозапис’ (*видеоиндустрия, видеокражба, видеокъща*), за разлика от *видео* – съществително име със значение ‘видеомагнетофон’, по същия начин: **фото-** ‘който се отнася до фотография, фотографски’ (*фотоиздание, фотоесе*) и *фото*

¹³ Подобни примери в чешкото словообразуване посочва Martincová (2005).

разг. ‘фотографско ателие; фотограф’) [вж. по-подробно Аврамова 2003].

Освен посочените компоненти, през изследвания период са много продуктивни също така радикасоидите: **еко-** ‘който се отнася до екология; екологичен’ (*екоминистерство, екотуризм, екоданък*), **евро-** ‘който се отнася до Европа (в геополитически смисъл), до Европейския съюз’ (*еврообединение, евродепутат, еврофинал*), **авто-** ‘който се отнася до автомобил; автомобилен’ (*автокражба, автоцена, автоизложение*), **нарко-** ‘който се отнася до наркотик, наркотици’ (*наркокомуна, наркопазар, наркоскандал*), **био-** ‘който се отнася до живота или до жизнените процеси’; ‘биологически; биологичен’; ‘който е биологично чист или който се отнася до (основава на, съдържа, е произведен от) биологично чисти (органични) продукти, елементи, вещества’ (*биокомпютър, биовино, биопроизводство*); **агро-** ‘който се отнася до земеделие; агрономически, аграрен’ (*агробизнес, агроексперт, агропазар*), **психо-** ‘който се отнася до психика, психически, душевен; психологически’ (*психотерор, психотрилър, психохирургия*) и др.

5.0. Според изследователите образуването на съществителни имена с помощта на радикасоиди наподобява аглутинацията [Земская и кол. 1998]. Същото се отнася и за създаването на съществителни с помощта на суфиксоиди¹⁴ – компоненти, заемащи междинно положение по отношение на корените и суфиксите [вж. по-подробно Аврамова 2003]. Наред с отдавна функциониращи суфиксоиди като **-ман, -фил** и др., в края на ХХ в. в българския език проникват и някои нови интернационални суфиксоиди (**-гейт, -холик, -тѐка**), които се формират на базата на (ново)заети думи, от които постепенно се отчленяват и придобиват нови словообразователни възможности [Rangelova 1999; за разглежданите компоненти вж. също Аврамова 2003: 181–183]. Примери: *бръмбаргейт, Козлодуйгейт, досиегейт, телефонгейт, работохолик, сексохолик, видеотека, чалгатека* разг., *властоман, киноман, работоман, телеман, кинофил* оказ., *натофил* оказ.). Суфиксоидацията (както и суфиксацията) обаче заема много по-ограничено място в субстантивното словообразуване в сравнение с префиксацията, респ. префиксоидацията, и композицията.

6.0. Образуването на съществителни, изградени от афиксоиди – радикасоид и суфиксоид (напр. *телеман, еврофил, видеоман*) показва преходния характер на двата компонента, които ги изграждат. Непосредственото свързване на радикасоид със същински суфикс, както на суфиксоид с префикс, не е възможно, така, както не е възможно

¹⁴ Както и на префикси и префиксоиди.

директното свързване на префикс и суфикс. Радиксоидите и суфиксоидите могат да се свързват непосредствено само с пълнозначни основи, както и помежду си, и по това приличат на същинските пълнозначни основи. Възможността за директно свързване между двата типа афиксоиди се определя от тяхното конкретно значение. Но поради факта, че тези компоненти не се употребяват самостоятелно, не ги приемаме за истински основи.

7.0. Тенденцията към интернационализация е тясно свързана с противоположната тенденция към национализация [или автохтонизация – по Гутшмидт 1998а,б], чиято активност през разглеждания период също нараства, но по-слабо от интернационализацията (по екстралингвистични причини). Засилване на тенденцията към интернационализация в края на ХХ и началото на ХХІ век се наблюдава и в останалите славянски езици [вж. Компарасја 2003], в които тя протича по сходен начин. Затова смятаме, че интернационализацията е белег на конвергенция между славянските езици през този период.

Literatura

- Аврамова Ц. (2003), *Словообразователни тенденции при съществителните имена в българския и чешкия език в края на ХХ век*, София: Изд. Херон Прес, 260 с.
- Аврамова Ц. (2009а), *За статута на някои морфемни при адаптирането на чужди глаголи в българския език в съпоставка с чешки (върху материал от най-новата лексика)*, [In:] *Отговорността пред езика*, кн. 2: Унив. издат. „Епископ К. Преславски”, 221-227.
- Аврамова Ц. (2009б), *Адаптация и деривация (българския и чешкия език)*, [In:] *Словообразуване и лексикология*. Десетата Доклади от международна конференция на Комисията по славянско словообразуване при Международния комитет на славистите София, 1-6 октомври 2009. София, 313–322.
- Георгиева Ц. (2006), *Иновационни процеси в именната префиксация в българския книжовен език от края на ХХ и началото на ХХІ век*. Дисертация за присъждане на образователната и научна степен “доктор”, София.
- Гутшмидт К. (1998а), *Понятието тенденция в Пражката лингвистична школа и неговото значение за синхронното изучаване на славянските езици*, [In:] *Slavica Pragensia ad tempora nostra*. Konference ke 150. výročí založení stolice slovanské filologie na Karlově univerzitě, Praha, 97–102.

- Гутшмидт К. (1998б), *Общие тенденции и специфические формы их реализации в современных славянских языках*, [In:] „Jazykovedný časopis“, nr 49.
- Земская Е. А., Ермакова О. П., Рудник-Карватова З. (1998), *Активные процессы в словообразовании современных славянских языков (на материале русского и польского языков)*, [In:] Трубачев О.Н. (red.): *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов Краков, 1998 г. Доклады российской делегации*, Москва, с. 296–311.
- Йирачек Й. (1971), *Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке. (Структурно – сопоставительное исследование)*, Brno.
- Коряковцева Е.И. (1998), *Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика*. Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН, Москва, 216 с.
- Малкова В., Некезова Й. (1996), *О некоторых общих тенденциях в современном русском и болгарском словообразовании*, [In:] „Съпоставително езиковедство“, nr 1, с. 14–29.
- Gazda J. (1990), *Integrace cizojazyčných prvků v slovní zásobě současné ruštiny a češtiny. (Na materiálu substantivních neologismů)*. Disertační práce, Brno.
- Jedlička A. (1965), *K charakteristice slovní zásoby současné spisovné češtiny*, [In:] „Slavica Pragensia“, t.VII, s. 13–27.
- Komparacja (2003), *Komparacja współczesnych języków słowiańskich. 1.* Onheiser I. (Red.) Słowotwórstwo/Nominacja, Opole.
- Martincová O. (1995), *K popisu dynamiky slovtvorného systému*, [In:] *Rozumět jazyku. Sborník k významnému jubileu R. Brabcové, Praha*, 38–42.
- Martincová O. (2005), *Nová slovesná pojmenování*, [In:] *Neologizmy v dnešní češtině. Ústav pro jazyk český Akademie věd České republiky, Praha*, 119–133.
- Rangelova A. (1999), *K dvěma česko-bulharským paralelám*, [In:] „Slavia“, t. 68, 1, 33–36.

Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnego języka bułgarskiego na pograniczu dwóch tysiącleci

Streszczenie

W artykule rozpatruje się szereg przejawów internacjonalizacji bułgarskiego słowotwórstwa pod koniec XX i na początku XXI wieku. Autorka analizuje możliwości tworzenia nowych leksemów za pomocą formantów internacjonalnych. Dowodzi, że internacjonalizacja wyraża się przede wszystkim w aktywizacji prefiksacji nominalnej oraz afiksoidacji oraz w tworzeniu licznych compositów od podstaw obcych.

Renate Belentschikow

Вопросы лексикографической кодификации англицизмов (на материале русского языка)

1. Постановка вопроса

Наплыв англицизмов в современные европейские языки является предметом более или менее бурного публичного дискурса и научных дискуссий, которые ведутся в последние два десятилетия с разных точек зрения. Нельзя не разделять точку зрения тех учёных, по мнению которых вопрос англицизмов требует дифференцированного, прагматического подхода. В данной статье преследуется только одна, конкретная цель: выявить роль современных словарей русского языка в нормировании и кодификации англицизмов и тенденции нормирования. При этом мы ограничимся рассмотрением нормативного «Русского орфографического словаря» [РОС 2005] Российской академии наук и новейшего словаря актуальной лексики русского языка, изданного под редакцией Г.Н. Складневской в 2006 г. [ТССРЯ 2006]. Последний «включает около 8500 слов и словосочетаний, многие из которых впервые представлены в лексикографии» русского языка [ТССРЯ 2006:5], и среди них большое количество англицизмов. Как отмечает редактор во „Введении”, «словарь описывает живой (функционирующий) язык, то есть, внимание составителей направлено на те реальные языковые факты и явления, которые наиболее характерны и существенны для данного периода» (там же). Под редакцией Г.Н. Складневской был разработан также комплексный словарь объёмом 5800 слов и выражений, который декларируется именно нормативным [Складневская/Ваулина 2007] и является для пользователей полезным источником для установления тенденций языковой нормы.

Главная задача одноязычных и двуязычных словарей относительно англицизмов является их правильная семантизация, по возможности, с наглядным материалом. Лексикографы должны установить и отразить лексическую норму, то есть, прикреплённость за

данным формальным (звуковым или графическим) инвариантом определённых лексических значений. Для англицизмов это подтверждение не является банальным: в литературе часто отмечается, что правильная семантизация и употребление англицизмов в общественном дискурсе представляют существенные трудности. Тем не менее, в данной статье на первом плане – другие проблемы, которые следует решать в связи лексикографической обработкой англицизмов, а именно: их орфоэпические и орфографические варианты, вопросы их грамматической характеристики и словообразовательных связей.

Кроме того, в связи с тематикой статьи нами были рассмотрены избранные словари неологизмов болгарского, польского и русского языков (последние два – двуязычные с немецким языком как выходным).

2. Орфоэпические и орфографические варианты

Языки с латиницей при материальном заимствовании английских имен часто сохраняют оригинальное написание. Об этом свидетельствуют англицизмы, напр., в новейшем издании орфографического словаря немецкого языка [DUDEN 2006] и в польско-немецком словаре неологизмов [Worbs 2007]. Варианты их письменного употребления и внесения в словарь наблюдается относительного слитного или отдельного написания или написания через дефис (ср., напр., польск. *windskating* и *wind skating* [Worbs 2007:307], нем. *Workout* и, что рекомендуется в словаре, *Work-out* [DUDEN 2006:1128]). Для носителей заимствующего языка (в зависимости от их знания английского и других субъективных факторов, а также от степени узуализации и специализации самого заимствования) могут возникать вопросы относительно произношения англицизмов; поэтому в нормативных словарях даётся их фонетическая транскрипция. В отличие от немецкого, в польском языке в большей степени наблюдается стремление к орфографическому приспособлению материальных заимствований [ср. варианты как *voucher* и *walczer*, Worbs 2007:301]. Для языков, письменность которых связана с кириллицей, орфографические варианты появляются в зависимости от того, опирается ли пишущий на письменную или устную форму оригинального слова.

Для русского языка словари актуальной лексики и словари неологизмов фиксируют, по возможности, узус и вариантность употребления заимствованных слов, для которых норма еще не установилась. Ниже на немногих примерах из ТССРЯ [2006] показываются типичные случаи орфоэпической и орфографической

вариантности англицизмов в русском языке. При этом сохраняются указанные в словаре пометы употребления. Когда словесное ударение англицизма совпадает с местом ударения в оригинале, знак ударения нами опускается, хотя сведения о словесном ударении даются во всех рассмотренных словарях.

В ТССРЯ [2006] особенности произношения указываются в острых скобках, напр., «*Кидн'епинг* и *кидн'еппинг* <нэ>»; в нижеследующем они - в соответствии с международно принятой формой и как в словаре Складневская/Ваулина [2007] - пишутся в квадратных скобках. На основе РОС [2005] и словаря Складневская/Ваулина [2007] попытаемся указать тенденцию развития нормы, отмеченную в нормативных словарях.

а) Написание одного или, по английскому образцу, двойного согласного:

кидн'епинг и *кидн'еппинг* [нэ] (англ. kidnapping); *ассесмент* и *ассесмент* (англ. assessment). *Экон.*; *биллб'орд* и *билб'орд* (англ. billboard) [ТССРЯ 2006, ср. также Складневская/Ваулина 2007]. В отличие от названных словарей, РОС [2005] даёт в таких случаях только одну кодификацию: *киднеппинг*, но: *ассесмент*. Возможно, что здесь повлияла норма написания других иностранных слов: *дивертисмент*, *аплодисменты*, см. обратный «Грамматический словарь русского языка» [Зализняк 2007].

В статье, появившейся уже после издания «Русского орфографического словаря» (РОС 2005), В.В. Лопатин отмечает:

«В новейшей орфографической практике проблема написания удвоенных согласных на конце корня осложнилась особенностями написания некоторых новых заимствований-англицизмов в языке-источнике, для которого [...] характерно удвоение корневой согласной перед суффиксом. Поскольку явление это русскому письму чуждо, следует писать, например, *шопинг*, а не *шоппинг* (ср. производящее *шоп* [...]), [...] *сканер* (ср. *сканировать*), [...] хотя в английских этимонах этих производных перед суффиксами -er и -ing согласная удвоена. Устоявшиеся написания давно заимствованных слов *стоппер* (спорт.) и *контроллер* (тех.) [...] не должны препятствовать кодификации написаний новых подобных заимствований с одиночной согласной перед суффиксом. [...] Явление это в новом орфографическом справочнике ещё не отмечено и рассмотрено в данной публикации впервые» [Лопатин 2007:79].

б) Орфографические варианты (ей), (эй), (ее), а также (е), (э), ср. ТССРЯ [2006]:

брэнд и *бренд* [рэ] *Спец.* (также Скл./Ваул. 2007); *лейбл* и *лэйбл* (англ. lable) (также Складневская/Ваулина 2007); *брейкер* [рэ] и (*реже*)

брэйкер (англ. breaker); *бэйдж* и *бейдж* [бэ] (англ. badge); *скринс'ейвер* и (*реже*) *скринс'эйвер* (англ. screensaver) *Информ. Разг.*; *плейер* и *плеер* [плэйер] (англ. player). В РОС [2005] регулярно кодифицируется написание на (е): *бренд*, *лейбл*, *брейкер*, но: *плеер*.

в) Орфоэпические варианты гласных [а] [э]:

лапт'он, *лэпт'он* [также Скл./Ваул. 2007; РОС] и *лэп-т'он* (англ. laptop) *Информ.*; *кракер*, *крекер* [рэ] и *крэкер* (англ. to crack 'раскалывать; разрешать /проблему/') *Жарг.*

г) Орфоэпические варианты [шн] [шэн]:

экин и *экишен* (англ. action) *Разг.*; РОС: *экишен*.

д) Орфоэпические варианты [тер] [тор]:

риэлтер, *риэлтор* и *риелтор* [и'э] (англ. realtor) *Спец.* [также Скл./Ваул. 2007]. РОС следует английскому написанию: *риелтор*.

е) Написание «слитно» или «через дефис»:

бизнесву'мен и *б'изнес-ву'мен*, нескл., *ж.* (англ. business woman) [также Скл./Ваул. 2007]; *хэд-х'антер* и *хэдх'антер* [тэ] (англ. head hunter) [также Скл./Ваул. 2007]; *хэд-х'антинг* и *хэдх'антинг* (англ. head hunting); *б'оди-п'ейнтинг*, *бодип'ейнтинг*, *б'оди-п'эйнтинг* и *бодип'эйнтинг* (англ. body-painting); *ш'оу-м'ен* и *шоум'ен* (англ. show man).

Как отмечает в связи с последним примером РОС [2005:898], дефис пишется только после первой части сложных слов. В РОС [2005:898] кодифицируются: *шоум'ен*, *шоув'умен*; очевидно, *-мен* и *-в'умен* рассматриваются как суффиксоиды или же как связанные опорные компоненты сложных слов, ср. вторые компоненты в словах *шоум'ан*, *шоум'ания* (там же). С другой стороны, в написании через дефис кодифицируется *ш'оу-р'ум* (у Скл./Ваул. 2007 только с одним главным ударением: *ш'оу-рум*). Написание через дефис в немотивированных англицизмах типа *хэд-х'антинг* облегчает визуальное восприятие чужого слова, а в других случаях оно соответствует двойному ударению и ритму составного слова из двух многосложных компонентов (*б'оди-п'эйнтинг*).

Как показывают эти немногие проблемы, при орфографической кодификации англицизмов напрашивается учет разных, иногда противоречащих друг другу аспектов: фонетических (на сегментальном и супraseгментальном уровнях), морфематических, словообразовательных, а также психологических со стороны носителя русского языка. Определённую роль, очевидно, играет и написание английских этимонов; она еще растёт с повышением знаний английского языка как иностранного. Тем важнее не избегание англицизмов, а установление ясных правил, несмотря на всю сложность этой задачи.

3. Вопросы грамматической характеристики англицизмов

3.1. Русский язык заимствовал немалое количество англоязычных слов **pluralia tantum**. Часть из них сохраняет свою форму и остается несклоняемым, ср. «*п'аблик-рил'ейшнз, п'аблик рил'ейшнз и п'аблик рил'ейшенз* [лэ], нескл., *мн.* (англ. public relations – связи с общественностью) *Публ.*» [ТССРЯ 2006:702].

Другие словоформы множественного числа в русском языке сохранили своё окончание и одновременно вошли в парадигму множественного числа с соответствующими окончаниями, ср. *джинсы, бутсы* (англ. boots), *шুзы* (англ. shoes). Английская словоформа воспринимается как лексическая основа, так, напр., в молодёжном жаргоне употребляется форма *шуз* в значении единственного числа [см. РНСНС 2007:650]. В новых склоняемых заимствованиях множественного числа английское окончание удаляется, ср. (moon boots >) *мун-буты* [см. РНСНС 2007:29], (charts „[pl.] (especially BrE) a list, produced each week, of the pop music records that have sold the most copies”, OLAD) > *чарты* [см. РНСНС 2007:636], ср. также «*снэки, ов, мн.* (англ. snack)» [ТССРЯ 2006]. Это свидетельствует о том, что русскоговорящие, которые употребляют эти формы, осознают функцию элемента *-s*.

3.2. Особого рассмотрения заслуживают интернациональные наименования, которые являются по форме и по происхождению **акронимами** и восходят к англоязычным составным именам. Носителями русского или других родственных языков они воспринимаются как немотивированные слова.

Англицизмы-акронимы буквенного типа характеризуются в словарях русского языка как слова мужского рода. Соответственно нормам русского языка, заканчивающиеся на гласный слова являются несклоняемыми, напр., *DVD* > *ди-ви-ди*; *CD* (compact disk) > *СД* [сид'и] [ТССРЯ 2006].

Для слов, заканчивающихся на шумный согласный, в ТССРЯ [2006] отмечается вариативность склонения. Грамматический род определяется как мужской или соответствует родовому значению стержневого слова мотивирующего эквивалента словосочетания, ср. в ТССРЯ [2006]: «*ДОС* [дос], нескл., *ж.* и *разг.* *Д'ОСа, м.* (англ. DOS /сокр. Disk Operating System/). *Информ.* Сокр.»). В разговорной речи такие слова, подобно исконно русским акронимам, склоняются, напр. «*ВИП, В'ИПа, м.* (англ. VIP сокр. very important person) *Разг.*» [ТССРЯ 2006].

Когда заимствованное слово пишется с сонорной буквой в конце, то оно, несмотря на реализацию согласной буквы гласным звуком в английском этимоне, также склоняется, ср. «*пи'ар, а, м.* (англ. PR, сокр. public relations)» [ТССРЯ 2006].

Среди слов подобного происхождения большую долю представляют имена собственные международных организаций, напр., акронимы «звукового» подтипа (с фонетически связанным произношением): *АСЕАН* < *ASEAN (Association of South East Asian Nations)*, *АВАКС* < *AWACS (Airborne early warning and control system)*, *ОПЭК* < *OPEC (Organization of Petroleum Exporting Countries)*, а также акронимы буквенного подтипа, составленные из названий английских букв: *Ай-Би-Эм* < *IBM*.

Для части этих наименований имеются конкурирующие русскоязычные многословные номинации и соответствующие акронимы, напр.: *Asian and Pacific Council - ASPAC* > *АЗПАК* = *Азиатско-Тихоокеанский экономический совет - АТЭС*; *International Standardizing Organization - ISO* > *ИСО* = *Международная организация стандартов - МОС*.

Немногие из заимствованных англоязычных аббревиатур содержат интернациональные аброморфемы, и поэтому в русском языке также могут трактоваться как слоговые сокращения, ср. «*ИНТЕРПОЛ* [интерпол], *ИНТЕРПОЛ*, м. (англ. International Criminal Police Organization - INTERPOL) Международная организация уголовной полиции. *Раскрытие международной аферы ИНТЕРПОЛом*» [Скляревская 2004:170].

4. Словарные сведения о происхождении и словообразовательной ассимиляции англицизмов

В названных словарях под ред. Г.Н. Скляревской, а также в словарях неологизмов [напр. Пернишка 2001, РНСНС 2007, Words 2007] для англицизмов даётся информация об их происхождении, приводится оригинальное слово.

Различается ассимиляция при помощи русских аффиксов, напр., «*Хакнуть*, ну, нешь, св; *хакать*, аю, аешь, нсв. (англ. hack) *Информ. Жарг.*», «*смайлик*, а, м. (англ. smiley) *Разг.*», и словообразование от мотивирующих англицизмов, ср. «*бэйджик* и *бейджик* [бэ], а, м. *Разг.*» и мотивирующее «*бэйдж* и *бейдж* <бэ>, а, м. (англ. badge)», а также «*хипповать*, пую, пуешь, св. *Разг.* Быть хиппи; вести себя как хиппи, подражать хиппи» и мотивирующее «*хиппи*, нескл., мн. (ед. хиппи, нескл., м. и ж.). [англ. hippie]» [ТССРЯ 2006].

В отдельных, неоднозначных случаях, авторы ТССРЯ [2006] сводят слово с англоязычным корнем к мотивирующим отношениям в системе русского словообразования.

Так, глагол *апгрейдить* трактуется как мотивированное от «*апгрейд*, а, м. *Информ. Жарг.*» (английское происхождение которого почему-то не указывается): «*Апгр'ейдить*, апгр'ейдишь, апгр'ейдит, св и нсв; что. *Информ. Жарг.* 1. Произвести/производить апгрейд (1 зн.). *Апгрейдить*

модем. [...] 2. Произвести/производить апгрейд (2 зн.)». Такая трактовка в толковом словаре актуальной лексики кажется нам вполне правомерной, если признать широкое распространение англицизмов в русском языке. Так, в словнике русско-немецкого словаря неологизмов [РНСНС 2007] слово *апгрейт* было пропущено, и глагол трактовался как ассимилированное заимствование из английского: «**апгр'ейдить** (-'ейжу, -'ейдишь, *pf/ippf*; < engl. to upgrade + -и/ть/; что-н. А) (*Inform. Jarg.*) upgraden, aufrüsten, nachrüsten.» В английском языке соответствующие имена и глаголы связаны между собой конверсией, ср. *the upgrade - to upgrade*, а также *the clone - to clone*.

Подобные отношения в ТССРЯ [2006] устанавливаются и между словами *клон* и *клонировать*, однако без указания на английский язык:

«*Клон*¹, а, м. [< греч. klōn ветвь, побег] *Научн.* Искусственно полученная генетическая копия клетки, зародыша, органа, живого существа.»¹ В соответствии с русской словообразовательной системой, этим существительным мотивируется следующий глагол: «*Клонировать*, рую, руешь, *св* и *нсв*; *кого, что.* *Научн.* Искусственно воспроизвести /воспроизводить генетически однородное потомство путем неполового размножения.»

Англицизмом считается почему-то *nomen actionis*: «*Клонирование*, я, ср. [англ. cloning] *Научн.* Искусственное воспроизведение генетически однородного потомства путем неполового размножения. *Запрет на клонирование человека.*»

В Словаре иностранных слов немецкого языка (GFWB 2003) существительное *Klon* в указанном значении трактуется как англицизм, восходящий к греческому; им мотивированы глагольные синонимы *klonen* и (спец.) *klonieren*.

В ТССРЯ [2006] английское происхождение указывается и для многих глаголов на *-ова(ть)*, напр., «*инициировать*, рую, руешь, *св* и *нсв*; *что.* (англ. initiate) начать/начинать, предпринять/предпринимать (какое-л. дело, мероприятие, проект и т. п.)», «*инкриминировать*, рую, руешь, *св* и *нсв*; *что.* (англ. incriminate) *Юр.* Вменить/вменять в вину; обвинить /обвинять в чем-л.», «*инсталлировать*, рую, руешь, *св* и *нсв* (англ. install) *Информ.* 1. Установить/устанавливать на жёсткий диск компьютера (программное обеспечение). 2. Подключить/подключать к компьютеру (аппаратное устройство, сетевое оборудование)». Подобные глаголы в тех же значениях, только в соответствующих ассимилированных формах бытуют во многих языках; они претерпели семантические изменения, но восходят к латинским корням. Так, соответствующие немецкие глаголы

¹ Ср. в (ТССРЯ 2006) омоним-англицизм: «*Клон*², а, м. [англ. clone] *Информ.* Компьютер, аппаратное устройство или программа, воспроизводящие принципы работы образцов более известных фирм (обычно IBM).»

в Словаре иностранных слов (GFWB 2003) сводятся к латинскому: «*initiieren* <über *spätlat.* initiare „anfängen; taufen“ aus *lat.* initiare „einweihen, einführen“>», «*inkriminieren* <aus gleichbed. *spätlat.* incriminare>», «*installieren* <aus *mlat.* installare „in eine Stelle, in ein (kirchliches) Amt einsetzen“ zu *stallus* „(Chor)stuhl“, dies aus dem Germ.>».

По нашему мнению, «интерлексемы» греко-латинского происхождения, которые не обладают какими-либо фонетическими или словообразовательными признаками английского происхождения, вряд ли стоит считать англицизмами.

5. Англицизмы и языковая норма в словарях неологизмов

Несмотря на указание вариантов, названные одноязычные словари русского языка призваны выполнять кодифицирующую функцию. Обратим свое внимание под этим углом зрения на словари неологизмов. По неографической традиции, восходящей к словарям «Новые слова и значения русского языка» и бюллетеням «Новое в русской лексике», в этих словарях собраны новые наименования (в частности, и англицизмы), вошедшие в литературный (стандартный) язык в определённый временной период.

Словари неологизмов могут выполнять разные функции: Они отражают динамику словарного состава данного языка и позволяют отметить тенденции его развития, дают возможность выявить наиболее продуктивные в определённый период словообразовательные типы и способы номинации. Такую задачу поставили себе авторы двуязычных словарей неологизмов [ср. Worbs 2007, РНСНС 2007], хотя на первом плане, конечно, стоял вопрос об эквивалентах собранных неологизмов в немецком как выходном языке. Оба словаря включили целый ряд англицизмов, вошедших в русский язык с середины 1980-х годов resp. в польский после 1989 г.

Данные справочники являются пассивными словарями преимущественно для немецких пользователей; они описывают актуальное состояние входного языка и не дают нормативной оценки неологизмов [см. Worbs 2007:X].

Примером нормативного словаря является Словарь новых слов и значений болгарского языка (Пернишка 2001). Новообразования и иностранные слова (преимущественно англицизмы), имеющие болгарские синонимы, получили в этом словаре специфическую помету «нежел.» («нежелателна дума»), так как их употребление считается ненужным («ненужната употреба», Пернишка 2001:9), напр.: *бийчволей* [...] *Нежел.* Плажен волейбол; *блокбъстър* м. *Нежел.* ↑ касоразбивач; *бодибилдър* м. *Нежел.* Човек, който се занимава с ↑ бодибилдинг;

↑ культурист; *бодилосьон* [...] м. *Нежел.* Лосьон за тело. (Знак ↑ указывает на синонимичные и другие заголовочные слова в том же словаре, которые употребляются, напр., в словарных толкованиях.)

В самом деле, употребление англицизмов в европейском языковом пространстве связывается с проблемами языковой нормы, языковой культуры. Носитель неанглийского родного языка сталкивается с англицизмами в устном и письменном общении; он должен их правильно понимать и употреблять - особенно в профессиональных и официальных коммуникативных ситуациях. Лексикографии надлежит давать ответы на возникающие вопросы языковой нормы и её кодификации и вносить свой вклад в повышение общего уровня языковой компетенции - в иностранных языках и, что не менее важно, в родном языке.

Список литературы

- Oxford Advanced Learner's Dictionary
(www.oup.com/oald-bin/web_getald7index1a.pl)
- DUDEN (2006) = *DUDEN. Die deutsche Rechtschreibung*. 24., voellig neu bearbeitete und erweiterte Auflage, Dudenverlag, Mannheim et al.
- DUDEN. Das grosse Fremdwörterbuch, 3., ueberarbeitete, Dudenverlag, Mannheim et al.
- Worbs E. (Red.) (2007) = E. Worbs., A. Markowski, A. Meger, *Polnisch-deutsches Woerterbuch der Neologismen. Neuer polnischer Wortschatz nach 1989*, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden.
- Зализняк А.А. (2007), *Грамматический словарь русского языка*, издание 4-е, исправленное и дополненное, изд-во «Русские словари», Москва
- Лопатин В.В. (2007), *Орфография и структура слова: к проблеме удвоенных согласных на стыке морфем*, «Современное русское языкознание и лингводидактика, вып. 2. Сборник научных трудов, посвященный 85-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского», Москва, с. 77-79
www.philology.ru/linguistics2/lopatin-07.htm
- Пернишка Е. (ред.) (2001), *Речник на новите думи и значения в български език*, първо издание, «Наука и изкуство», София.
- РНСНЛ (2007) = И. Улуханов, Х. Хебеккер, В. Беленчиков, Р. Беленчикова, *Русско-немецкий словарь новых слов*, «Азбуковник», Москва.
- РОС (2005) = О.Е. Иванова, В.В. Лопатин (отв. ред.), И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова, *Русский орфографический словарь*, 2-е изд., испр. и доп., Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Москва.

- Скляревская Г.Н. (2004), *Словарь сокращений современного русского языка*, «Эксмо», Москва.
- ТССРЯ (2006) = Скляревская Г.Н. (ред.), *Толковый словарь современного русского языка начала XXI века: Актуальная лексика*, «Эксмо», Москва.
- Скляревская Г.Н., Ваулина Е.Ю. (ред.) (2007), *Комментарии к федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Часть I: Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка)*, Факультет филологии и искусств СПб ГУ, Санкт-Петербург.

The lexicographical codification of Anglicisms

Summary

This article aims at demonstrating the role of dictionaries in the standardization and codification of anglicisms in contemporary Russian and at finding out tendencies of norm development. Using material from several new dictionaries of Russian variation in orthography of anglicisms in Russian and grammatical characteristics (genus, numerous, declination; acronyms) were analysed. Anglicisms are partly assimilated by Russian derivational affixes; others provide the basis for Russian word-formation. Dictionaries of neologisms (e. g. Bulgarian, Russian-German, Polish-German) contain a lot of anglicisms. They focus on the standardization of language use or give a picture of lexical development and word-formation tendencies in general.

Нина Ф. Клименко

**Национально-языковые особенности
освоения интернационализмов
(на материале современного украинского
и новогреческого языков)**

На современном этапе развития языков в условиях глобализации наблюдается интенсивное заимствование иностранных слов, основ, морфем. С одной стороны, число таких единиц увеличивается. С другой, в каждом языке формируются защитные механизмы реагирования на заимствованные слова. Многие из них, особенно те, которые называют новые понятия и новые реалии, быстро проходят стадию изолированного существования в языке и формируют многочисленные корневые гнёзда. Они включаются в процессы словообразования в роли производящих, вершинных слов гнёзд, заявляя о своих правах на существование в заимствующем языке. Рост словообразовательного потенциала охватывает те заимствованные единицы, которые давно существуют в языке, и те, что пришли в него на протяжении нескольких последних десятилетий. Особенно это характерно для интернационализмов.

Темпы и пути заимствования, превращения слов и их компонентов в интернациональные, часто имеют своеобразные черты, обусловленные национальными традициями освоения иноязычного материала. Пополнение словарного состава за счёт интернационализмов описано во многих работах и на материале различных языков: русского [Земская 1997: 167-201, Земская 2000: 141], болгарского [Березовенко 1993, Радева 2007], польского [Jadacka 2001, Waszakowa 2003: 78-102], украинского [Клименко 2008], чешского [Даниленко 2001]. В этой статье мы попытаемся показать специфику освоения интернационализмов в современном украинском и новогреческом языках. Объясним лишь некоторые используемые в статье термины: неозаимствования – единицы из других языков, освоенные языком-реципиентом в течение последних трёх десятилетий, неосемантизмы – новые значения, появившиеся у давно заимствованных слов, новообразования – новые производные от заимствований, интернационализмы – единицы, встречающиеся как

минимум в трёх разноструктурных языках (критерий А. А. Белецкого). Рассмотрим несколько интернациональных греческих основ, распространённых в украинском и новогреческом языках, для выявления своеобразия заимствований в обоих сравниваемых языках.

Основа **εκο-** соотносится с существительным *ο οίκος* ‘дом, жилище’. В греческом она принадлежит к свободным, несвязанным основам и встречается в составе многих аффиксальных производных слов, а также в композитах. Гнездо с вершинным существительным *ο οίκος* в новогреческом обладает значительным лексическим наполнением. Это слово древнегреческого происхождения. Н. Андриотис определяет его как книжное (Ανδριώτης 1995), однако в современном новогреческом большинство производных от *οίκος* принадлежит общелитературному языку.

Среди композитов этого гнезда представлено существительное *η οικογένεια* ‘семья, род’, которое, по мнению академика Г. Бабиньётиса [Μπαμπινιώτης 1998], начало широко употребляться в новые времена уже в XIX веке, вытеснив эллинизированное существительное *φамиλία*, заимствованное из латинского *familia*. В анализируемом гнезде много производных от композита *η οικονομία* ‘экономика’, а также от *το οικόπεδο* ‘строительная площадка’, *οικοδομώ* ‘строить дом’ и других.

В конце XX и в начале XXI веков у основы, ставшей интернациональной, развивается второе значение ‘экологический’, т.е. ‘связанный с окружающей средой, в которой живёт определённая совокупность организмов, образующих с ней единое целое’. В греческом это слова *η οικοφυσιολογία*, *η οικολογία*, *ο/η οικολόγος*, *οικολογικός*, *το οικοσύστημα*, *ο οικότηπος*. В украинском им соответствуют *εκοφیزیολογία*, *εκολογία*, *εκοлог*, *εκολογичний*, *εκοσυσтеμα*, *εкотип*. Все они появились в английском языке с использованием греческих основ. Новогреческий, подобно германским и славянским языкам, заимствовал их из английского. В греческих словарях их фиксируют как интернациональные термины греческого происхождения. Отличие этих слов от подобных в других языках в том, что они вернулись в стихию родного новогреческого языка и попали в среду слов, принадлежащих одному гнезду с одной и той же основой. Такова судьба многих интернациональных терминов с греческими основами типа **βιο-**, **γεο-**, **γελίο-**, **ελεκτρο-**, **κρίο-**, **ψιχο-**, **θερμο-**, **φίτο-** и др. Ср.: греческие **βιο-**, **γγο-**, **ηλιο-**, **ηλεκτρο-**, **κρυο-**, **θερμο-**, **φωτο-**, **ψυχο-** и т.п.

В украинском языке засвидетельствовано много слов с интернациональной связанной основой **εκο-** со значением ‘экологический’. В начале 80-х годов XX в. слов с этой основой ещё не было в украинских словарях. В «Украинском орфографическом словаре» 2002 г. уже представлено 14 слов в корневом гнезде с основой **εκο-**, в которых она

функціонально еквівалентна аброморфеме в отличие от новогреческого, где она имеет статус композитной основы в словообразовательном гнезде: *екологічні ресурси – екоресурси* (ср. также *екосистема, екосфера, екотип*). В словоуказателе А.А. Стишова зарегистрировано ещё 11 слов с основой **еко-** [Стишов 2003]. Большинство из них являются производными словообразовательного гнезда с базовым словом *екологія*: *еколог, екологіст, екологізація, екологічність, екоенергетика, екокатастрофа, екотуризм*. Последнее слово зафиксировано и в новогреческом, однако у него иные словообразовательные характеристики. В его составе исконная основа **оико-** сочетается с заимствованным словом *туризм*, образуя композит-гибрид *οικοτουρισμός*.

В современном украинском языке давно известна основа **еко-** со значением ‘дом, хозяйство’, встречающаяся в составе многих слов: *економіка, економіст, економ, економічний* и др. Однако носители языка не ассоциируют её с отдельной морфемой **еко-**, а тем более со значением ‘экологический’. Её выделяют с помощью этимологического анализа и по своему значению она разошлась с основой **еко-**, восходящей к прилагательному *екологічний*. Последняя приобрела в украинском языке статус словообразовательной продуктивной морфемы и образует ряды новых слов, в том числе и гибридов наподобие *екорух, екобезпека, екоосвіта*.

Основа **био-** тоже давно известна как интернациональная. В сложных словах она выражает значения: 1) ‘связанный с жизнью’, 2) ‘биологический’. Эта несвязанная основа формирует мощное словообразовательное гнездо, в котором преобладают композиты типа *η βιοποικιλία* ‘биоразнообразие’, *η βιοπάλη* ‘жизненная борьба’, *η βιοτεχνία* ‘биотехника’. Большинство композитов, принадлежащих этому гнезду, встречается в других языках как заимствования из английского: *η βιοαστροναυτική – биоастронавтика, η βιογένεση – биогенез, η βιογεωγραφία – биогеография, η βιοδυναμική – биодинамика, η βιοστατιστική – биостатистика, η βιοσύνθεση – биосинтез, ο βιοτόπος – биотоп, ο βιοτύπος – биотип, η βιοφυσική – биофизика*; из французского: *η βιοενέργεια – биоэнергия, η βιοκλιματολογία – биоклиматология, η βιολογία – биология, η βιοθεραπεία – биотерапия, η βιομάζα – биомасса*. Некоторые из них являются кальками английских гибридных терминов, ср.: *biomedicine* и греческое *η βιοϊατρική, biosociology – η βιοκοινωνιολογία, biomaterial – το βιοϊλικό*; немецких типа *Zebenweisheit – η βιοσοφία* ‘жизненная мудрость’.

В современном украинском языке связанная основа **био-** образует разветвлённое корневое гнездо, в котором свыше 170 единиц. Большинство из них интернациональные композитные существительные и прилагательные, принадлежащие разным терминосистемам. Анализируя эти слова, следует помнить, что в украинском языке, как и в других

славянских, не все они непосредственно заимствованы из греческого, несмотря на то, что они содержат греческие основы. В корневом гнезде **био-** в украинском языке отсутствуют глаголы, но представлены глаголы-существительные (укр. дієйменники), являющиеся гибридными словами: *біозахист, біозв'язок, біокерування, біоокислення, біоочищення*. Гнездо стабильно пополняется новыми терминами: *біозона, біокінез, біонавігація, біопатогенез, біосенсор, біоенерготерапевт, біоенерготерапія, біорегулювання, біотестування*. Это позволяет утверждать, что рассмотренные основы **еко-** и **био-** стали словообразовательными единицами украинского языка, образуя новые разряды слов, среди которых немало гибридов.

На фоне этих основ более чётко проявляется своеобразие освоения интернациональных слов и основ в новогреческом языке. Возьмём для примера основу **радио-** от французского *radio* (сокращение от *radiophonie*). От этой интернациональной основы, являющейся в новогреческом свободной, несвязанной, образовалось многочисленное гнездо со многими подгнёздами. В новогреческом и украинском эти гнёзда демонстрируют параллелизм словообразовательного и лексического наполнения. Приведём греческие примеры с украинскими параллелями и указанием языка-источника заимствования: *η ραδιοαστρονομία – ραδιοαστρονομία, η ραδιοβιολογία – ραδιοβιολογία, η ραδιογενετική – ραδιογενετική, η ραδιογραφία – ραδιογραφία, η ραδιοσκοπία – ραδιοσκοπία, η ραδιοτεχνία – ραδιοτεχνία, το ραδιοταξί – ραδιοταξί*. Эти слова пришли в греческий из английского. Такими же являются заимствования из французского: *το ραδιοτηλέφωνο – ραδιοτηλέφωνο, η ραδιοχημεία – ραδιοχημεία, η ραδιομετεωρολογία – ραδιομετεωρολογία*. Гибридными являются в греческом и украинском слова: *η ραδιοεπικοινωνία – ραδιοεπικοινωνία, η ραδιοεκπομπή – ραδιοεκπομπή, ο ραδιοδέκτης – ραδιοδέκτης, ο ραδιοηλεκτρισμός – ραδιοηλεκτρισμός, η ραδιοηλεκτροτεχνία – ραδιοηλεκτροτεχνία, η ραδιοηλεκτρονική – ραδιοηλεκτρονική, ο ραδιοσταθμός – ραδιοσταθμός*. Как видим, это общий фонд интернационализмов в сравниваемых языках.

Параллелизм образования гибридных слов с основой **радио-** в сопоставляемых языках подтверждают многие другие примеры. Так, греки английское слово *radio wave* переводят как *τα ραδιοκύματα*, украинцы – *радіохвиля*, *radio frequency* – *η ραδιοσυχνότητα – ραδιοσυχνότητα*, *radio-television* – *η ραδιοτηλεόραση – ραδιοτηλεόραση*, *radiosensitivity* – *η ραδιοευαισθησία – ραδιοευαισθησία*, *radio-tape recorder* – *το ραδιομαγνητόφωνο – ραδιομαγνητόφωνο*. В приведённых выше словах в первой позиции использована интернациональная основа **радио-**, во второй – исконные, свои для каждого языка лексемы. Анализ слов с вершинными для гнёзд интернационализмами *radio* и *ράδιο* подтверждает более сильную в новогреческом языке, чем в украинском, тенденцию к заимствованию иноязычных единиц путём образования гибридов и калек.

Тенденцию к максимальному использованию калек как защитного механизма языка в освоении заимствованных единиц и, в частности, интернационализмов в новогреческом подтверждает существительное *рентген*. В наиболее полных новогреческих словарях представлено одно слово *το ρέντυκεν* (от фамилии немецкого физика Вильгельма Рентгена) – наименование единицы дозы рентгеновского и гамма-излучения. В словарях современного украинского языка свыше пяти десятков слов с этой основой. Большинство из них является интернационализмами: *рентгенодефектоскопія, рентгеноастрономія, рентгенокардіологічний, рентгенометалографія, рентгеноспектроскопія, рентгенотехніка*. Новогреческие эквиваленты этих интернационализмов, используемых в славянских, германских и романских языках, принадлежат к калькам, ср.: *рентгенограма – το ακτινογράφημα, рентгеноterapia – η ακτινοθεραπεία, рентгенологія – η ακτινολογία, рентгенолог – ο/η ακτινολόγος, рентгеноскопія – η ακτινοσκόπηση, рентгенодіагностика – η ακτινοδιάγνωστική*.

Незаимствования в новогреческом являются преимущественно словами английского языка. В отличие от современного украинского они не образуют больших корневых или словообразовательных гнёзд. Это обусловлено существующей в современном новогреческом языке тенденцией к калькированию заимствований, образованию гибридных слов, эквивалентному переводу словосочетаниями. Их быстрому проникновению в язык препятствуют также ограничения на звуковое оформление конца слова, особенно существительных, которые оканчиваются на гласные или согласные *-ς, -ν*. Другие конечные согласные указывают на инородность слова в языке. Это, в частности, объясняет трудность освоения английских слов на *-ing*, очень распространённых в славянских языках как наименования действий, процессов, состояний. От многих из них в украинском языке образуются относительные прилагательные: *армрестлінг – армрестлінговий, віндсерфінг – віндсерфінговий, інжинірінг – інжинірінговий, кікбоксинг – кікбоксинговий, маркетинг – маркетинговий, моніторинг – моніторинговий, факторинг – факторинговий, холдинг – холдинговий*. Таким способом в украинском утверждается и активно реализуется семантическая схема образования производных относительных прилагательных от названий действий и процессов, свойственная немногим исконным отглагольным существительным: *жити – життя – життєвий, мислити – мислення – мисленнєвий, чути – чуття – чуттєвий, почиття – почиттєвий, мовити – мовлення – мовленнєвий*.

Англицизмы этого типа, ставшие интернационализмами, в украинском языке во многих случаях выступают как вершинные слова гнёзд. Это касается не только давних заимствований: *мітинг – мітинговий, мітингувати, мітингування, мітингар, мітингувальник*,

а и новых. От *демпінг* образованы *демпінговий, демпінгувати, антидемпінг, антидемпінговий*; от *лізинг* – *лізинговий, лізингодавець, лізингоодержувач*; от *брифінг* – *брифінговий, брифінгувати*; от *рейтинг* – *рейтинговий, рейтингування*.

В новогреческом языке заимствования на **-ing** адаптируются как несклоняемые существительные среднего рода. В украинском, например, представлены существительные *серфінг* с окончанием **-у** в родительном падеже в наименованиях действия ('скольжение на волне на специальной доске') и с окончанием **-а** в родительном в названии доски, а также *серфінгіст*. В новогреческом в гнезде зафиксировано существительное *το σερφ* со значением 'доска для скольжения по волне' от англ. *surf* 'волнорез'. Его производным в английском является существительное *surfing*. Последнее заимствовано в греческий со значением 'спортивное соревнование, во время которого спортсмен пытается скользить по волне с парусом или без него': *κάνω σέρφινγκ* – 'занимаюсь серфингом', *διαγωνισμός σέρφινγκ* – 'соревнование по серфингу'. В греческом гнезде представлены наименование лица *ο σέρφερ* 'серфингист' и глагол *σερφάρω*, образованный при помощи суффикса **-άρω**, продуктивного в образовании производных от заимствований из итальянского – *τρακάρω* 'удариться машиной', *ρεγουλάρω* 'регулировать', английского – *παρκάρω* 'парковаться'. У глагола *σερφάρω* два значения: первое – 'заниматься серфингом'; второе – сленговое из области вычислительной техники: 'быстро двигаюсь в Интернете в поисках информации, сообщения, изображения' – *σερφάρω στο Internet, στον κυβερνοχώρο*.

Другие немногочисленные существительные с суффиксом **-инг** не имеют производных, ср.: *το μπρίφινγκ* – *брифінг*. Интересный пример освоения существительных анализируемого типа демонстрирует англицизм *bodybuilding*. В современном украинском оно образует гнездо, к которому принадлежат наименование лица *боди-білдер* и прилагательное *бодибілдинговий*. В новогреческом языке представлено существительное *το μπουτιπλίλτινγκ*, редко встречающееся в языке. Чаще всего его заменяет калька *η σωματοδόμηση*.

Слова *Интернет* и *пiар* в современном украинском языке объединяют: первое – свыше 100 производных, второе – 67. В гнёздах представлены простые аффиксальные слова (существительные, прилагательные, глаголы), многие композиты. Существительное *Интернет* в словарях новогреческого языка редко передаётся как *το Ίντερνετ*, чаще – калькой *το Διαδίκτυο*. У него нет производных, встречается оно в словосочетаниях *συνδέομαι με το Ίντερνετ* 'связываться по Интернету', *σερφάρω στο Ίντερνετ* 'быстро двигаться по Интернету в поисках информации'. Заимствование *пiар* в новогреческом не имеет производных.

Во многих языках мира распространились названия явлений массовой культуры, которую греки называют *η μαζική κοιλτούρα*. К давно заимствованному в обоих языках принадлежит существительное *το σόου* ‘шоу’. В украинском *шоу* образует гнездо сложных слов, пополнившееся в последние годы многими неологизмами: *шоу-балет, шоу-зірка, шоу-матч, шоу-передача, шоу-програма, шоу-продовження, шоу-простір, шоу-турнір*.

В новогреческом в гнезде представлено несколько слов: *το σόου, η σοουμπίζνєς, ο σόουμαν*. По аналогии с английским языком в греческом различаются существительные мужского рода *showman* – *ο σόουμαν* – *шоумен* и женского рода *show-woman* – *η σοουγούμαν*. Кстати, эта модель регулярно реализуется в греческом языке, ср.: *ο ρέкорντμαν* ‘рекордсмен’, *η ρεκορντγούμαν* ‘рекордсменка’.

Давними заимствованиями в обоих языках являются существительные *джаз* и *η τζαζ*. В украинском в гнезде представлены два аффиксальных производных *джазист, джазовий* и пять сложных слов *джаз-банд, джазмен, джаз-оркестр, джаз-ритм, джаз-рок, джаз-фестиваль*. В новогреческом гнезде с этим вершинным словом два существительных: *η τζαζ*, а также *ο τζαζίστας* ‘джазист’. В других случаях *η τζαζ* выступает в роли прилагательного, занимающего в словосочетании первую позицию: (*τζαζ κομμάτι, ~συγκρότημα, ~μουσική, ~σκηνή* – соответственно ‘джазовый отрывок’, ‘джазовый ансамбль’, ‘джазовая музыка’, ‘джазовая сцена’) или вторую позицию (*η орхістра τζαζ, εκτέλεση ~, φωνή ~, άκουσμα ~* – ‘джазовый оркестр’, ‘джазовое исполнение’, ‘джазовое звучание’, ‘джазовый голос’). Заимствования-интернационализмы *рок – рок, поп – поп* образуют в сопоставляемых языках гнёзда в основном из сложных слов. В украинском это *рок, рокер, хард-рок, панк-рок, латин-рок, гінді-рок, джаз-рок, рок-клуб*. В греческом представлены наименования исполнителей и любителей рока: *ο ρόκερ, ο ροκάς, ο ροκάκιας*. В нём увеличилось число словосочетаний со словом *рок* в роли прилагательного-эпитета: *рок συγκρότημα* – ‘рок-ансамбль’, *рок γκρουπ* – ‘рок-группа’, *χέβι μέταλ рок* – ‘хеви-металл-рок’, *панк рок* – ‘панк-рок’, *κλασικό рок* – ‘классический рок’, *рок στυλ* – ‘рок-стиль’.

Гнездо с вершинным словом *поп* в современном украинском языке имеет большее лексическое наполнение по сравнению с новогреческим: *поп-арт, поп-виконавець, поп-експансія, поп-гурт, поп-зірка, поп-ікона, поп-імідж, поп-конкурсант, поп-концерт, поп-музика, поп-переспіви, поп-співак, поп-цукерка*. В новогреческом слово *поп* принадлежит к прилагательным и встречается в словосочетаниях: *ο поп τραγουδιστής* ‘поп-співак’, *το τραγούδι поп* ‘поп-пісня’, *η μουσική поп* ‘поп-музика’. Единственное интернациональное слово с этой основой называет направление в изобразительном искусстве *η поп-άρτ* ‘поп арт’.

Мы видим, что новогреческий язык, издавна имеющий статус языка-донора для языков Европы, на основе которого оформлены многие интернационализмы, обнаруживает достаточно стойкий иммунитет к заимствованиям на современном этапе своего развития. В нём от неозаимствований-существительных, особенно тех, которые принадлежат к несклоняемым, не образуются корневые и словообразовательные гнёзда.

Неосемантизмы в новогреческом и украинском языках часто имеют интернациональный характер. Так, на основе метафоры появилось переносное значение у существительного *το ποντίκι* ‘мышь, мышка’ под влиянием английского *mouse*, где оно называет периферийное устройство компьютера. Подобный путь развития переносного значения у греческого слова *ο ίός* и украинского *вірус* относительно небольших программ и кратких кодов, которые вызывают повреждение в программе и информации. Интересный пример использования разных метафор лежит в основе знака @ в электронном адресе. В украинском его называют существительными *собака* или *вухо*, в новогреческом – *το παπάκι* ‘уточка’.

Новогреческий язык, как украинский и другие языки, открыт для заимствований. Эту мысль аргументированно и на большом фактическом материале доказала Анна Анастасиади-Симеониди [Αναστασιάδη--Συμεωνίδη 1994]. В обоих сопоставляемых языках много интернациональных заимствований: *το ντιζάιν* ‘дизайн’, *το μάνατζμεντ* ‘менеджмент’, *ο/η μάνατζερ* ‘менеджер’, *ο/η ντετέκτιβ* ‘детектив’, *η μπουτίκ* ‘бутик’ и др. Фонд интернационализмов увеличивается в этих языках в условиях глобализации. Однако новогреческий, в отличие от многих славянских и других языков, заимствуя интернациональные слова, созданные в германских и романских языках с помощью греческих основ типа **био-**, **крио-**, **мікро-**, приспособливает их к своим исконным гнёздам с этими основами и таким образом расширяет их лексическое наполнение.

В новогреческом языке действует поддерживаемая интеллектуальной элитой страны тенденция к ограничению заимствований средствами греческого языка путём использования всех разновидностей калек, многих гибридных единиц, семантически эквивалентных словосочетаний, перифраз. Потому в нём быстрее приживаются удачные кальки типа *глобализация* – *η παγκοσμιοποίηση*, *финансирования* – *η χρηματοδότηση*, *приватизация* – *η ιδιωτικοποίηση*, *капитализация* – *η κεφαλαιοποίηση*, *стандартизация* – *η τυποποίηση* и др.

Литература

Березовенко А.В. (1993), *Лексичні інновації в сучасній болгарській мові*, АКД, Київ.

- Даниленко Л.І. (2001), *Лексико-семантичні інновації в сучасній чеській мові*. [In:] “Мовознавство”, nr.3.
- Земская Е.А.(1997), *Активные тенденции словопроизводства*, Москва, Opole: Univer. Opolski.
- Земская Е.А.(2000), *Активные процессы современного словопроизводства. Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, Москва.
- Клименко Н.Ф. (2008), *Гнізда від іншомовних слів*. [In:] *Динамічні процеси в сучасному українському лексиконі*, Видавн. Дім Д.Бурого, Київ.
- Радева В (2007), *В света на думите. Структура и значение на производните думи*, Универ. изд. «Св. Климент Охридски», София.
- Стишов О.А. (2003), *Українська лексика кінця XX століття (на матеріалі мови засобів масової інформації)*, Видавн. центр КНЛУ, Київ.
- Jadacka H. (2001), *System słowotwórczy polszczyzny. 1945-2000*, PWN, Warszawa.
- Waszakowa K. (2003), *Przejawy tendencji do internacjonalizacji w systemach słowotwórczych języków zachodniosłowiańskich*. [In:] Ohnheiser I. (red.), *Słowotwórstwo / Nominacja*, Innsbruck: Univer. Innsbruck; Opole: Univer. Opolski.
- Ανδριώτης Ν. (1995), *Ετυμολογικό λεξικό της κοινής νεοελληνικής*, Πανεπιστήμιο Θεσ/νίκης, Θεσ/νίκη.
- Μπαμπινιώτης Γ.(1998), *Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας*, Αθήνα.
- Αναστασιάδη-Συμεωνίδη Α. (1994), *Νεολογικός δανεισμός της νεοελληνικής*, Πανεπιστήμιο Αθηνών, Αθήνα.

The borrowing of international words in present-day Ukrainian

Summary

The article deals with the borrowing of international words in present-day Ukrainian and Modern Greek and focuses on the peculiar features of this process in the analyzed languages at the time of globalization. The process of rapid borrowing of foreign words, stems, and morphemes in both languages, the increase in the word-forming potential of loan words and their transformation into initial words of root and word-forming nests have been researched. The conducted analysis has enabled the author to highlight the differences in the assimilation of international words in the compared languages, the most important one being a more frequent substitution of international words in Modern Greek by calques, hybrid words, equivalent word combinations and periphrases.

А.А. Лукашанец

Працэсы інтэрнацыяналізацыі ў беларускай мове канца XX – пачатку XXI стст.

I. Тэндэнцыя да інтэрнацыяналізацыі ў цэлым вызначае развіццё слоўнікавага складу беларускай мовы, пачынаючы з другой паловы XX ст., і асабліва актуалізуецца ў канцы стагоддзя. Менавіта з гэтай тэндэнцыяй звязана з’яўленне ў беларускім лексіконе шматлікіх тэматычных груп актуальнай запазычанай лексікі, якая характарызуе найбольш сучасныя сферы дзейнасці грамадства, а таксама цэлых пластоў матываванай лексікі, што ўтворана або ад запазычаных слоў, або з дапамогай словаўтваральных фармантаў іншамоўнага паходжання. На гэты перыяд прыходзіцца фарміраванне цэлых словаўтваральных гнёзд з зыходнымі іншамоўнымі лексемамі, словаўтваральных радоў слоў з фармантамі іншамоўнага паходжання, а таксама фарміраванне новых словаўтваральных тыпаў [Шакун 1978:118]. Напрыклад, бел. назоўнікі *антыкамунізм, антымільтарызм, антымільтарыст, антынейтрына, антысеміт, антысемітка, антысемітызм, антысептык, антысептыка, антысаветызм, антытэзіс, антычасціцы; гідралакацыя, гідраметалургія, гідраметэаралогія, гідрамеханізацыя, гідрамеханіка, гідраманітор, гідрапоніка, гідрасамалёт, гідраэнергетыка, гідрастатыка, гідратэрапія* і г.д.; прыметнікі *антыкамуністычны, антыматэрыялістычны, антымільтарысцкі, антынавуковы, антынародны, антыграмадскі, антыўрадавы, антысеміцкі, антысептычны, антытаксічны; гідраметрычны, гідраманіторны, гідрастатычы, гідротэхнічны* і г.д. Параўн. таксама ўтварэнні з фармантамі *-мен/-смен* (*спартсмен, яхтсмен, джазмен, супермен, бізнесмен*), *-дром* (*аэрадром, касмадром, танкадром, веладром*).

Асаблівасцю працэсаў інтэрнацыяналізацыі ў беларускай мове гэтага перыяду з’яўляецца тое, што паяўленне новых нематываваных і матываваных адзінак з іншамоўнымі каранямі і словаўтваральнымі фармантамі, фарміраванне новых словаўтваральных тыпаў праходзіла пад моцным і непасрэдным уплывам рускай мовы. Таму менавіта для беларускай мовы працэсы інтэрнацыяналізацыі гэтага перыяду атрымалі выразнае адценне “русіфікацыі”. Апошняя ў далейшым адыграла істотную

ролю ў ацэнцы новаўтварэнняў папярэдняга перыяду, паколькі многія з гэтых наватвораў часта разглядаюцца як русізмы ў нацыянальным беларускім лексіконе і падвяргаюцца пераацэнцы з пункту гледжання іх нарматыўнага статусу.

Тое, што працэсы інтэрнацыяналізацыі слоўнікавага складу беларуска мовы маюць выразнае адценне менавіта русіфікацыі тлумачыцца перш за ўсё тым, што папаўненне новых лексічных адзінак у другой палове XX стагоддзя па прычынах галоўным чынам нелінгвістычнага характару адбывалася пад непасрэдным уплывам рускай мовы. Запазычаныя асновы і ўтвораныя ад іх цэлыя гнёзды слоў, а таксама словаўтваральныя рады з фармантамі іншамовнага паходжання паяўляліся ў беларускай мове праз пасрэдніцтва рускай мовы ці па яе ўзорах. Актывізацыя ўласных словаўтваральных сродкаў таксама адбывалася пад моцным уплывам рускай мовы, у прыватнасці, у выніку калькавання адпаведных рускіх матываваных адзінак. Асабліва адчувальнай гэтая тэндэнцыя была ў сферы навуковай і навукова-тэхнічнай тэрміналогіі. Вялікая колькасць новых найменняў вытворчасці і яе прадукцыі, новых спецыяльнасцей, назваў асоб паводле прафесіі і роду заняткаў і г.д. у гэты перыяд былі ўтвораны па ўзору адпаведных рускіх адзінак, што, безумоўна, аказала ўздзеянне як на самую словаўтваральную сістэму беларускай мовы, так і на прадуктыўнасць асобных словаўтваральных сродкаў. Гэта ўсё вяло да інтэнсіўнага павелічэння пласту фактычна аднолькавых лексічных адзінак у беларускай і рускай мовах. Параўн., напрыклад, рус. *антикоммунизм, антимилитаризм, антимилитарист, антинейтринно, антисемит, антисемитка, антисемитизм, антисептик, антисептика, антисоветизм, антитезис, античастицы; гидролокация, гидрометаллургия, гидрометеорология, гидромеханизация, гидромеханика, гидромонитор, гидропоника, гидросамолет, гидроэнергетика, гидростатика, гидротерапия; антикоммунистический, антиматериалистический, антимилитаристский, антинаучный, антинародный, антиобщественный, антиправительственный, антисемитский, антисептический, антитоксический; гидрометрический, гидромониторный, гидростатический, гидротехнический; спортсмен, яхтсмен, джазмен, супермен, бизнесмен; аэродром, космодром, танкодром, велодром.*

Як адзначаецца даследчыкамі, у 60–80-я гады развіццё слоўнікавага складу беларускай літаратурнай мовы вызначалася “трыма асноўнымі тэндэнцыямі: а) актывізацыяй працэсу запазычвання; б) пашырэннем кола тэматычных і лексіка-семантычных груп запазычанай лексікі; в) зменаў вядучых тэматычных груп сярод запазычанай лексікі” [Лексікалогія 1994:183]. Гэта было звязана з наступнымі фактарамі: пашырэннем і ўмацаваннем у названы перыяд міжнародных кантактаў, а таксама развіццём навукова-тэхнічнага прагрэсу, асабліва ў галіне аўтаматыкі

вытворчасці. Невыпадкова па гэтаму сярод іншамоўных запазычанняў у беларускай мове 60 – 80-х гадоў істотнае месца займае навуковая і тэхнічная тэрміналогія (*астрабіялогія, астрагеаграфія, касмафізіка, мікраэлектроніка, нейрапсіхалогія, радыёхімія* і інш.) і грамадска-палітычныя тэрміны (*антысаветызм, канфрантацыя, мафія, неакаланіялізм, саветалогія* і інш.) [Лексікалогія 1994:184]. Важна падкрэсліць той факт, што, як адзначаецца ў спецыяльных даследаваннях, “неалагізмы рускага паходжання тэматычна не адрозніваюцца ад іншамоўных. Гэта таксама навукова-тэхнічныя, грамадска-палітычныя, спартыўныя, медыцынскія тэрміны, словы, што абазначаюць прадметы, з’явы, паняцці са сферы культуры, быту, сельскай гаспадаркі і інш.: *атамаход, атамаш, аўтаматыка... тэлеатэлье, электратабло, энергагігант, бескампраміснасць...*” [Лексікалогія 1994:185]. Вельмі цікавым і паказальным для ацэнкі рускіх запазычанняў у беларускую мову з’яўляецца наступнае выказванне: “Матэрыялы паказваюць, што неалагізмаў рускага паходжання ў пасляваенны час засвойваецца беларускай мовай у нязменнай форме значна больш, чым у 20 – 30-я гады. Асноўнай прычынай тут з’явілася тое, што пад уплывам агульнай тэндэнцыі да тэрміналагізацыі лексікі пераважная большасць новых слоў у рускай мове ўтвараецца шляхам спалучэння рускіх і інтэрнацыянальных або толькі інтэрнацыянальных словаўтваральных элементаў, якія не паддаюцца калькаванню нават на блізкароднасную мову, а таму словы з такімі структурнымі элементамі, як правіла, не перакладаюцца, а запазычваюцца ў нязменнай форме. Для прыкладу, з адным інтэрнацыянальным элементам *гідра-* беларускай мовай у пасляваенны час было запазычана з рускай каля сотні такіх складаных утварэнняў, як *гідраавіяцыя, гідраагрэгат, гідраакустыка, гідраачыстка, гідрааэрадром, гідрааэрапорт, гідрабіёніка, гідрабіялогія...*

Павелічэнне ў пасляваенны перыяд чыстых запазычанняў рускага і іншамоўнага ўтварэння садзейнічала і значнае аслабленне тэндэнцыі да “адштурхоўвання ад рускай мовы”, якая досыць выразна праяўлялася ў даваенны час...

Асноўным пасрэднікам у перадачы новых слоў з рускай мовы ў беларускую ў гэты час заставаліся публіцыстычныя жанры (газеты, часопісы, радыё- і тэлепарадачы), у лексіцы якіх найбольш аператыўна і натуральна адлюстроўваюцца ўсе новыя працэсы і з’явы, што адбываюцца ў паўсядзённым жыцці. Некаторыя тэрміны маглі быць перанесены ў беларускія слоўнікі непасрэдна з рускіх тэкстаў або слоўнікаў, пра што сведчаць наяўнасць падобных слоў у беларускіх слоўніках і адсутнасць іх у фундаментальнай картатэцы Глумачальнага слоўніка” [Лексікалогія 1994: 286–297]. Апошняе якраз пацвярджае вывад аб выразнай русіфікацыі лексічнага саставу і словаўтваральнай сістэмы

беларускай мовы ў пасляваенны перыяд, а таксама ў многім тлумачыць пурыстычны характар тэндэнцыі да нацыяналізацыі ў беларускай мове ў канцы XX – пачатку XXI стст. [гл. Ohnheiser 2003].

Названая тэндэнцыя да інтэрнацыяналізацыі з адценнем русіфікацыі аказала пэўны ўплыў таксама на характар і асаблівасці канкурэнцыі ў гэты перыяд сінанімічных словаўтваральных тыпаў у беларускай мове. Так, часта пры наяўнасці дзвюх матываваных адзінак перавага аддавалася той, якая супадала з адпаведнай рускай лексмай. Напрыклад, у [РБС 1953 і пазнейшыя гады выдання] прыводзяцца два прыметнікі *афіцыйальны* і *афіцыйны*, але на першае месца пастаўлены (а значыць, разглядаецца як больш прымальны з пункту погляду літаратурнай нормы) *афіцыйальны* (параўн. рус. *официальный*). Уплыў рускай мовы выразна адчуваецца і на канкурэнцыі ў словаўтваральнай сістэме беларускай мовы дзеясловаў на *-ава-* і *-ірава-* (*рэгуляваць* і *рэгуліраваць*, *функцыянаваць* і *функцыяніраваць* і інш. Параўн. адпаведныя рус. *регулировать*, *функционировать*). Так, напрыклад, у [СБМ 1987] толькі *функцыяніраваць*, а ў [РБС 1993] толькі *функцыянаваць* [Беларуская мова 1998: 173–174]. У гэтых адносінах цалкам справядлівым трэба лічыць меркаванне, што “ў савецкі час беларускай мовай быў асвоены іншамоўны суфікс *-ірава-*, якога яна на папярэдніх этапах свайго развіцця амаль не ведала. З суфіксам *-ірава-* цяпер ужываюцца не толькі тыя іншамоўныя дзеясловы, якія яго раней не мелі, напр.: *аперыраваць* (апераваць), *базіравацца* (базавацца), *маскіраваць* (маскаваць), *маршыраваць* (маршаваць), але і сотні новых слоў, запазычаных і ўтвораных на беларускай аснове: *бульбасарціроўка*, *бальзаміраваць*, *інфіцыраваць*, *кадзіраваць*, *камуфліраваць*, *мадэліраваць*, *планіраваць*, *праграміраваць*, *складзіраваць*, *фарміраваць* і інш.” [Лексікалогія 1994:187–188]. Больш таго, сфарміраваліся цэлыя словаўтваральныя гнёзды гэтых дзеясловаў, у якіх дзеяслоўныя асновы на *-ірава-* функцыянуюць у складаным узаемадзеянні з іншымі словаўтваральнымі фармантамі: *кадзіраваць* – *кадзіравацца*, *закадзіраваць*, *кадзіраванне*, *кадзіроўка*, *кадзіровачны*; *праграміраваць* – *запраграміраваць*, *праграміравацца*, *праграміраванне*.

II. Апошняя дзесяцігоддзе мінулага стагоддзя і пачатак новага характарызуецца значным узмацненнем тэндэнцыі да інтэрнацыяналізацыі ў галіне лексікі і словаўтварэння беларускай мовы. Гэта звязана з далейшым развіццём новых тэхналогій, сучасных галін навукі, істотнымі зменамі ў грамадскім ладзе і палітычным жыцці беларускага грамадства. Найбольш характэрнай рысай сучасных працэсаў інтэрнацыяналізацыі ў беларускай мове гэтага перыяду з’яўляецца надзвычайная інтэнсіфікацыя англамоўных запазычанняў і іх уключэнне ў словаўтваральны працэс, што ў першую чаргу звязана з узмацненнем ролі англійскай мовы ў міжнароднай камунікацыі, а таксама інтэнсіфікацыяй

міжнародных сувязей і ўключэннем беларускага грамадства ў еўрапейскі і сусветны цывілізацыйны працэс, развіццём сучасных мабільных камунікацыйных тэхналогій. Усё гэта дае падставы гаварыць пра так званую “англамоўную інтэрвенцыю”, якая закранула не толькі беларускую мову, але і іншыя славянскія і заходнееўрапейскія мовы [Скляревская 2001; Земская 1996].

У рэчышчы тэндэнцыі да інтэрнацыяналізацыі ў сучаснай беларускай мове паяўляецца велізарная колькасць матываванай і нематываванай лексікі, “якая імкліва запаўняе тыя тэматычныя прасторы, якія з найбольшай паўнатай адлюстроўваюць змены, што адбываюцца ў жыцці грамадства” [Скляревская 2001: 177]. Працэсы, што адбываюцца ў слоўнікавым складзе сучаснай беларускай літаратурнай мовы ў рэчышчы тэндэнцыі да інтэрнацыяналізацыі, у цэлым супадаюць з адпаведнымі працэсамі ў іншых славянскіх мовах [гл. Słowotwórstwo/Nominacja 2003], асабліва блізкароднасных рускай і ўкраінскай. Аднак іх агульны “моўны” фон мае сваю спецыфіку, што звязана з асаблівасцямі сучаснай моўнай сітуацыі і роляй рускай мовы ў Беларусі.

З тэндэнцыяй да інтэрнацыяналізацыі перш за ўсё звязана:

1. Пранікненне ў слоўнікавы склад беларускай мовы і сучасную маўленчую практыку велізарнай колькасці актуальных запазычанняў, пераважна англа-амерыканізмаў, якія адлюстроўваюць рэаліі сучаснага жыцця грамадства і яго культурна-моўныя прыярытэты і густы (*холдынг, роўмінг, дылер, хакер, спам, дансінг, шопінг, кастынг* і інш.).
2. Паяўленне вялікай колькасці матываваных слоў з іншамоўнымі асновамі: *акцыяніраванне, акцыянерна-біржавы, бартэрны, безвалютны, канфармізм, бізнес-цэнтр, анты-стрэс, мануальны, сінтэзатар, экстрасенс*.
3. Актывізацыя многіх словаўтваральных афіксаў іншамоўнага паходжання, якія здольны спалучацца не толькі з іншамоўнымі, але і беларускімі асновамі. Напрыклад, узрастае актыўнасць словаўтваральных прэфіксаў *анты-, супер-, гіпер-, дэ-, псеўда-, квазі-, рэ-, пра-, контр-*. Пры гэтым як і ў папярэдні перыяд руская мова часта служыць “узорам” для стварэння аналагічных лексічных адзінак у беларускай мове. Напрыклад:

анты-: *антытарыфны, антырэклама, антыдэмакрат, антынаменклатурны*, а таксама *антыманапольны, антыпартыйны, антырэфарматарскі, антыапазіцыйны, антыглабалісцкі, антыглабаліст, антыдэмпінгавы, антызабастовачны, антызаконны, антызаходні, антыкарупцыйны, антыкрызісны, антыкультурны, антылітаратурны, антылюдзі, антычалавек* і г.д. Напрыклад, у “Слоўніку новых слоў беларускай мовы” адзначаны 52 словы з фармантам **анты-**, якія адсутнічаюць у слоўніках беларускай мовы 80-х гадоў

мінулага стагоддзя. [Беларуская мова 1998:176; Уласевіч, Даўгулевіч 2009];

Параўн. адпаведна рус. *антигорбачевцы, антиельцинцы, антируцкісты, антитарифный* [Земская 1996, 110]; *антивоенный, антидемократ, антиельцинский, антиноменклатурный, антиперестроечный, антиреклама, антирыночник* [Скляревская 2001, 182];

дэ-: *дэідэалагізацыя, дэпартызацыя, дэсаветызацыя, дэкамунізацыя, дэбюракратызацыя, дэманалізацыя, дэканфліктацыя, дэтаталізацыя, дэідэалагізацыя, дэіерархізацыя, дэкалектывізацыя, дэпрафесіяналізацыя* [Беларуская мова 1998, 175]. Адпаведна рус. *деидеологизация, декоммунизация, департизация, десоветизация* [Скляревская 2001:182]; *деполитизация, десоциализация, декоммунизация, десоветизация, дебюрократизация, демонополизация, деконфликтизация, детоталитаризация, деидеологизация, деиерархизация. деколлективизация, децивилизация, депрофессионализация* [Земская 1998: 112];

пост-: З названым прэфіксам шырока ўтвараюцца назоўнікі і прыметнікі са значэннем ‘той ці такі, які наступае пасля таго, што названа матывавальным словам’: *постперабудовачны, посттаталітарны, посткамуністычны, постсацыялістычны, постсавецкі, пострэферэндумны, посттаталітарызм* [Беларуская мова 1998: 176];

супер-: Назоўнікі і прыметнікі, што ўтвараюцца з дапамогай гэтага прэфікса, называюць прадметы або з’явы павышанай якасці ці ўзмоцненага дзеяння, а таксама абазначаюць гранічна высокую ступень праяўлення прыметы, значэнне найвышэйшай ступені праяўлення прыметы, што названы матывавальным словам: *суперпаліцэйскі, суперпрафесіянал, суперрэфарматар*;

псеўда-: З гэтым прэфіксам у апошні час актыўна ўтвараюцца назоўнікі і прыметнікі са значэннем ‘які не адпавядае таму, што названа матывавальным словам’: *псеўдадэмакрат, псеўдадэмакратыя, псеўдапарламент, псеўдагрошы, псеўдарынак, псеўдакультура* і г.д.;

квazi-: У асноўным утвараюцца назоўнікі са значэннем ‘які не адпавядае па сваёй сутнасці таму, што названа матывавальным словам’: *квaziгрошы, квazірэформа, квazірынак*;

контр-: З дапамогай гэтага прэфікса ўтвараюцца сучасныя назоўнікі са значэннем ‘процілеглы, проціпастаўлены таму, што названа матывавальным словам’: *контррэформа, контрканцэпцыя, контрааргументы, контрмітынг, контрвыступленне* і г.д.

4. Уключэнне ў сферу беларускага словаўтварэння новых словаўтваральных фармантаў, такіх як *відэа-, аўдыя-, нарка-, секс-, эка-, -інг*

/-ынг і інш., якія “фарміруюць новыя ўяўленні аб свеце”: *відэаіндустрыя, відэапiрацтва, наркабiзнес, наркарублі, наркасродкі, экагенез, экакатастрофа, экасістэма.; планiнг, кансалтынг, кліентынг, шопiнг,*

5. Паяўленне шматлікіх састаўных лексічных адзінак: *ведамасна-бюрактарычны, таталітарна-адміністрацыіны, сакратар-рэферэнт, шоу-бiзнес, iнтэрнет-кафэ, бiзнес-цэнтр, рок-тусоўка, бой-фрэнд.*

6. Актыўнае ўваходжанне ў лексікон беларускай мовы цэлых груп матываваных слоў, якія маюць у сваім саставе іншамоўныя асновы ці іншамоўныя фарманты (гібрыднае словаўтварэнне) [Земская 1996], або іншамоўныя асновы і фарманты адначасова. Параўн. назвы асоб: *каруцыянер, iнтэрв’юер, камп’ютэршычык, лабіст;* зборныя назвы: *электарат, кансулат;* назвы працэсаў: *iнвэсціраванне, замбіраванне;*

Многія з іншамоўных слоў, якія сталі, па сутнасці, ключавымі словамі канца ХХ – пачатку ХХІ стагоддзя ў беларускай мове, настолькі актыўна ўключыліся ў лексічную сістэму і сістэму словаўтварэння ў якасці базавых слоў, што парадзілі цэлы рад словаўтваральных ланцужкоў і гнёзд. Параўн.: **наркотыкі** – *нарказалежнасць, нарказалежны, наркабанда, наркабiзнес, наркабiзнесмен, наркадзялец, наркадолары, нарколаг, наркалагічны, наркалогія, наркаман, наркаманізацыя, наркамафія, наркаманія, наркарублі, наркасродкі, наркатызацыя;*

путч – *путчысты, дапутчавы, постпутчавы, пасляпутчавы, антыпутчавы;*

лобі – *лабіст, лабіраваць, лабіраванне, лабізм;*

маркетынг – *маркетынгавы;*

камп’ютэр – *камп’ютэрны*

камп’ютэршычык – камп’ютэршычыца

камп’ютэрызаваць – камп’ютэрызацыя;

ваўчар – *ваўчарны*

ваўчарызацыя;

iнфляцыя – *iнфляцыйны;*

факс – *факсавы*

факсаваць – факсануць;

рэкет – *рэкецір –рэкецірства*

рэкетавы;

офіс – *офісны;*

дылер – *дылерства;*

пэйджар – *пэйджарны*

пэйджынг – пэйджынгавы;

намінацыя – *намініант – намініантка* [Беларуская мова 1998: 176].

Як можна заўважыць, падобнага роду лексічныя адзінкі ў беларускай мове часта поўнасьцю супадаюць з адпаведнымі рускімі лексемамі, або вельмі падобныя да іх. Гэта тлумачыцца перш за ўсё інтэрнацыянальным характарам адпаведных запазычаных іншамоўных лексічных адзінак і словаўтваральных фармантаў. Аднак не апошняю ролю ў гэтым адыгрываюць і наступныя фактары:

актыўнае калькаванне з рускай мовы: рус. *наркозависимость* – бел. *нарказалежнасьць*, *наркозависимый* – *нарказалежны*, *наркосредства* – *наркасродкі*;

запазычанне з рускай мовы: рус. *наркоделец* – бел. *наркадзялец*.

Таму, нягледзячы на тое, што прыведзеныя факты вядуць да пашырэння ў беларускай мове матываваных лексічных адзінак з іншамоўнымі (не рускімі!) асновамі і словаўтваральнымі фармантамі, яны ў значнай ступені ствараюць уражанне (часта справядлівае) менавіта рускамоўнага ўплыву. У дачыненні да беларускай мовы апошняе падмацоўваецца асаблівасцямі сучаснай моўнай сітуацыі ў Беларусі, дзе руская мова займае дамінуючае становішча ў найбольш важных і ўплывовых сферах ужытку.

Разам з тым, неабходна звярнуць увагу на адну істотную акалічнасьць сучаснага развіцця беларускай мовы і яе слоўнікавага складу. Інтэнсіфікацыя працэсу інтэрнацыяналізацыі слоўнікавага складу беларускай мовы ў канцы ХХ ст. адбываецца паралельна з ажыўленнем пурыстычнай тэндэнцыі да нацыяналізацыі, якая накіравана галоўным чынам на ўзмацненне нацыянальнай спецыфікі беларускай мовы (у адносінах да рускай) і рэвізіяй з гэтых пазіцый лексічных інавацый папярэдняга перыяду (г.зн. тых моўных сродкаў, якія замацаваліся ў беларускай мове ў выніку яе інтэрнацыяналізацыі (русіфікацыі!) ў 50-я – 80-я гады ХХ ст. Таму змены ў слоўнікавым складзе беларускай мовы канца ХХ – пачатку ХХІ стст., якія адбываюцца ў рэчышчы тэндэнцыі да інтэрнацыяналізацыі, іх інтэнсіўнасць і мэтазгоднасць як бы адступаюць на другі план, “зацяняюцца” больш “актуальнай” для сучаснай моўнай рэчаіснасці пурыстычнай тэндэнцыяй да нацыяналізацыі (дэрусіфікацыі).

III. Паколькі працэсы інтэрнацыяналізацыі ў значнай ступені вызначаюць сучаснае развіццё лексічнага саставу і словаўтваральных сістэм рускай, беларускай і ўкраінскай моў, яны прыцягваюць увагу не толькі спецыялістаў-прафесіяналаў, але і радавых носьбітаў гэтых моў. Таму актуальнай з’яўляецца ацэнка гэтых з’яў. Асноўнымі крытэрыямі ацэнкі сучасных працэсаў інтэрнацыяналізацыі ў беларускай, на наш погляд, маглі б быць наступныя:

- накіраванасць працэсу;
- аб’ектыўнасць/суб’ектыўнасць;
- кантралюемасць/некантралюемасць;

- часавая аднесенасць (перспектыўнасць/рэтраспектыўнасць);
- ацэнка моўных з’яў (пазітыўнасць/негатыўнасць);
- адрасатнасць інавацыйных з’яў;
- адносіны да сістэмы мовы.

Як паказваюць разгледжаныя вышэй прыклады, працэсы інтэрнацыяналізацыі ў беларускай мове звязаны перш за ўсё з запазычваннем і актывізацыяй у маўленні іншамоўных лексічных адзінак, якія затым уключаюцца ў словаўтваральны працэс і тым самым садзейнічаюць актывізацыі словаўтваральных фармантаў, у першую чаргу іншамоўнага паходжання. Таму словаўтваральныя працэсы, што адбываюцца ў вызначаных рамках, могуць быць ахарактарызаваны як рух звонку ўнутр сістэмы з амаль што адначасовым расшырэннем у ёй. Параўн. *дылер* [англ. *dealer* – біржавы маклер] ‘асоба ці фірма, якія выступаюць біржавымі ці гандлёвымі пасрэдкамі паміж прадаўцом і пакупніком ці пры продажы тавараў, каштоўных папер і г.д.’ і *дылерскі* ‘прым. да дылер’, *інаугурацыя* [англ. *inauguration*] ‘урачыстае ўступленне на пасаду кіраўніка дзяржавы’ і *інаугурацыйны* ‘прым. да інаугурацыя’.

Такі напрамак тэндэнцыі да інтэрнацыяналізацыі з’яўляецца асноўным, але не адзіным. Напрыклад, вядомае беларускай мове, але малаўжывальнае запазычанне *маркетынг* у апошнія дзесяцігоддзі істотна пашырылася ў актыўным ужытку са значэннем “сістэма кіравання і арганізацыя дзейнасці прадпрыемстваў па распрацоўцы новых відаў прадукцыі, вытворчасці і збыту тавараў ці прапанове паслуг адпаведна патрэбам рынку”. Можна гаварыць і пра паяўленне ў гэтага слова новага тэрміналагічнага значэння “эканамічная дысцыпліна, якая займаецца праблемамі вытворчасці і збыту прадукцыі (попыту і спажывання, цэнаўтварэння, рэкламы, сродкамі павелічэння аб’ёму рэалізуемых тавараў)”. Адначасова паяўляюцца і такія новыя найменні, як *маркетынг-дырэктар*, *маркетынг-клуб*, *маркетынгавы* і інш. Прыведены прыклад ілюструе яшчэ адзін напрамак тэндэнцыі да інтэрнацыяналізацыі – рух ад перыферыі да цэнтра ўнутры сістэмы мовы і адначасова ўнутрымоўнае расшырэнне.

Нарэшце, рух ад перыферыі да цэнтра сімвалізуе звязанае з актывізацыяй прэфіксальных словаўтваральных фармантаў іншамоўнага паходжання паяўленне ў слоўнікавым складзе новых лексічных адзінак, а таксама вяртанне ва ўжытак і актывізацыя ў маўленні ўжо вядомых лексем.

Пра ўнутрымоўнае расшырэнне сведчаць таксама і факты змены семантычнага аб’ёму запазычанага слова. Напрыклад, “Нядаўняе запазычанне ІНАЎГУРАЦЫЯ (англ. *inauguration* – урачыстае ўступленне на пасаду; урачыстае адкрыццё, азнаменаванне пачатку чаго-небудзь), якое зафіксавана ў слоўніку з паметай “спец.” і са значэннем ‘урачыстая

працэдура ўступлення на пасаду кіраўніка дзяржавы’, таксама пашырыла сваё значэнне. Як і ў мове-крыніцы, яно пачало ўжывацца ў беларускай мове са значэннем ‘урачаства адкрыццё, азнаменаванне чаго-небудзь’: *Інаўгурацыя або прадстаўленне новага навучальнага года стала ўжо традыцыяй для Беларускага універсітэта культуры...* ЛіМ. 1998. № 40. С. 4; а таксама з новым значэннем ‘урачыстае ўручэнне прэміі’: *Таварыства вольных літаратараў сёлетняе ўручэнне сваёй прэміі “Гліняны Вялес” прымеркавала да 80-годдзя БНР. “Інаўгурацыя” адбылася на цвінтары полацкага Сафійскага сабора*”. А. Козік. ЛіМ. 1998. № 16. С. 3 [Уласевіч 1999: 126].

Пашырэнне ў маўленні (вусным і пісьмовым) іншамойных адзінак з пэўнымі структурнымі элементамі служыць узорам для стварэння матываваных адзінак па аналогіі і садзейнічае актуалізацыі так званых віртуальных мойных адзінак. Напрыклад, ад назойнікаў тыпу *клірынг* (англ. *clearing* – ачыстка) ‘сістэма безнаяўных узаемных разлікаў’, *маніторынг* (англ. *monitoring* – кантроль) ‘пастаяннае назіранне за якім-небудзь працэсам з мэтай выяўлення яго адпаведнасці жадаемаму выніку або першапачатковым меркаванням; збор інфармацыі, звестак у сродках масавай інфармацыі’, *холдынг* (англ. *holding* – валоданне) ‘від прадпрымальніцтва, сутнасць якога заключаецца ў набыцці кантрольных пакетаў акцый розных кампаній з мэтай устанавлення кантролю за іх дзейнасцю і атрымання даходаў у выглядзе дывідэндаў’ [Уласевіч 1999: 124] у беларускай мове свабодна ўтвараюцца адпаведныя прыметнікі *клірынгавы, маніторынгавы, холдынгавы*. Па гэтай жа мадэлі ўтвараецца, відавочна, прыметнік *працэсінгавы* ‘аперацыйны’: ... *Белбізнесбанк эксплуатуе ўласны працэсінгавы цэнтр*. Звязда. 20.04.2002. У сваю чаргу ўжыванне ў маўленні прыметніка *працэсінгавы* дазваляе прагназаваць паяўленне і збытковага назойніка *працэсінг*: *працэс* → **працэсінг* → *працэсінгавы*.

Такім чынам, як паказваюць прыведзеныя прыклады, з тэндэнцыяй да інтэрнацыяналізацыі ў лексіцы і словаўтварэнні сучаснай беларускай мовы звязаны разнастайныя і складаныя па свайму характару, накіраванасці і сутнасці працэсы, якія абумоўлены як знешнім уплывам (**рух звонку ўнутр сістэмы**), так і зменамі ўнутры сістэмы (**рух з перыферыі да цэнтра і ўнутрымоўнае расшырэнне**). Пераважная арыентацыя знешняга ўплыву на англійскую мову прыдае яму выразнае адценне англамоўнай экспансіі.

Паколькі працэсы, што адбываюцца ў лексіцы і словаўтварэнні беларускай мовы ў рэчывы тэндэнцыі да інтэрнацыяналізацыі, звязаны з паяўленнем у яе слоўнікавым складзе новых або актывізацыяй ужо вядомых лексічных адзінак, якія да нядаўняга часу знаходзіліся на перыферыі мойнай сістэмы і з’яўляюцца адзінымі найменнямі новых

і актуальных рэалій сучаснага жыцця, яны могуць і павінны разглядацца і ацэньвацца як **аб’ектыўна** неабходныя для любога носьбіта мовы ў той ступені, у якой апошні звязаны з той ці іншай сферай дзейнасці. Як правіла, паяўленне новых лексічных адзінак і актывізацыя ўжо існуючых не звязана з канкурэнцыяй намінатыўных сродкаў мовы.

Працэс папаўнення слоўнікавага складу мовы ў рэчышчы тэндэнцыі да інтэрнацыяналізацыі адбываецца пастаянна і асаблівую інтэнсіўнасць набывае ў перыяды рэзкіх і кардынальных зрухаў у жыцці грамадства. Таму ў значнай ступені адбываецца **спантанна і бескантрольна**. Такага роду спантаннасць і бескантрольнасць асабліва характэрна для працэсаў намінацыі ў сферы грамадска-палітычнай тэрміналогіі, сферы бізнесу і прадпрымальніцтва, новых тэхналогій і вытворчасцей, у новых галінах навукі. Параўн., напрыклад, *рэцэсія, спам, лінк, блог, андэграўнд, блокбастар, дэмпінг, холдынг, дылінг, роўмінг, брэйк, шоу, шоп, маркет, кілерскі, дылерскі, дылерства, андэграўндны, брэйк-данс, брэйкер, брэйкерскі, дылінгавы, дэмпінгавы* і г.д. Менавіта спантаннасць і некантралюемасць дае падставы з занепакоенасцю гаварыць пра “англамоўную экспансію”. Зразумела, што гэтая ацэнка не можа быць непасрэдна звязана з наступнай моўнай практыкай, у выніку якой моўная сістэма замацуе (кадыфікуе) толькі сапраўды неабходныя інавацыі і “адкіне” на перыферыю ўсё лішняе, абумоўленае “модай часу”.

З пункту погляду часовай аднесенасці моўныя інавацыі, звязаныя з тэндэнцыяй да інтэрнацыяналізацыі, атрымліваюць неадназначную і ў пэўнай ступені супярэчлівую ацэнку. Разам з тым, пашырэнне ў моўнай практыцы сучасных запазычанняў і наватвораў з іншамоўнымі асновамі і словаўтваральнымі фармантамі характарызуецца ў цэлым **актуальнасцю і перспектыўнасцю**, паколькі звязана з неабходнасцю называння новых, актуальных для сучаснага жыцця грамадства рэалій. Тое ж самае датычыцца і моўных інавацый, звязаных з вяртаннем ў актыўны ўжытак ужо вядомых лексічных адзінак.

З’яўляючыся ў пераважнай большасці выпадкаў найменнямі актуальных для сучаснага грамадства рэалій моўныя інавацыі, звязаныя з тэндэнцыяй да інтэрнацыяналізацыі, у кожным канкрэтным выпадку схільны атрымліваць **пазітыўную** ацэнку. І толькі масавы характар запазычвання і іх актыўнае функцыянаванне ў вусным і пісьмовым маўленні дае падставы для занепакоенасці перад іншамоўнай (англамоўнай) экспансіяй.

Характарыстыка сучасных працэсаў інтэрнацыяналізацыі ў беларускай мове

№ пп.	Параметры характарыстыкі	Ацэнка моўных з’яў
1.	накіраванасць працэсу	1. рух звонку ўнутр сістэмы 2. рух ад перыферыі да цэнтра 3. унутрысістэмнае расшырэнне
2.	аб’ектыўнасць/ суб’ектыўнасць	аб’ектыўнасць
3.	кантралюемасць/ некантралюемасць	1. спантаннасць 2. некантралюемасць
4.	часавая аднесенасць	1. актуальнасць 2. перспектыўнасць
5.	ацэнка моўных з’яў	пазітыўнасць
6.	адрасатнасць	масавасць
7.	адносіны да сістэмы мовы	развіццё магчымасцей сістэмы

Паколькі большасць інтэрнацыяналізмаў маюць тэндэнцыю да агульнаўжывальнасці, па крайняй меры ў пэўнай сферы прафесійнай дзейнасці, яны не звязаны непасрэдна з моўнымі густамі пэўных асоб ці груп і атрымліваюць **масавы** распаўсюджанне, асабліва ў сферы грамадска-палітычнай дзейнасці.

Нарэшце, з тэндэнцыяй да інтэрнацыяналізацыі ў беларускай мове звязана папаўненне слоўнікавага складу, пашырэнне словаўтваральнай базы за кошт новых і вярнутых у актыўны ўжытак іншамоўных асноў, актывізацыя і паяўленне новых словаўтваральных фармантаў, што ў цэлым сведчыць пра **развіццё** патэнцыяльных **магчымасцей** намінаўнай сістэмы мовы.

Такім чынам, сучасныя працэсы, што адбываюцца ў сферы лексікі і словаўтварэння ў сучаснай беларускай мове ў рэчышчы тэндэнцыі да інтэрнацыяналізацыі, маюць у цэлым агульны для ўсіх славянскіх моў характар і ахопліваюць разнастайнае кола моўных з’яў. Разам з тым, асабліваці папярэдняга развіцця і функцыянавання беларускай мовы і спецыфіка сучаснай моўнай сітуацыі абумоўліваюць пэўную “нейтралізацыю” тэндэнцыі да інтэрнацыяналізацыі паралельнай тэндэнцыяй да нацыяналізацыі, з якой таксама звязана інтэнсіўнае ўвядзенне ў актыўны ўжытак лексічных інавацый, але з іншай, нацыянальна адметнай маркіраванасцю. Таму развіццё лексічнай сістэмы сучаснай беларускай літаратурнай мовы з улікам названых тэндэнцый характарызуецца:

а) інтэнсіўным папаўненнем слоўнікавага складу шляхам прамога запазычання (*дылер, інтэрнет, кастынг*) і актывізацыі магчымасцей словаўтваральнай сістэмы (*дэмпінг – дэмпінгавы, дылер – дылерскі, хакер – хакерства, холдынг – холдынгавы*);

б) актыўнай заменай (не заўсёды апраўданай) адных намінатыўных адзінак другімі і змені нарматыўных ацэнак цэлых пластоў і груп вытворнай і невытворнай лексікі (*таможня – мытня, пасол – амбасадар, выстаўка – выстава, тыраж – наклад, нармальны – нармалёвы, спартыўны – спартовы, канцэртны – канцэртовы*);

в) канкурэнцыяй намінатыўных сродкаў і паралельным функцыянаваннем дублетных найменняў (*мабільнік ‘мабільны тэлефон’ – далькажык – гутарык, бізнесмен – бізнесменичык – бізнесовец – бізнесоўца; выступальнік – выступальшычык – выступанец – выступант – выступовец – выступоўца; мітынгант – мітынговец – мітынгоўшычык*);

г) тэндэнцыяй да семантычнага размежавання лексічных дублетаў (*мерапрыемства – імпрэза, сустрэча – саміт, забойца – кілер*).

Літаратура

- Ohnheiser I. (red.) (2003), *Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo/Nominacja*, Opole.
- Беларуская мова (1998), *Беларуская мова: Najnowsze dzieje języków słowiańskich*. Opole.
- Земская Е.А. (1996), *Активные процессы современного словопроизводства*, [In:] *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, Москва.
- Земская Е.А. (1998), Е.А. Земская, О.П. Ермакова, З. Рудник-Карват. *Активные процессы в словообразовании современных славянских языков (на материале русского и польского языков)*, [In:] *Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации*. Москва.
- Лексікалогія (1994), *Лексікалогія сучаснай беларускай мовы* (пад рэд. А.Я. Баханькова). Мінск.
- РБС (1953), *Русско-белорусский словарь*. Москва.
- СБМ (1987), *Слоўнік беларускай мовы*. Мінск .
- Скляревская Г.Н. (2001), *Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы*, [In:] *Исследования по славянским языкам*. Сеул.
- ТСБМ (1977 – 1984), *Глумачальны слоўнік беларускай мовы*. У 5-ці тт, 6-ці кн. Мінск.
- Уласевіч В.І. (1999), *Запазычаная грамадска-палітычная і эканамічная лексіка ў сучасным друку*, [In:] *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. № 2. Серыя гуманітарных навук*, с. 123–127.
- Уласевіч В.І. (2001), *Прыметнікі з суфіксамі -ов- (-ав-, -ев-) і -н- у сучасным перыядычным друку*, [In:] *Беларуская лінгвістыка*. вып. 51. Мінск, с. 53–60.

Уласевіч В.І., Даўгулевіч Н.М. (2009), *Слоўнік новых слоў беларускай мовы*, Мінск – 448 с.

Шакун Л.М. (1978), *Словаўтварэнне*. Мінск.

Processes of internationalization in the Belarusian language in the end of the 20th – the beginning of the 21st century

Summary

The aim of the paper is to examine some innovation processes in the vocabulary and word-formation of the Belarusian language. The processes reflect the trend of internationalization, that characterises the present development of practically all Slavic languages and results in intensive enlarging the Belarusian vocabulary with actually loan-words, mostly with Anglo-Americanisms, as well as with motivated words formed on their basis.

This tendency shaped in the second half of the 20th century and strengthened significantly at the turn of the 21st century. The specific language situation in the country and the fact that the Russian language dominates practically in all spheres of communication make this trend create a vivid impression of “russification”. In the present paper lexical innovations facilitated by internationalization are evaluated in terms of their direction, objectivity/subjectivity, checkable/uncheckable character, positive/negative features, chronological dating and relation to the language system.

The paper also draws attention to the specific feature of the current development of the Belarusian lexical system. It concludes that in comparison with other Slavic languages the processes of internationalization in Belarusian are “neutralized” to a certain extent by a parallel but going in the opposite direction process of nationalization, that, in its turn, actualises the puristic tendency aimed at strengthening the national originality of the language.

Лукашанец Е.Г.

Заимствование в социолектах: источники, пути, функции иноязычных слов

Пополнение лексики социолектов (социальных разновидностей языка – жаргонов, аргю, профессиональных языков и т.д.), как известно, происходит в немалой степени за счет иноязычных слов. Однако причины, пути, источники заимствования и роль заимствованных слов в разных социолектах различны. Предполагается, что они зависят от типа социолекта, от тех социальных условий, в которых он развивается и функционирует. Ниже будут рассмотрены особенности процесса заимствования на примере восточнославянских (в основном русских) социолектов разных типов.

1. Условные языки восточнославянских ремесленников и торговцев. Этот тип социолектов был широко распространен в Европейской части Российской империи (на территории нынешних Беларуси, Украины, в Поволжье и во многих районах Нечерноземья) на протяжении нескольких столетий вплоть до конца XIX в. Их носителями были бродячие ремесленники (портные, шаповалы, шорники и др.) и торговцы, реже – представители других социальных групп (нищие, бродячие музыканты, сборщики пожертвований на церковь и др.), вынужденные значительную часть года зарабатывать себе на хлеб, находясь в компании 5–7 односельчан-коллег далеко от дома, нередко во враждебном окружении. Поэтому основной функцией условных языков была функция «затаения»: с их помощью можно было переговариваться в присутствии незнакомых людей, не рискуя быть понятыми.

В исследованных нами белорусских условных языках [Лукашанец 1999] заимствованные слова занимают не столь уж значительное место: среди всех номинаций социолекта их всего 185 (6%) [с. 108]. Их распределение по языкам-донорам показано в таблице 1:

Таблица 1

Индоевропейские языки						Финно- угор- ские языки	Тюрк- ские языки	Всего
славян- ские	роман- ские	балтий- ские	герман- ские	грече- ский	цыган- ский			
21	4	1	8	95	8	26	22	185

Таким образом, больше половины всех заимствованных слов в белорусских условных языках – грецизмы, например: *галость* ‘соль’ – *άλας* ‘соль’; *андрус* ‘товарищ’ – *ανηρ, άνδρος* ‘мужчина, человек’; *явро* ‘яйцо’ – *αυο* ‘яйцо’; *улепать* – *βλεπω* ‘глядеть’; *парахон* ‘дождь’ – *βροχη* ‘дождь’; *гальмо* ‘молоко’ – *γαλα* ‘молоко’; *декан* ‘десять’ – *δεκα* ‘десять’; *дудеконтый* ‘двугривенный’ – *δωδεκατος* ‘двенадцатый’; *яперить* ‘братъ’ – *επαρω* ‘братъ’; *зетить* ‘просить’ – *ζετω* ‘просить’; *звинар* ‘пояс’ – *ζωναρι* ‘пояс, кушак’; *кутрать* ‘мочиться’ – *κατουρω* ‘мочиться’; *кимать* ‘спать’ – *κειμαι* ‘лежать, быть положенным’; *клёвый* ‘хороший’ – *κλεος* ‘слава, известность, знаменитость’; *корыга* – *κορη* ‘девушка’; *кудон* ‘колокол’ – *κουδουνι* ‘колокол’; *хатрать* ‘хранить’ – *κρατω* ‘хранить, сохранить’; *креасо* ‘мясо’ – *κρεας* ‘мясо’; *акрей* ‘хлеб’ – *κριθη* ‘ячмень’; *крим* ‘грех’ – *κριμα* ‘грех’; *лыкус* ‘волк’ – *λυκος* ‘волк’; *мелюс* ‘мед’ – *μελι* ‘мед’; *микрый* ‘малый’ – *μικρος* ‘маленький’; *севрить* ‘знать, понимать’ – *ξευρω* или *ξερω* ‘знать, уметь’; *пленить* ‘мыть’ – *πλενω, πλυνω* ‘мыть’; *пулять* ‘покупать’ – *πουλω* ‘продавать’; *сыза* ‘вошь’ – *σησ,σητος* ‘моль’; *зитко* ‘рожь’ – *σιτος* ‘пшеница’; *скитэля* ‘миска’ – *σκουτελλα* ‘миска’; *скил* ‘собака’ – *σκυλος* ‘собака’; *вошпар* ‘булка, белый хлеб’ – *σπορος* ‘семя, зерно’; *ставер* ‘крест’ – *σταυρος* ‘крест’; *сэсар* ‘четыре’ – *τεσσαρες, τεσσερειс* ‘четыре’; *трапез* ‘стол’ – *τραπεζα, τραπεζι* ‘стол’; *троить* ‘есть’ – *τρογω* ‘есть’; *тырей* – *τυρι* ‘сыр’; *хирка* ‘рука’ – *χερι* ‘рука’; *псалить* ‘петь’ – *ψαλλω* ‘петь’; *сумак* ‘хлеб’ – *ψωμι* ‘хлеб’.

Преобладание грецизмов среди других заимствований в восточно-славянских условных языках объясняется тесными контактами бродячих торговцев на Руси с греческими купцами, а возможно, и с греческим населением Причерноморья во время торговых экспедиций [Бондалетов 1990, с. 51], что привело к формированию, начиная с XIV в., слоя грецизмов в составе условных арго, арго офеней.

Из других индоевропейских языков заимствования в белорусские условные языки редки. Так, из польского языка пришло слово *лобуз* ‘парень’ (*lobuz*), из болгарского – *галёмый* ‘большой’ (*голям*), из македонского – *буклейка* ‘бутылка’ (*буклија* ‘баклага’). С романским влиянием связаны *дэус* ‘солнце, Христос, Бог’ (ср. латин. *deus* ‘бог,

божество') и *ланта* 'молоко' (*lac, lactis* 'молоко'), а также, по-видимому, *кантовать* 'говорить' (*cantare*). К литовским заимствованиям относим *лэнько* 'шляхтич, поляк' (*lénkas* 'поляк'), к немецким – *геренька* 'селедка' (*Hering* 'сельдь'), *цигаль* 'коза' (*Ziege* 'коза'), *шнейдер* 'портной' (*Schneider* 'портной'), *волить* 'хотеть' (*wollen* 'хотеть, желать, стремиться'), *глазовка* 'рюмка, стакан' (*Glas* 'стакан, рюмка'), к цыганским – *грая* 'конь' (*gras* 'лошадь, конь'), *пяньджа* 'пять' (*пандж*), *калурный* 'черный' (*кало* 'черный, темный').

Финно-угорские языки оказали на рассматриваемые социолекты довольно значительное влияние, хотя связи с финно-уграми были гораздо более тесными у русских бродячих ремесленников и торговцев, чем у белорусских, в условные языки которых финно-угорские слова приходили через русские условные языки: *авай* 'мать' (эрз. *ава*, зв.ф. *авай* 'женщина; мать'), *аргуша* 'конь' (эрз. *аргушне*, -*неть* 'ворон', фолькл. 'конь-птица'), *баглай/багол* 'гриб' (вепск. *bahaloik* 'волнушка'), *дул/дулес* 'огонь' (мар. *тул* 'огонь'), *кавер* 'богач' (мар. *кавыр* 'щеголь'), *катма* 'картофель' (эрз. *катфа* обл. 'картошка'), *максать* 'работать' (мокш. *максомс* 'дать, оказать (помощь)'), *пирха* 'мука' (мар. *пырха* 'порошкообразный'), *питер* 'мешок' (эрз. *питерь* 'кисет, кожаный мешочек'), *хабни* 'деньги' (кар. *hobie* 'серебро'). Проблема осложняется еще и тем, что многие финно-угорские слова были, в свою очередь, заимствованы в эти языки из тюркских языков, поэтому отграничить вышеперечисленные заимствования от тюркизмов в составе условных языков не всегда возможно. Однако к явным тюркизмам можно отнести следующие: *ошар* 'ярмарка' – *учар* 'рынок', *бас* 'луг' – *басу* 'поле', *делька/дылька* 'вода' – *идил* 'большая река', *закупланиить* 'затворить' – *каплан* 'покрываться, быть закрытым', *ихлить* 'идти, течь' – *килУ* 'идти, приходиться', *манёк* 'кот' – *маны* 'дикая кошка', *парка* 'хата' – *парк* 'здание', *суга* 'вода' – *су* 'вода', *чумичка* 'ложка' – *чУмеч* 'ковш, корец, черпак'.

Таким образом, языками-донорами для условных языков (как белорусских, так и русских [Бондалетов 1990, 1991, 1992]) были языки народов, соседних с восточнославянскими народами, тесно контактировавших с ними, что и явилось тем внешним, социальным фактором, который сделал такое заимствование возможным. В качестве же внутреннесоциолектного фактора – основной причины заимствования – выступает стремление носителей условных языков засекретить свою речь: использование иноязычных слов делало ее непонятной для других людей.

2. Криминальные аргы. Иноязычные слова занимают в составе криминальных аргы не самое главное место. Так, например, 2956 номинаций современного русского криминального аргы отнесены нами к немотивированным словам, что составляет 13,7% всей лексики аргы.

Однако из них только 390 слов получают более или менее непротиворечивую этимологию и могут считаться заимствованиями (возможно, что в результате будущих исследований это число увеличится).

Источники заимствования в русских криминальных арго были другими, хотя тенденция заимствования из языков прежде всего соседних народов сохраняется и здесь.

По 3–4% аргоизмов имеют происхождение из украинского, белорусского, французского, греческого, финно-угорских и бурято-монгольских языков. Например, из украинского языка пришли *гурло* ‘глотка’, *зозуля* ‘несовершеннолетняя любовница вора’, *пивень* ‘активный гомосексуалист’; из белорусского – *шанец* ‘удача’, *сябер* ‘друг’, *гузик* ‘пуговица’, *драбина* ‘лестница’; к французским заимствованиям можно отнести *амбужур* ‘сигнал об опасности, передаваемый мимикой губ’ (*embouchure* ‘насадка у духового инструмента’), *буль* ‘зад’ (*boule* ‘шар’), *женировать* ‘беспокоить’ (*gêner* ‘беспокоить, мешать’). Греческими по происхождению являются слова *бусой* ‘пьяный’, *декан* ‘десятирублевая купюра’, *ерик* ‘старый человек’, *керить* ‘пить’, *кимать* ‘спать’, *клёвый* ‘хороший’, *ласый* ‘маленький’, *пулить* ‘передавать украденное сообщнику’. К финно-угорским следует отнести *лыва* ‘болото’ (карел. *liiva* ‘тина, грязь’), *пуйка* ‘мальчик’ (карел. *poiga* ‘сын’), *лайба* ‘автомобиль’, *туфта* ‘вещь плохая; вид мошенничества, заключающийся в сбыте некачественных вещей’, *пайта* ‘рубашка’ [Лейнонен 1997, с. 90]. К монгольским заимствованиям, в соответствии с трактовкой этих слов в словаре сибирских диалектов [Аникин 2000], мы отнесли слова *далай* ‘удачливый человек’, *талагай* ‘солдат внутренних войск МВД по охране мест заключения’, *махан* ‘расчлененный труп’, *шихан* ‘бугор; фурункул’, *цирик* ‘надзиратель в ИТУ’, *дарга* ‘начальник конвоя нерусской национальности’, *нур* ‘озеро’.

Гораздо больше заимствований в арго из языков: а) цыганского (11%), б) английского (13%), в) тюркских (20%), г) немецкого (26%). Приведем примеры: а) *балабас* ‘ветчина, жир’ (*балавас* ‘сало, свинина’ [Шаповал 2007]), *джюкал* ‘собака’ (*жюкэл* ‘собака; кобель’ [Баранников 1931, с. 147]), *лавэ* ‘деньги’ (*лове* ‘деньги’), *лажа* ‘ложь; обман’ (*лажяв* ‘стыд, позор, срам’), *пыхвора* ‘рынок’ (*pe xvóro* ‘на базар’ [Баранников 1931, с. 147]), *халабдо* ‘милиционер’ (*халавдо* ‘солдат, военный’ [Шаповал 2007]); б) *пассер* ‘перевозчик краденого’, *трузера* ‘брюки из джинсовой ткани’, *блэк* ‘негр’, *дабл* ‘туалет общественный, где собираются фарцовщики и спекулянты для торговли’, *клоузы* ‘вещи, приобретенные у иностранцев’, *лэйбл* ‘этикетка с фирменным знаком’, *флет* ‘квартира, где собираются преступники’, *шузы* ‘ботинки’, *дринькать* ‘пить спиртные напитки’; в) *кабур* ‘взлом потолка или стены’ (*кабер* ‘могила, место

погребения'), *корынец* 'пожилой человек' (*кары* 'старый', *гамыра* 'водка' (*хәмір* 'водка'), *акча* 'деньги' (*акча* 'монета, деньги'), *беш* 'пять рублей' (*бәш* 'пять'), *кич* 'ИТУ' (*k'iča* [Дмитриев 1931, с. 164], *хавры* 'деньги' (*һаббә* 'мелкая монета'), *базлать* 'начать кричать' (*авазла* 'кричать'); г) *ренцель* 'саквояж' (*Ränzel* уменш. от *Ranzen* 'ранец'), *тафель* 'кошелек' (*Tafel* 'доска'), *бауэр* 'скрытный крупный спекулянт' (*Bauer* 'мужик'), *гешефтмахер* 'делец' (*Geschäftemacher* 'делец, спекулянт'), *ауф* 'сигнал об опасности' (*auf* 'открыто').

Пути заимствования в криминальные аргы отличались большим разнообразием, по сравнению с рассмотренными выше условными языками. Прежде всего, в криминальных аргы следует разграничить непосредственное заимствование из языка-донора и опосредованное, когда иноязычное слово переходит в аргы из другого социолекта того же этноязыка. Так, с одной стороны, контакты представителей русского преступного мира с украинцами, белорусами, цыганами, тюркскими народами обусловили непосредственное заимствование в криминальных аргы. Финно-угорские и монгольские, а также отчасти тюркские заимствования появились, по-видимому, в результате отбывания преступниками наказания в Сибири, на дальнем Востоке и на севере России.

С другой стороны, грецизмы, отмеченные в русских аргы преступников, пришли туда, наряду с определенными пластами исконной лексики, из восточнославянских условных языков, что доказывается тем фактом, что в аргы нет ни одного греческого по происхождению слова, которого бы не было зафиксировано в условных языках. Английские слова были заимствованы в русские криминальные аргы из русского молодежного жаргона, что обосновывается а) их достаточно поздним появлением в аргы (вторая половина XX в.), б) совпадением с англицизмами, отмеченными в молодежном жаргоне в 60–70-х гг. [Лукашанец 1982].

Далее, важно указать на возможность заимствования а) из литературного языка, б) из социолекта языка-донора. Например, некоторые слова были заимствованы в русские криминальные аргы из немецкого жаргона преступников *Rotwelsch*: *тантель* 'отмычка' (жарг. *Tantel* 'отмычка'), *имира* 'охрана' (жарг. *Schmiere stehen* 'стоять на стреме').

Таким образом, для криминальных аргы условием заимствования служили нередко контакты не с иноязычным населением вообще, а с однотипной социальной группой (в данном случае с преступным миром других стран), что повлекло за собой отмечаемый многими исследователями «международный» характер аргы, который проявляется также не только в прямом (лексическом) заимствовании, но и в образо-

вании калек, в том числе и семантических. Так, сигналом опасности для носителей криминального аргю служит либо иноязычное *зекс*, либо его русский аналог *шесть*; наган называется либо *шпайер* (от нем. *spreien* ‘плевать’), либо *плевательница*; ‘арестованный’ – это *кранк* (ср. нем. *krank* ‘больной’) и *больной* (‘попасть в тюрьму’ – *заболеть*); золотая цепочка названа *шланге* (от нем. *Schlange* ‘змея’) и *змейка*.

Если на первых этапах своего появления иноязычные заимствования в криминальных аргю также служили одним из средств сокрытия преступных замыслов, то впоследствии, когда аргю потеряли свой тайный характер (это произошло в России, как считают исследователи, уже к концу XIX в.), у этих слов, так же как и у исконных арготизмов, осталась символическая функция – функция опознавания «своих» и противопоставления их «чужим», а также функция профессионального обозначения.

3. Молодежные жаргоны. Молодежные жаргоны, как правило, строятся в основном на базе исконных языковых средств. Так, до начала 70-х гг. XX в. заимствования в составе русского молодежного жаргона были единичными. Однако в конце 60-х гг. появляется, а в 70-х гг. широко распространяется, во всяком случае в крупных городах Советского Союза, молодежный жаргон с использованием большого числа англицизмов. По некоторым данным, источником этого жаргона, его непосредственным предшественником послужил жаргон советских хиппи – т.н. «системный сленг».

В сленге хиппи почти половину всех слов составляют англоязычные заимствования, в частности, 40% словарных статей [Рожанский 1992] посвящены англицизмам (включая и производные от них). Значения сленгизмов почти всегда совпадают со значениями их прототипов, что редко наблюдалось в криминальном аргю. Это происходит потому, что практически все эти слова дублируют исконные слова, называя самые обычные предметы и явления: а) части тела: *айзы* (*eyes*) ‘глаза’, *бэк* (*back* ‘задняя сторона’) ‘зад’, *мустаиша* (*moustache*) ‘усы’, *прик* (*prick*) ‘мужской половой орган’, *фэйс* (*face*) ‘лицо’, *хайр* (*hair*) ‘волосы’, *хэнды* (*hand*) ‘рука’; б) предметы одежды, обуви, личные вещи: *батл* (*bottle*) ‘бутылка’, *батон* (*button*) ‘пуговица’, *бэг* (*bag*) ‘сумка’, *зипер* (*zipper*) ‘застежка-молния’, *клоуз* (*clothes*) ‘одежда’, *покет* (*pocket*) ‘карман’, *таюха* (*tie*) ‘галстук’, *трузера* (*trousers*) ‘штаны’, *музы* (*shoes*) ‘ботинки, туфли’; в) людей: *бразер* (*brother*) ‘брат’, *герла* (*girl*) ‘девушка’, *драйвер* (*driver*) ‘водитель’, *мазер* (*mother*) ‘мать’, *мэн* (*man*) ‘человек, мужчина, парень’, *пилл* (*people*) ‘люди’, *пэрэнт* (*parent*) ‘родитель’, *фазер* (*father*) ‘отец’, *фрэнд* (*friend*) ‘друг’, *чайлд* (*child*) ‘ребенок’; г) помещения, пространственные объекты: *дабл* (*w.c.*) ‘туалет’, *драгстоп* (*drugstore*) ‘аптека’, *кантри* (*country*) ‘деревня’, *стрит* (*street*) ‘улица’, *флэт* (*flat*) ‘квартира’, *шоп* (*shop*) ‘магазин’; д) основные действия и признаки:

вайто́вый (*white*) ‘белый’, *вэнта́ть* (*to go, went, gone*) ‘идти’, *дринча́ть* (*to drink*) ‘пить’, *ело́вый* (*yellow*) ‘желтый’, *ита́ть* (*to eat*) ‘есть’, *кама́ть* (*to come*) ‘приходить’, *лайка́ть* (*to like*) ‘любить, нравиться’, *литло́вый* (*little*) ‘маленький’, *лонго́вый* (*long*) ‘длинный’, *лука́ть* (*to look*) ‘смотреть’, *олдо́вый* (*old*) ‘старый’, *сита́ть* (*to sit*) ‘сидеть’, *спина́ть* (*to sleep*) ‘спать’, *спичи́ть* (*to speak*) ‘говорить’, *стэнда́ть* (*to stand*) ‘стоять’, *хида́ть* (*to hear*) ‘слушать’, *яngóвый* (*young*) ‘молодой’.

Большая часть англоязычных сленгизмов была унаследована и молодежным (точнее, студенческим) жаргоном 70-х гг. [Дьяков 2000; Любицкая 2005; Шмачков 2005]. Так, по данным нашего исследования устной речи молодежи и студентов, в эти годы было зафиксировано около 200 англоязычных корней, давших начало также многочисленным вариантам и производным жаргонизмам [Лукашанец 1982].

Пути заимствования здесь отличались от путей заимствования в условные языки и криминальные аргы. Если для тех социолектов был характерен устный путь заимствования, являвшийся следствием непосредственных контактов членов социальной группы с носителями другого языка, то в случае жаргонов молодежи, студентов, хиппи такой путь был практически исключен (знакомство с иностранцами – носителями английского языка – в 60–70-е гг. запрещалось или, во всяком случае, не приветствовалось). Поэтому заимствования шли через изучение в школе и вузе иностранного языка, т.е. в основном письменным путем.

Заимствования из других иностранных языков в молодежном жаргоне редки. Можно отметить итальянские *чао* (более распространенное) и *ариведерчи* ‘до свидания’, немецкие *абгемахт* ‘сделано’ и *аусвайс* ‘паспорт’, французские *бонжур* ‘привет, здравствуй’ и *бланиш* ‘синяк под глазом’. Большинство же неанглоязычных заимствований не выходило за пределы того или иного старшего класса спецшколы или группы языкового вуза.

Широкую распространенность англицизмов молодежного жаргона следует объяснить, во-первых, большим престижем англоязычной, прежде всего американской, культуры, образа жизни, рок-музыки и, во-вторых, большим числом школ с изучением английского языка в качестве иностранного. И первый, и второй факторы связаны, безусловно, с повышением во второй половине XX в. экономического, политического, общественного статуса США, с ее возросшим влиянием на все другие страны.

То же самое характерно и для молодежных жаргонов других неанглоязычных стран. Так, велико число англицизмов, например, в немецком молодежном жаргоне [Измайлова, Гудкова 1996; Россихина 2001; Шебанец 1974].

Основными функциями заимствованных слов в молодежном жаргоне были, во-первых, символическая и, во-вторых, экспрессивная функции. В первом случае жаргонизмы служат средством опознавания «своих»: парень или девушка, использующие англицизмы, принадлежат к «тусовке», придерживаются тех же взглядов на окружающую действительность, увлекаются теми же музыкальными течениями и т.д. Во втором случае можно говорить о повышенной экспрессивности заимствованной лексики по сравнению с исконной, ее новизне, необычности.

4. Профессиональные жаргоны. Как известно, основные тенденции заимствования в профессиональных языках и терминологиях несколько другие, чем в вышеназванных социолектах. На более ранних этапах развития языка профессиональные слова заимствовались в результате непосредственных контактов представителей профессий разных стран и народов. Так, в частности, приходили в русский язык Петровской эпохи английские, голландские и немецкие заимствования. Позже пополнение специальной лексики из другого языка происходило скорее письменным путем. Естественно, что основным языком-донором был язык народа, достигшего в соответствующей профессиональной области наибольших успехов, например, итальянский – в области музыки, французский – в авиации [Успенский 1936].

Не является исключением и компьютерный язык, в частности его неофициальная часть – жаргон компьютерщиков. Огромное число англицизмов, пришедших письменным путем, является неотъемлемой его частью: «Поскольку компьютеры пришли из Америки, люди в других странах должны либо принять английский язык как необходимый лингвистический компонент данной технологической структуры, либо вообще отказаться от ее использования в своей деятельности» [Виноградова 2001]. Поэтому доля номинаций, так или иначе связанных с английским языком, в компьютерном жаргоне достигает до 60%. При этом гораздо чаще в компьютерном жаргоне встречаются не собственно лексические заимствования, а либо кальки с английского, либо английские слова, переоформленные на русский лад, чаще всего с элементами каламбура. Так, к лексическим заимствованиям без каких-либо других особенностей можно отнести *баг* ‘ошибка в программе’, *блинковать* ‘мигать’, *гамер* ‘игрок; человек, который жить не может без игр’, *гестбук* ‘гостевая книга’, *крэк* ‘программа-взломщик’, *пассворд* ‘пароль’, *фонт* ‘шрифт’, *хакер* ‘взломщик, преступник, обычно с хорошими знаниями и соответствующим оборудованием’, *эвент* ‘событие’, *юзать* ‘пользоваться’. При этом очень часто встречается прибавление к ним русских суффиксов экспрессивного характера: *виндюк* ‘OS Windows’, *ибээмка* ‘компьютер IBM’, *сервак* ‘сервер’, *чипина* ‘микросхема’.

Влиянием английского языка можно также объяснить наличие усеченных слов, причем не столько апокоп, типа *гиг*, *гига* ‘гигабайт’, *док*, *дока* ‘документация’, *комп* ‘компьютер’, *прогсы* ‘программы’, *проц* ‘процессор’, сколько случаев аферезиса, абсолютно нехарактерных для русского языка: *путер* ‘компьютер’, *яха* ‘компьютер *Yamaha*’.

Кальками можно считать слова и выражения *башня* ‘корпус типа *tower*’, *лиса* ‘база данных *Fox Pro*’, *окна*, *ставни*, *стекла*, *форточки* – ‘OS Windows’, *подоконник* ‘программа, функционирующая «из-под *виндов*»»; полукальками – *быстроух* ‘эхопроцессор *FastEcho*’, *Мелкософт* ‘фирма *Microsoft*’.

В некоторых случаях английское слово прочитывается по буквам (транслитерируется) – полностью или частично, в противовес обычной в таких случаях транскрипции: *варез* ‘нелицензионная программа (от англ. *Warez*)’, *мессага* ‘сообщение, письмо (от англ. *message*)’. Иногда же в заимствованных словах обыгрывается сходство английских и русских букв: *гога* ‘обрусевший *error*, т.е. ошибка’, *херокс* ‘ксерокс’.

В языке компьютерщиков много каламбурных выражений, построенных с использованием английского термина. При этом в одних случаях он русифицируется намеренно, создавая неясные ассоциации со словами русского языка, хотя явных связей с русскими корнями не выявляется: *аржёванный* ‘файл, сжатый архиватором *arj*’, *бэднутая* ‘дискета с Бэд-секторами’, *вебануть* ‘проверить программу на наличие вирусов с помощью *Dr.WEB*’, *виндец* ‘аварийное завершение работы *Windows*’, *зипнутый* ‘сжатый программой «*ZIP*»’.

В других случаях подбирается русское слово (выражение), созвучное английскому: *алкоголик* ‘человек, программирующий на Алголе’, *астматик* ‘программист на Ассемблере’, *аська* ‘программа общения *ICQ*’, *баба яга* ‘видеоадаптер *EGA (Enhanced Graphic Adapter)*’, *банщик* ‘человек, занимающийся баннерами’, *бутявка* ‘загрузочная дискета (от англ. *boot disk*)’, *голый дед* ‘редактор почты *Gold Edit*’, *горелые дрова* ‘графический редактор *Corell Draw*’, *дрова* ‘драйвер’, *думать* ‘играть в “*Doom*”’, *ёксель-моксель* ‘*Microsoft Excel*’, *емеля* ‘адрес, *e-mail*’, *забивать баки* ‘уничтожать файлы с расширением *bak*’, *заниматься делом* ‘удалять файлы командой *del*’, *испохабить почту* ‘пустить почту по хабам’, *каша* ‘Кэш-память’, *квакать* ‘играть в *Quake*’, *клизма* ‘интернет-червь *Klez*’, *лазарь* ‘лазерный принтер’, *лапа*, *лапоть* ‘компьютер типа *LapTop*’, *мыло* ‘*e-mail*, адрес электронной почты, почтовый ящик’, *наильник* ‘программист, работающий на языке *Си*’, *ось*, *оса* ‘операционная система *OS/2*’, *паскудник* ‘человек, программирующий на языке *Pascal*’, *пенёк* ‘*pentium*’, *петух* ‘*pentium*’, *похерить* ‘сделать ксерокопию’, *рама* ‘оперативная память (от англ. *RAM*)’, *фокусник*

‘человек, пишущий на Foxpro’, *хомяк* ‘домашняя страница (от англ. Homepage)’, *шаровары* ‘программы ShareWare’.

Наконец, в третьих случаях образуется контаминированное слово, которое не может считаться транскрибированным заимствованием из английского языка, но которое и не совпадает с определенным словом русского языка: *автогад* ‘система проектирования autoCad’, *брякпойнт* ‘точка прерывания, то есть место, где может быть прервано выполнение программы’, *дисплой* ‘дисплей’, *дос нафигатор* ‘Dos Navigator’, *дурвеб* ‘популярный антивирус DrWEB’, *дурдос*, *дырдос* ‘операционная система DR-DOS’, *контро-брык* ‘комбинация клавиш Ctrl+Break’, *конфигсус* ‘файл configsys’, *мазадоза* ‘MSDOS’, *мудем* ‘плохой модем’, *нетварь* ‘сетевое программное обеспечение’, *писюк*, *писишник* ‘компьютер, PC’, *рархив* ‘архив, созданный RAR-ом’, *реплой* ‘ответ на сообщение в почте’, *сексепильный* ‘ярый фанат Excel’, *сорриться* ‘извиняться’, *стервер* ‘сервер’, *турбопаскакаль* ‘язык программирования Turbo Pascal’.

Англицизмы в составе компьютерного жаргона служат, прежде всего, средством номинации профессиональных явлений, что видно в особенности на примере выражений, не являющихся дублетами компьютерных терминов. Однако другая, не менее важная функция англицизмов – чисто экспрессивная, свидетельством чему являются английские слова, оформленные суффиксами русского языка, или совпадающие по форме с созвучными русскими словами, или, наконец, контаминированные выражения.

Обобщим вышеописанные особенности процесса заимствования в социолектах следующим образом (см. таблицу 2).

Таблица 2

		УЯ	КА	МЖ	КЖ
Основной источник заимствования	а) язык народа, с которым поддерживаются непосредственные контакты	+	+	–	–
	б) язык народа, с которым нет непосредственных контактов	–	–	+	+
Основной путь заимствования	а) устный	+	+	–	–
	б) письменный	–	–	+	+
Основная функция употребления заимствований	а) затаенная (криптолалическая)	+	+	–	–
	б) символическая	–	–	+	–
	в) экспрессивная	–	+	+	+
	г) профессиональной номинации	(+)	+	–	+

(УЯ – условные языки бродячих ремесленников и торговцев, КА – криминальные аргы, МЖ – молодежный жаргон, КЖ – компьютерный жаргон)

Таким образом, неодинаковы как источники, так и пути заимствования и основные функции заимствованных слов. Существует некоторая степень близости в указанных характеристиках процесса заимствования в условных языках и криминальных арго, с одной стороны, и молодежного и компьютерного жаргона – с другой. Эта близость обусловлена, по нашему мнению, следующим. Прежде всего, по времени зарождения криминальные арго ближе к условным языкам: и те и другие появились до начала XX в. Именно поэтому этим социолектам свойственен устный путь заимствования и переход иноязычных слов в результате непосредственных контактов их носителей с представителями других народов. Возникновение молодежного и компьютерного жаргона, напротив, относится ко второй половине XX в., что объясняет письменный путь заимствования в эти социолекты: в современную эпоху он становится более характерным для любого процесса заимствования, чем устный путь. Более того, появление заимствованных слов в молодежном и компьютерном жаргонах связано с общими тенденциями интернационализации, глобализации, в результате чего английский язык (язык прежде всего Соединенных Штатов Америки) оказался наиболее распространенным в неанглоязычном мире, наиболее изучаемым, наиболее престижным.

Литература

- Аникин А.Е. (2000), *Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских. и палеоазиатских языков*, Москва.
- Баранников А.П. (1931), *Цыганские элементы в русском воровском арго*, [In:] *Язык и литература*. Т. 7, Ленинград.
- Бондалетов В.Д. (1990), *Иноязычная лексика в русских арго: учеб. пособие к спецкурсу*, Куйбышев.
- Бондалетов В.Д. (1991), *Тюркские заимствования в русских арго: учеб. пособие к спецкурсу*, Самара.
- Бондалетов В.Д. (1992), *Финно-угорские заимствования в русских арго. Учебное пособие к спецкурсу*, Самара, Изд-во Самарского ГПИ.
- Виноградова, Н.В. (2001), *Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradova-01.htm>.
– Дата доступа : 03.05.08
- Дмитриев Н.К. (1931), *Турецкие элементы в русских арго*, [In:] *Язык и литература*. Т. 7, Ленинград.
- Дьяков А.И. (2000), *Англицизмы в современном молодежном жаргоне: формальное и семантическое освоение*, [In:] *Вопросы лингвистики и*

- методики преподавания иностранных языков в высшей школе: межвуз. сб. науч. тр. Новосибир. гос. акад. водн. трансп, Новосибирск.*
- Измайлова Л.С. (1996), *Семантическая специфика англо-американизмов в молодежном социолекте: на материале произведений У. Пленцдорфа «Новые страдания юного В.» и В. Шиффера «Море не знает покоя»*, [In:] Измайлова Л.С., Гудкова О.И. (ред.), *Современные прагмалингвистические исследования романских, германских и русского языков*, Воронеж.
- Лейнонен М. (1997), *Русско-финские языковые контакты в сфере городского слэнга*, [In:] Осипов Б.И., Одинцова М.П. (отв. ред.) *Городская разговорная речь и проблемы ее изучения*. Вып. 1, Омск.
- Лукашанец Е.Г. (1982), *Лексические заимствования и их нормативная оценка (на материале молодежного жаргона 60-70-х гг.)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Ин-т рус. яз. АН СССР, Москва.
- Лукашанец, А.Г. (1999), *Беларускія сацыялекты XIX стагоддзя: вопыт тыпалагічнага апісання*, Мінск.
- Любицкая, Е.В. (2005), *Сленг: региональные черты и процессы англоизации: (на материале речи молодежи г. Ставрополя и Красногвардейского района Ставропольского края)*: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ставропол. гос. ун-т, Ставрополь.
- Рожанский Ф.И. (1992), *Сленг хиппи: материалы к словарю*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/rozhansky-92.htm>. – Дата доступа: 26.06.08.
- Россихина Г.Н. (2001), *Новый англо-немецкий язык: угроза или реальность?* [In:] «Филологические науки», №2.
- Успенский Л.В. (1936), *Материалы по языку русских летчиков*, [In:] «Язык и мышление», Москва-Ленинград, №6–7.
- Шаповал В.В. (2007), *Цыганские элементы в русском воровском аргоне (размышления над статьей акад. А.П. Баранникова 1931 г.)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/shapoval-07c.htm>. – Дата доступа : 20.09.08.
- Шебанец Н.Г. (1974), *Англо-американизмы как источник пополнения лексики молодежного слэнга современного немецкого языка*, [In:] «Ученые записки Омского гос. пед. ин-та». Вып. 89: Вопросы грамматического строя германских языков». Омск.
- Шмачков С.А. (2005), *Современный студенческий жаргон*: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Самара.

Borrowing in sociolects: sources, ways, functions of loan words

Summary

Sources, ways of borrowing, and the role of loan words in various sociolects depend on the type of the social dialect, social conditions of its functioning. The paper examines and evaluates some specific features of the process of linguistic borrowing on the example of East Slavic (mainly Russian) sociolects.

For conventional languages of vagrant tradesmen and beggars and partially for criminal jargons the donor languages are the languages of neighboring nations. For modern Russian jargons – youth slang and criminal jargon – it is mainly English. There is a difference in the ways of borrowing too: in the first case they are mostly oral, in the case of modern sociolects – written. The main function of loan words in conventional and secret languages is the desire of the speakers to prevent outsiders from understanding their speech. In youth and computer slangs loan words function as the means of expressiveness.

Александр В. Петров, Луиза А. Петрова

Деривационная активность общеупотребительных заимствованных слов в русском и украинском языках

В последние десятилетия наблюдаются интенсивный процесс заимствования и активизация употребления иноязычной лексики в русском и украинском языках. Однако заимствование является не только лексикологической проблемой.

В дериватологии, например, изучается словообразовательная активность иноязычных элементов на современном этапе развития русского и украинского языков (см. работы Е.К. Беспояско, Е.Г. Городенской, В.П. Григорьева, Е.А. Карпиловской, Л.П. Кислюк, Н.Ф. Клименко, Л.П. Крысина, С.О. Соколовой, А.В. Чернецкой).

Отдельные иноязычные основы были предметом специальных исследований: *-дром* [Красильникова Е., 1972], *-рама* [Лопатин Е., Улуханов И., 1963], *-метр*, *-мер* [Новикова Н., 1982], *-бус*, *-визор*, *-мобиль*, *-тека*, *-трон* [Земская Е., 1982; Петров А., 2007], *-ман*, *-мания* [Дягилева Е., 2003], *-томія* [Плахоніна О., 2004]. На материале украинского языка существует монографическое исследование о международных компонентах, которые могут занимать пре-, постпозицию, а также двойную позицию в составе термина [Кочан І., 2004].

В монографии «Русский язык и советское общество. Словообразование» рассматривался процесс усиления членимости слов с иноязычными элементами *-трон*, *-скоп*, *-бус*, *-рама*, *-навт*, *-тека*, *-дром* в 60-е годы XX века. В последующие десятилетия интенсивное протекание этого процесса продолжается: возникают новые слова с указанными выше словообразовательными элементами и вновь появившимися.

Отдельной темой для изысканий является изучение деривационного потенциала несклоняемых имен существительных иноязычного происхождения [см. работы Т.А. Гревцевой, Е.Н. Лагутовой, В. Фурсы]. В то же время выделенная проблема может быть очерчена шире как

исследование гнезд заимствованных слов, которые были освоены в разные исторические эпохи, включая и единицы новейшего периода (с 90-х годов XX века по настоящее время).

Цель статьи – исследовать деривационную активность общеупотребительных заимствованных слов, которые были давно освоены русским и украинским языками.

Исследование проводится на материале справочных изданий «Новое в русской лексике», словарей-справочников по материалам прессы и литературы 60-х, 70-х, 80-х годов «Новые слова и значения», с использованием Интернет-источников, а также на базе собранной картотеки авторов.

В статье анализируемые заимствованные слова объединены в тематические группы, при этом учитывается также деривационная активность однокоренных слов, входящих в одно словообразовательное гнездо.

Лексическая группа со значением лица: ас, виртуоз, мастер, профессионал, универсал 1

Существительное *ас* заимствовано из французского языка *as*, имеет два значения: 1. Выдающийся по летному и боевому мастерству летчик, мастер воздушного боя. 2. *перен.* Большой мастер своего дела. Согласно Словарю А.Н. Тихонова [Тихонов А., 1985:75], слово образует потенциальное гнездо. С начала 90-х годов неологические источники отмечают деривационную активность лексемы, начинает формироваться словообразовательное гнездо со сложными словами. Базовыми являются оба значения лексемы. На основе первого ЛСВ формируются дериваты *вертолетчик-ас* (НРЛ-81), *летчик-ас* (НРЛ-86). Ср.: «А.И. Покрышкин – легендарный *летчик-ас*, внесший немалый вклад в приближение победы»: //http://old.vn.ru=Rambler 12.09.08.

На основе второго ЛСВ образуются производные *ас-отделочник* (НРЛ-82), *ас-технарь*, *механизатор-ас* (НРЛ-84), *ас-форвард* (НРЛ-87), *водитель-ас*. Ср.: «Среди русских войск генерала Гречко имеется *сверхснайпер*, *снайпер-ас*, у которого тело чуть ли не срослось с винтовкой»: //http://www.kariera.orc.ru=Rambler 12.09.08; «*ас-танкист* мл. сержант Иван Голуб»: //http://armor.kiev.ua=Rambler 12.09.08; «Полярный опыт, как и всякий другой, цементируется на ошибках; с годами секреты, которыми владели *одиночки-асы*, становились достоянием следующих поколений» (В.Санин, Не говори ты Арктике – прощай).

Лексема *виртуоз* заимствована из итальянского языка *virtuoso* <лат. *virtus* «доблесть, талант» [Словарь иностранных слов, 1988:106]; имеет два

значения: 1. Артист, в совершенстве владеющий техникой своего искусства, преимущественно музыкант. 2. Человек, достигший в каком-л. деле высшей степени мастерства. В Словаре А.Н. Тихонова не зафиксированы сложные слова с компонентом *виртуоз*. В Словаре-справочнике Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой отражены следующие сложные единицы с компонентом *виртуоз* в первом значении: *виртуоз-балалаечник*, *виртуоз-гармонист*, *виртуоз-исполнитель*, *виртуоз-контрабасист*, *виртуоз-скрипач*, *виртуоз-тромбонист*, *солист-виртуоз*, *скрипач-виртуоз*, *пианист-виртуоз*, *артист-виртуоз*, *альтист-виртуоз*, *гитарист-виртуоз*, *исполнитель-виртуоз*, *трубач-виртуоз*. В собранной нами картотеке отмечены также *виртуоз-певец* (НРЛ-82), *органист-виртуоз*: «Своим современникам И.-С. Бах был известен прежде всего как непревзойденный **органист-виртуоз**, слава о котором распространилась по всей Европе»: //http://www.companion.ru=Rambler 12.09.08.

Материал свидетельствует о деривационной активности семемы *виртуоз* 2: *виртуоз-крановщик* (НРЛ-79), *мастер-виртуоз*: «привлечение **мастеров-виртуозов**, восстанавливающих интерьер зданий» (НРЛ-82), *учитель-виртуоз* (НРЛ-87), *стрелок-виртуоз*: «Любой англичанин, который смог бы подстрелить бекаса с помощью простого кремневого ружья, считался **стрелком-виртуозом**»: //http://vybory.org=Rambler 12.09.08; *охотник-виртуоз*: «На своем веку знавал я талантливых **охотников-виртуозов**» (Соколов-Микитов, На родной земле).

Менее активно образование производных на второй ступени деривации: *танцовщица-виртуозка*, *виртуозно-тонкий*, *виртуозно-колоратурный* [Букчина Б., Калакуцкая Л., 1982].

Лексема *мастер* (в английском *master*, в немецком *Meister*) имеет 4 значения. Однако деривационно активным является второе 'человек, достигший высокого мастерства, совершенства (в работе, творчестве)'. Сложные слова с компонентом *мастер* 2 не зафиксированы ни в толковых словарях, ни в Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова. Однако в Словаре-справочнике Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой их насчитывается около 20. Неологические источники отражают количественный рост сложных единиц с компонентом *мастер* 2: *мастер-ограничик* 'высококвалифицированный специалист по огранке', *мастер-ледовар* 'ледовар высокой квалификации' (НРЛ-78), *мастер-стригаль* (НРЛ-79), *повар-мастер*, *мастер-умелец* (НРЛ-82), *мастер-комбайнер* 'комбайнер высокой квалификации', *мастер-овощевод* 'овощевод высокой квалификации', *мастер-конеvod*, *мастер-шорник* (НРЛ-85), *мастер-садовод* 'садовод высокой квалификации', *мастер-художник*, *актер-мастер*, *мастер-цветовод*, *мастер-коротковолновик* (НРЛ-86), *мастер-триатлонист* (НРЛ-87), *диктор-мастер* (НРЛ-88). Не продуктив-

вен в составе сложных слов компонент со значением женского рода: *мастерица-ткачиха* [Букчина З., Калакуцкая Л., 1982].

Слово *профессионал* является производным от *профессия*, заимствованным из латинского языка *professio* [Словарь иностранных слов, 1988:416], имеет значение ‘тот, кто сделал какое-л. занятие, деятельность своей профессией, хороший специалист’. В составе сложных слов компонент *профессионал* выступает в пре- и постпозиции, производные передают гипонимические отношения: *профессионал-игрок*, *профессионал-историк*, *профессионал-кинематографист*, *профессионал-музыкант* и *музыкант-профессионал*, *пианист-профессионал*, *артист-профессионал*, *актер-профессионал*, *водитель-профессионал* [Букчина З., Калакуцкая Л., 1982], *профессионал-естественник*, *профессионал-предметник* (НРЛ-86), *профессионал-охранник* (НРЛ-88), *профессионал-журналист* и др. В нашей картотеке не зафиксированы сложные единицы со словом *профессионалист*; в то же время проявляет активность производное второй ступени *непрофессионал*: *актер-непрофессионал* (НРЛ-82), *пианист-непрофессионал* [Букчина З., Калакуцкая Л., 1982].

В НСЗ 70-х была зафиксирована калька с английского языка *профи* со значением ‘спортсмен-профессионал’. Заимствование начало входить в состав сложных слов: *профи-клуб* ‘клуб спортсменов-профессионалов’ (НРЛ-87), *гонщик-профи* ‘профессиональный спортсмен, занимающийся гонками’ (НРЛ-88), *велопрофи*: легендарный *велопрофи Марко Пантани*: <http://www.allsportinfo.ru=Rambler> 12.05.08.

Проявляет продуктивность адекативная основа *профессиональн-*, зафиксированная в составе композитов преимущественно в препозиции: *профессионально-консультационный* (НРЛ-80), *профессионально-прикладной* (НРЛ-84), *профессионально-культурный* (НРЛ-85), *профессионально-логический* (НРЛ-91); ср. в постпозиции: *узкопрофессиональный*.

Деривационная активность характерна для абброосновы *проф-*, вносящей значения а) ‘профессиональный’: *профмастерство*, *профориентатор* (НРЛ-80), *профконкурс* (НРЛ-85); б) ‘профсоюзный’: *профбонза* (НРЛ-80), *профаппарат* (НРЛ-91). В начале девяностых годов XX века неологические источники зарегистрировали новую абброоснову *профтех-* со значением ‘профессионально-технический’: *профтехобразование*, *профтехикола* и др.

Семема *универсал* ‘человек, владеющий многими, разными специальностями в своей профессии; человек разносторонних знаний’ (от лат. *universalis* ‘всеобщий’) обладает меньшим деривационным потенциалом. Так, в Словаре-справочнике Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой отмечены сложения *механизатор-универсал*, *токарь-универсал*. В неологических источниках зафиксированы *водитель-универсал* (НРЛ-79), *фрезеровщик-универсал* [Букчина З., Калакуцкая Л., 1982].

Лексическая группа со значением инструмента: автомат, аппарат, машина

Лексема *аппарат* заимствована из латинского языка *apparatus* 'снаряжение, оборудование' [Словарь иностранных слов, 1982:50]. Деривационно активным является первое значение 'прибор, механическое устройство для выполнения какой-л. определенной работы'. В Словаре А.Н. Тихонова отражены *бароаппарат, бильдаппарат, блок-аппарат, вакуум-аппарат, гамма-аппарат, киноаппарат, радиоаппарат, теплоаппарат, фальцаппарат, фотоаппарат*. В неологических изданиях отмечены *аппарат-снегоход* (НРЛ-78), *аппарат-универсал* (НРЛ-81), *аппарат-марсоход* (НРЛ-87), *аппарат-репетитор, видеоаппарат* (НРЛ-88); в украинском языке *кіноапарат, кіноапаратура, кінофотоапаратура* (Клименко Н., 1984:15). Единичными являются сложные слова с компонентом *аппаратчик*: *аппаратчик-гидрометаллург* [Букчина З., Калакуцкая Л., 1982], *аппаратчик-варищик* (НРЛ-85).

Деривационная активность свойственна адъективным основам *аппаратн-* и *аппаратурн-* в составе композитов: *аппаратно-прядильный, аппаратурно-программный, аппаратурно-технологический* [Букчина З., Калакуцкая Л., 1982], *аппаратно-программный* (НРЛ-81), *аппаратно-генераторный* (НРЛ-84).

Лексема *автомат* заимствована из греческого языка *automatos* «самодействующий» [Словарь иностранных слов, 1988:12]. В Словаре А.Н. Тихонова отражены *автомат-наборщик, автомат-нивелир, гидроавтомат, закусочная-автомат, киноавтомат, машина-автомат, полуавтомат, пресс-автомат, станок-автомат, фотоавтомат, цех-автомат, хлебозавод-автомат*. В Словаре-справочнике Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой отмечены *автомат-лунник, автомат-прокладчик, автомат-укладчик, автомат-упаковщик*. Начиная с 1977 года неологические источники фиксируют производные *автомат-упаковщик, касса-автомат* (НРЛ-77), *почта-автомат, справочник-автомат* (НРЛ-78), *автомат-водитель, автомат-прядильщик* (НРЛ-79), *порт-автомат* (НРЛ-82), *автомат-пакетировщик* (НРЛ-81), *автомат-кипятильник* 'автомат, предназначенный для кипячения воды и ее порционной выдачи', *автомат-перекладчик, автомат-контролер* (НРЛ-82), *прачечная-автомат* 'комплекс приспособлений и автоматизированных механизмов для стирки и последующей обработки белья' (НРЛ-83), *автомат-ответчик* (НРЛ-84), *автомат-приемщик, автомат-расписание, автомобиль-автомат* (НРЛ-86). В украинском языке *гідроавтомат, фотоавтомат, автомат-водій, довідник-автомат, машина-автомат, пральня-автомат, супутник-автомат, телефон-автомат, термопласт-автомат* и др. [Карпиловская Е., 1999], *прес-автомат* [Клименко Н.,

1984]. От словосочетаний, в состав которых входит слово автомат, образуются инициальные аббревиатуры типа *АШ* ← автомат шелкопрядный, *АЭ* ← автомат для электрозакалки, *АРН* ← автомат регулирования напряжения, *АПД* ← автомат пуска двигателя и др. [Новый словарь сокращений, 1995].

Лексема *машина* заимствована из французского языка *machine* < лат. *machina* «сооружение» [Словарь иностранных слов, 1988:306]. Деривационно активным является второе значение '*разг. Автомобиль, автомашина*'. В Словаре А.Н. Тихонова отражены производные *машина-снегокат, автомашина, бетономашина, бормашина, бронемашина, ватермашина, двухмашинный, динамо-машина, турбомашина, электромашина, врубмашина, кибермашина, волк-машина, зиг-машина, зигзаг-машина, мини-машина, мюль-машина, тандем-машина*. Неологические источники зафиксировали следующие сложные слова: *машина-амфибия, сейсмомашинна* 'машина, имитирующая землетрясения' (НРЛ-78), *машина-снегоход* (НРЛ-79), *машина-лесовод* (НРЛ-80), *машина-лаборатория, машина-носитель* 'автомобиль, на котором устанавливается подъемный кран', *машина-платформа* 'грузовой автомобиль с кузовом типа платформы', *машина-рыбовозка* (НРЛ-84), *машина-миксер* (НРЛ-86), *машина-мельница, машина-обдуватель* (НРЛ-87).

В лексикографических источниках отмечается значительное количество аббревиатур, образованных на базе словосочетаний с компонентом *машина*: *ЭПИ* ← электрическая погрузочная машина, *ЭКМ* ← электроковочная машина, *ВДМ* ← вольтдобавочная машина [Новый словарь сокращений, 1995].

В отдельных случаях с помощью сложных слов снимается многозначность определяющего компонента. Например, *машина-миксер* обозначает то же, что *миксер* 'бетоновоз, оборудованный бетоносмесителем, непрерывно действующим во время перевозки бетона', таким образом, лексема *миксер* в результате семантической деривации развила второе значение. В производном *машина-хлебовоз* (НРЛ-81) компонент *хлебовоз* актуализирует значение 'автомобиль для перевозки хлеба'. Производные могут иметь номинативные варианты: *машина-амфибия* обозначает то же, что *аэросани-амфибия*; сопоставление средства передвижения с амфибией подчеркивает маневренность и легкость хода машины, приспособленной для движения по суше и воде.

Меньшая активность свойственна лексеме *автомашинна*: *автомашинна-техничка* (НРЛ-86), *автомашинна-лаборатория, автомашина-самосвал*; в то же время синонимичная ей единица *автомобиль* характеризуется деривационной активностью, о чем свидетельствуют неологические источники: *автомобиль-холодильник, автомобиль-*

плетевоз, автомобиль-робот (НРЛ-82), *автомобиль-вездеход* (НРЛ-85), *автомобиль-автомат, автомобиль-катер* (НРЛ-86).

Слово *робот* ‘автомат, предназначенный для замены человека при выполнении сложных технических операций’ было заимствовано из чешского языка *robot* [Словарь иностранных слов, 1988:446]. В Словаре А.Н. Тихонова отражены сложения *роботостроение, роботостроитель, роботехника*. В Словаре-справочнике Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой отмечены также *робот-автомат, робот-оператор, робот-манипулятор*. С конца 80-х годов XX века неографические источники отмечают активизацию лексемы прежде всего в составе юкстапозитов: *робот-компьютер, робот-манипулятор, робототехника, робот-шестиножка* (НРЛ-78), *кукла-робот, манипулятор-робот* (НРЛ-80), *робот-каменищик, робототехнология, робот-штабелер, робот-скульптор* (НРЛ-82), *роботоцентр* (НРЛ-83), *трактор-робот* (НРЛ-86), *робот-сиделка, робот-разведчик* ‘дистанционно управляемая машина’, *робот-подборщик, робот-грузовик* ‘дистанционно управляемый грузовик’, *робот-бульдозер* ‘дистанционно управляемый бульдозер’, *робот-водолаз* (НРЛ-87), *робот-синтезатор, робот-стеклодув, робот-тележка, робот-швейцар* (НРЛ-88).

Лексическая группа со значением места производства: комбинат, цех, фабрика, ферма, фирма

Лексема *цех* заимствована из средневерхненемецкого *Zech, Zeche* [Словарь иностранных слов, 1988:568]. В Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова были отмечены *цехбригада, цехком, цехмастер, цехячейка, цех-автомат, цех-полигон, цех-поставщик, цех-потребитель, кормоцех, турбоцех, спеццех, утильцех*. В Словаре-справочник Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой включены также *цех-лаборатория, цех-полигон, цех-автомат, цех-поставщик, цех-потребитель, цех-холодильник*.

С течением времени наблюдалась дальнейшая активизация лексемы *цех* в составе сложных слов: аббревиатур *агроцех*, (НРЛ-78), *биоцех* ‘цех, в котором выращиваются водоросли и микроорганизмы для нужд сельского хозяйства’ (НСЗ 80-х), *гранулецех* (НРЛ-86); юкстапозитов *цех-отделение* (НРЛ-78), *цех-филиал* (НРЛ-79), *цех-салон, цех-завод* (НРЛ-81), *цех-магазин, цех-поток* (НРЛ-84), *цех-аквариум* ‘цех рыбоконсервного предприятия, занимающийся разведением, содержанием рыбы в искусственных водоемах’ и композита *рыбоцех* (НРЛ-88).

Лексема *комбинат* заимствована из латинского языка *combinatus* ‘сдвоенный’ [Словарь иностранных слов, 1988:244], имеет три значения. Деривационно активным является первое значение ‘крупное промышленное предприятие, объединяющее несколько связанных друг с другом по

технологическому процессу предприятий...'. В сложных словах основа *комбинат*- занимает постпозицию и сочетается с препозитивными основами *кит*-, *кокс*-, *лес*-, *лён*-, *металл*, *мяс*-(*о*), *пищ*-(*а*), *птиц*-(*а*), *рыб*-(*а*), *шёлк*-; основа сохраняет постпозицию и в аббревиатурных образованиях с начальными основами *авто*-, *быт*-, *зоо*-, *мель*-, *пром*-, *хим*- [Тихонов А., 1985].

Совпавшие по компонентному составу сложные единицы могут различаться моделью образования; ср.: *рыбокомбинат* и *рыбкомбинат*, *металлокомбинат* и *металлкомбинат*. Среди новообразований отмечены композиты *эфирокомбинат* (НРЛ-79), *пчелокомбинат* (НРЛ-84), *кормокомбинат*; аббревиатуры *винсовхозкомбинат* (НРЛ-82), *бумкомбинат*, *агропромвинкомбинат* (НРЛ-85), *кожкомбинат* (НРЛ-86), *фармокомбинат* (НРЛ-87), *агрокомбинат*; юкстапозит *комбинат-гигант*: «Ведь **комбинаты-гиганты** по-прежнему будут использовать отборную древесину, оголяя огромные лесные площади» (Чивилихин, Месяц в Кедрограде). Среди аббревиатур частотны и производные инициального типа *АК* ← автокомбинат, *КОК* ← кожевенно-обувной комбинат, *ЭК* ← энергокомбинат.

Лексическая единица *комбинат 3* 'объединение учебных заведений разных ступеней при заводе, каком-л. предприятии' входит в состав юкстапозита *детсад-комбинат* (НРЛ-78).

Лексема *фирма* заимствована из итальянского языка *firma* [Словарь иностранных слов, 1988:543], деривационно активным является первое значение 'торговое или промышленное предприятие, пользующееся правом юридического лица, под маркой которого продаются или выпускаются изделия'. В лексикографических источниках отражено несколько сложений: *фирма-интегратор*, *фирма-экспортер* [Букчина З., Калакуцкая Л., 1982]. В серии выпусков «Новое в русской лексике» представлены все разновидности сложных слов: *фирма-координатор* (НРЛ-81), *пчелофирма*, *фирма-изготовитель* (НРЛ-84), *фирма-поставщик* (НРЛ-86), *фирма-транспортёр*, *фирма-организатор* (НРЛ-86), *автофирма*, *фирма-спонсор* (НРЛ-87), *авиафирма*, *фирма-субподрядчик* (НРЛ-88), *фирма-разработчик*, *фирма-инвестор* (НРЛ-91). В украинском языке функционируют *агрофірма*, *кінофірма*, *фірма-одноденка* [Стишов О., 2005].

В отличие от лексемы *фирма* заимствование *трест* (англ. trust) 'объединение нескольких предприятий одной отрасли, а также централизованное управление, аппарат такого объединения' [Словарь иностранных слов, 1988:518] является составной частью словосочетаний, на базе которых образуются аббревиатуры *молжживтрест* ← трест молочно-животноводческих совхозов, *Укрмахтрест* ← Украинский трест махорочного производства, *Укркожтрест* ← Украинский трест

кожевенной промышленности, аналогично *ремстройтрест*, *рыбтрест*, *торгтрест*, *Укрбумтрест* [Новый словарь сокращений, 1995]. В украинском языке *будтрест* [Клименко Н., Скибицька Н., 1996]. Единичны производные, образованные сложением слов и основ: *трестплощадка* (НРЛ-77), *горнотрест* ‘трест горных работ’ (НРЛ-88), *трест-генподрядчик*.

Незначительная деривационная активность свойственна лексемам *концерн* (англ. concern) и *синдикат* (гр. syndikos ‘действующий сообща’): *авиаконцерн* (НРЛ-80), *пушиносиндикат* (НРЛ-88), *Кожсиндикат*.

Лексема *фабрика* заимствована из латинского языка *fabrika* «мастерская» [Словарь иностранных слов, 1988:529]. В Словаре А.Н. Тихонова отмечены сложные слова *фабрика-кухня*, *фабрика-прачечная*, *аглофабрика*, *биофабрика*, *кинофабрика*, *птицефабрика*; в Словарь-справочник Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой помещены также *фабрика-заготовочная*, *фабрика-автомат*. В словарных материалах «Новое в русской лексике» фиксируются *свинофабрика* (НСЗ 70-х), *энергофабрика* (НРЛ-79), *фабрика-изготовитель* (НРЛ-85), *углефабрика* (НРЛ-86), *копирфабрика* ‘фабрика по производству копий фильмов’, *фабрика-поставщик* (НРЛ-88), *фармфабрика* [Тихонов А., 1985].

Лексема *микрофабрика* (НРЛ-81) образовалась в результате стяжения словосочетания *микрочайная фабрика*. На базе словосочетаний с компонентом *фабрика* образовались аббревиатуры *ЗИФ* ← золотоизвлекательная фабрика, *аглофабрика* ← агломериционная фабрика.

Не зафиксированы новообразования с основами *фабричн-* (*фабрично-заводской*, *общефабричный*) и *фаб-* (*фабком*, *фабзауч*).

Слово *ферма* заимствовано из французского языка *ferme* [Словарь иностранных слов, 1988:536]. Деривационную активность проявляет семема *ферма* 2 ‘хозяйственное предприятие, занимающееся той или иной специальной отраслью сельского хозяйства’. В Словаре А.Н. Тихонова отражены композиты *звероферма*, *конеферма*, *лесоферма*, *лосеферма*, *овцеферма*, *птицеферма*, *свиноферма* и аббревиатуры *зооферма*, *племферма*. В неологических источниках зафиксированы композиты и юстапозиты: *лосеферма*, *пчелоферма* (НСЗ 70-х), *кролеферма* (НРЛ-77), *ферма-танкер* (НРЛ-79), *уткоферма* (НРЛ-81), *ферма-автомат* (НРЛ-85), *кроликоферма*, *скотоферма*: *Потом взял [Трезор] и совсем ушел из села верст за пять от своего дома, стал жить на скотоферме, спать на соломе, неизвестно чем питаться* (Астафьев, Затеси).

Лексическая группа со значением места обслуживания: бар, кафе, ресторан, магазин

Лексема *бар* от англ. *bar* 'прилавок' из франц. *barre* 'барьер' [Словарь иностранных слов, 1988:73]. В лексикографических источниках было отмечено несколько производных слов: *бармен* (НСЗ 60-х), *буфет-бар* [Букчина З., Калакуцкая Л., 1982]. Неологические источники, начиная с 1981 года, регистрируют появление сложных слов *дискобар*, *телебар* (НРЛ-81), *бар-кафе* (НРЛ-84), *чай-бар* (НРЛ-86), *фитобар* (НРЛ-87), *сексбар* (НРЛ-88). В украинском языке *дискобар*, *фитобар*, *бильярд-бар*, *сендвич-бар*, *прес-бар*: **фитобар** з вітамінними коктейлями, настоями трав: //http://tourism.if.ua=Rambler 12.09.08. Отмечены производные, не зафиксированные толковыми словарями и специальными справочниками: *суши-бар*, *лобби-бар*, *гриль-бар*, *коктейль-бар*. В украинском языке *гриль-бар* и *бар-гриль*, *лоббі-бар*.

Лексема *кафе* заимствована из французского языка *café* [Словарь иностранных слов, 1988:227]. В Словаре А.Н. Тихонова отражены производные: *кафе-закусочная*, *кафе-концерт*, *кафе-ресторан*, *кафе-шантан*, *кафе-столовая*; в словаре-справочнике Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой приведены лексические единицы *кафе-молочная*, *кафе-автомат*, *кафе-буфет*, *кафе-мороженое*, *кафе-ресторан*, *кафе-столовая*, *кафешантан*. С течением времени гнездо пополняется образованиями *автокафе* (НРЛ-79), *кафе-дискотека* (НРЛ-80), *кафе-кулинария* (НРЛ-81), *кафе-гостинная*, *кафе-стоячка* (НРЛ-84), *кафе-минутка*, *кафе-чайная*, *кафе-прессо*, *кафешка*, *экспресс-кафе* (НРЛ-85), *видеокафе*, *экспресс-кафе* (НРЛ-86), *мини-кафе* (НРЛ-87), *театр-кафе* (НРЛ-88), а также *видеомульткафе*, *драйв-кафе*, *кафе-бильярдная*, *кафе-шашильчатая*, *кафе-чебуречная*, *кафе-беляшная*, *кафе-гриль*, *суши-кафе*: «Первоначально в планы холдинга не входило создание сети **суши-кафе**»: //http://www.chance.ru=Rambler 12.10.08. В украинском языке *кафе-морозиво*, *кафе-автомат*, *кафе-кондитерська*, *кафе-театр*: *кафе-театр на "київському Монмартрі"*: //http://wek.kiev.ua.uk=Rambler 12.10.08. Незначительную активность проявляет производное первой ступени *кафетерий*: *магазин-кафетерий*, *піцерія-кафетерій*. Низкая словообразовательная активность характерна для семемы *буфет 2*: *буфет-автомат* (НРЛ-85), *автобуфет*, *автомобиль-буфет*.

Лексема *ресторан* заимствована из французского языка *restaurant* [Словарь иностранных слов, 1988:442]. В лексикографических источниках до 1986 года было зафиксировано несколько сложений: *вагон-ресторан*, *кафе-ресторан*, *ресторан-бар* [Букчина З., Калакуцкая Л., 1982]. Выпуски «Новое в русской лексике» отмечают появление сложных слов: *ресторан-комплекс* (НРЛ-78), *ресторан-гостиница* (НРЛ-79), *ресторан-хата*

(НРЛ-82), *кухня-ресторан*, *дорресторан* (НРЛ-86), *ресторан-дискотека* (НРЛ-87), *ресторан-пиццерия*, *ресторан-экспресс*, *ресторан-театр* (НРЛ-88). В нашей картотеке отражены также *шашлычная-ресторан*, *ресторан-гриль*, *ресторан-шашлычная*, *ресторан-чебуречная*, *клуб-ресторан*. В украинском языке *вагон-бар* [Стишов О., 2005], *ресторан-пиццерія*, *ресторан-гріль* и *гріль-ресторан*.

Лексема *магазин* заимствована из французского языка *magasin*. Французский язык заимствовал слово из арабского в значении ‘амбары, склады’ [Русский язык и советское общество, 1968]. В Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова отмечены сложные слова: *диетмагазин*, *зоомагазин*, *фотомагазин*, *завмаг*, *сельмаг*, *продмаг*, *универмаг*. В словарь-справочник Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой включены *магазин-ателье*, *магазин-салон*, *магазин-кафетерий*. В дальнейшем неологические источники фиксируют образования *магазин-квартира* ‘мебельный магазин, в торговых залах которого имитируются интерьеры жилых комнат’ (НРЛ-77), *автомагазин*, *магазин-склад* (НРЛ-81), *магазин-школа* (НРЛ-82), *магазин-кафе* (НРЛ-84), *магазин-пекарня* (НРЛ-86), *госмагазин*, *магазин-лаборатория* (НРЛ-88), *салон-магазин* ‘помещение для демонстрации и продажи товаров определенного ассортимента, оказания дополнительных услуг’ (НРЛ-91). В гнездо входят также неолексемы *веломагазин*, *интернет-магазин*, *фотомагазин*, *салон-магазин*. В украинском языке *магазин-автомат*, *магазин-клуб*, *магазин-салон*, *культмагазин*, *салон-магазин*, *фотомагазин*, *госпмаг*, *продмаг*, *сільмаг*, *універмаг* [Карпиловская Е., 2002], *магазинман* [Стишов О., 2005].

Лексическая группа со значением места культурного обслуживания: клуб, музей, театр

Лексема *клуб* заимствована из английского языка *club* [Словарь иностранных слов, 1988:237], имеет значение ‘общественная организация, объединяющая людей для совместного отдыха, развлечений, для общения, связанного с различными интересами’. Производные уточняют базовое слово, развивая значение ‘клуб, объединяющий любителей по тем или иным интересам...’. Так, в Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова представлены аббревиатуры *автоклуб*, *автомотоклуб*, *интерклуб*, *мотоклуб*, *спортклуб*, а также юкстапозиты *жокей-клуб*, *пресс-клуб*, *радиоклуб*, *яхт-клуб*. Деривационная активность существительного *клуб* возрастает. Возникают производные не только с выделенным значением (*пони-клуб* (НРЛ-79), *спорттехклуб* (НРЛ-81), *диспут-клуб* (НРЛ-84), *роллерклуб* (НРЛ-85), *видеоклуб*, *джаз-клуб*, *рок-клуб*, *слайдклуб* (НРЛ-86), *гольф-клуб*, *джаз-рок-клуб* (НРЛ-87), *артклуб*, *диско-клуб*), но и с другими значениями: а) ‘местонахождение клуба’: *чайхана-клуб* (НРЛ-86), *клуб-*

самолет, клуб-библиотека (НРЛ-87), клуб-столовая (НРЛ-80); б) 'совмещение функций клуба и функций других мест культурного обслуживания': *кинотеатр-кафе-клуб, кинотеатр-клуб-кафе, клуб-музей* (НРЛ-86), *интернет-клуб*, а также *клуб-кооператив, клуб-побратим, кооператив-клуб* (НРЛ-88), *джентельмен-клуб, фитнес-клуб, АМК* ← *автоматоклуб, авиаспортклуб* ← клуб любителей авиационного спорта. В украинском языке *авіаклуб, аероклуб, дельтаклуб, інтерклуб, кіноклуб, мотоклуб, начклуб, радіоклуб, спортклуб, жокейклуб, фанклуб, одноклубник* [Карпіловська Є., 2002], *фітнес-клуб, інтернет-клуб* [Клименко Н., 2003], *фан-клуб* [Стишов О., 2005].

Лексема *музей* заимствована из греческого языка [Словарь иностранных слов, 1988:333]. В Словаре А.Н. Тихонова отмечены сложные слова *музееведение, музеевед, музееведческий*. В словаре-справочнике Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой отражены производные *музей-библиотека, музей-выставка, музей-галерея, музей-заповедник, музей-квартира, музей-мастерская*. Неологические источники зафиксировали следующие производные, образованные на первой ступени: *аптека-музей, музей-аквариум, музей-отель, раскоп-музей* (НРЛ-79), *крейсер-музей, замок-музей, училище-музей* (НРЛ-80), *зал-музей, страна-музей* (НРЛ-85), *кинотеатр-музей, лодка-музей, монастырь-музей, музей-мемориал* (НРЛ-86), *кладбище-музей, музей-кабинет* «кабинет какого-л. покойного государственного деятеля, являющийся мемориальным музеем», *судно-музей, театр-музей* (НРЛ-88).

Активизируется также вторая ступень деривации, на которой образуются адъективные композиты с препозитивной основой *музейн-*: *музейно-выставочный* (НРЛ-79), *музейно-литературный* (НРЛ-80), *музейно-методический* (НРЛ-85), *музейно-производственный* (НРЛ-86).

Существительное *театр* заимствовано из греч. *theatron* [Словарь иностранных слов, 1988:499]. В лексикографических источниках были отражены следующие сложные слова: *драмтеатр, кинотеатр, радиотеатр, телетеатр, театровладелец, театровед, театромания, театростроительство, театроведение* [Тихонов А., 1985], *театр-буфф, театр-варьете, театр-кабаре, театр-группа* [Букчина З., Калакуцкая Л., 1982]. Лексема *театр* имеет пять значений, деривационно активными в разной степени являются следующие значения: '1. Род искусства, художественное отражение жизни посредством драматического действия, осуществляемого актерами перед зрителями': *театроцентризм* (НРЛ-79). 2. 'Учреждение, организация, занимающиеся устройством представлений': *телетеатр* (НСЗ 60-х), *мим-театр* (НРЛ-86), *диско-театр, театр-спутник* (НРЛ-81), *театр-студия, студтеатр, мульттеатр, мультимедиа-театр, политтеатр*: «Кукольный **политтеатр** в центре Москвы»: //http://politikaktiv.ru=Rambler 12.05.08. 3. 'Здание, в котором

происходят представления, а также само представление, спектакль': *театр-музей* (НРЛ-88).

Неологические источники свидетельствуют о том, что в сложных адъективах активизирует позиции основа *театральн-*: *театрально-увлекательный* (НРЛ-78), *театрально-массовый* (НРЛ-80), *театрально-библиотечный* (НРЛ-82), *театрально-спортивный*, *театрально-концертный* (НРЛ-86), *театрально-балетный* (НРЛ-87), *театрально-исторический*, *театрально-культурный* (НРЛ-91).

Родовым по отношению к выделенной лексической группе является слово *культура*, которое было заимствовано из лат. *cultura* [Словарь иностранных слов, 1988:272]. Лексическая единица отмечена в составе аббревиатур *масскультура* (НРЛ-80), *рок-культура* (НРЛ-87), *физкультура*, *Минкультуры*, а также в транслитерированном образовании *поп-культура* (НСЗ 70-х) с английского *pop culture*. В украинском языке *маскультура*, *поп-культура* [Карпіловська Є., 2003], *арт-культура* [Стишов О., 2005].

В лексикографических источниках отражены производные с основами *культ-*, *культур-* и *культурн-*, продуктивность которых различна.

Основа *культур-* зафиксирована в составе композитов *культуроведение* (НРЛ-81), *культурология*, *культурформирующий* (НРЛ-91). Следующие слова демонстрируют процесс перерождения основы в единицу с признаками аброморфемы: *маскульт* и *масскульт* ← массовая культура (НСЗ 70-х), *минкульт* ← Министерство культуры (НРЛ-87), *пролеткульт* ← пролетарская культура, *культпроп* ← отдел культуры и пропаганды.

Основа *культурн-* выделяется преимущественно в составе адъективных композитов. Исключение составляет дериват *культурнопитейщик* (НРЛ-84). В составе адъективных композитов частотной является препозиция основы: *культурно-биографический* (НРЛ-82), *культурно-идеологический*, *культурно-рекреационный*, *культурно-спортивный* (НРЛ-85), *культурнопьющий* (НРЛ-86), *культурно-туристический центр* (НРЛ-91); в украинском языке: *культурно-виховний*, *культурно-шефський*, *культурно-побутовий* [Карпіловська Є., 2002] и др. Постпозиция основы *культурн-* зафиксирована в сложениях: *этнокультурный* (НРЛ-79), *материально-культурный* (НРЛ-91), *малокультурный*, *национально-культурный*; в укр. языке: *загальнокультурний*, *національно-культурний*. Интерпозиция основы отмечена в производном *спортивно-культурно-бытовой* (НРЛ-87).

Основы *культ-* и *культур-* принадлежат к абброосновам. Основа *культ-* употребляется в следующих значениях: а) 'культурно-просветительский': *культцентр* (НРЛ-84), *культточка* (НРЛ-88);

б) 'обслуживающий культурные потребности': *культспорттовары* (НРЛ-81). Среди новообразований отмечены конструкции с висячим дефисом: *культ- и спортработа, культ- и спорттовары*. Основа *культур-* образовалась на базе аффиктивной основы *культурн-*. Аббревиатуры, в состав которых входит основа, устарели: *культурбунд, культурфильм*. Однако в НРЛ-85 была зафиксирована лексема *культурпитейщик*, а в НРЛ-88 единица *культур-функционер*, которая может быть интерпретирована через словосочетание *функционер от культуры*. Таким образом, модель с абброосновой *культур-* в настоящее время угасает.

Проявляет активность основа *физкультурн-*, зафиксированная в композитах *физкультурно-педагогический* (НРЛ-85), *физкультурно-лечебный, физкультурно-оздоровительный* и др. [Букчина З., Калакуцкая Л., 1982]. На базе нее появилась основа *физкульт-* со значением «физкультурный». Основа была отмечена в словах *физкультзарядка, физкультминутка, физкультработа, физкульт-ура, физкульт-привет*. Приведенный ряд слов пополнился неолексемой *физкультпеременка* (НРЛ-85).

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о деривационной активности заимствованных общеупотребительных слов, которые были давно освоены русским и украинским языками. Пополнение лексиконов не ограничивается единичными образованиями, а охватывает целые микросистемы.

Дальнейшее развитие неолексем идет преимущественно по пути продуцирования композитов юкстапозитов и аббревиатур. Это объясняется тем, что заимствованные лексеммы не могут полностью адаптироваться в словообразовательной системе славянских языков, морфологический способ образования уступает место осново- и словосложению, а также аббревиации.

Литература

- Безпояско О.К., Городенська К.Г. (1987), *Морфеміка української мови*, Київ.
- Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. (1982), *Слитно или отдельно? (Опыт словаря-справочника)*, Москва.
- Гревцева Т.А. (2004), *Структурно-семантическая организация словообразовательных гнезд с исходным морфологически несклоняемым существительным в современном русском языке (на материале иноязычной лексики)*. Автореферат диссертации кандидата филол. наук, Елец.

- Дягилева И.Б. (2003), *Образования с -ман, -мания в русском языке XIX века*, [In:] *Словарь русского языка XIX века. Проблемы. Исследования. Перспективы*, Санкт-Петербург.
- Земская Е.А. (1992), *Словообразование как деятельность*, Наука, Москва.
- Карпіловська Є.А. (2002), *Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами – омографічними коренями*, Видавництво „Українська енциклопедія” імені М.П. Бажана, Київ.
- Карпіловська Є.А. (1999), *Суффіксалізація кінцевих основ заїмствованих композитів в сучасному українському мові*, [In:] «Восточноукраинский лингвистический сборник», вып. 5, Донецк.
- Кислюк Л.П. (2000), *Словотвірний потенціал запозичень у сучасній українській літературній мові (на матеріалі англійських та німецьких запозичень)*. Автореферат диссертации кандидата філол. наук, Київ.
- Клименко Н. (2003), *Осново- і словоскладання у процесах номінації сучасної української мови*, [In:] «Українська мова», № 3–4.
- Клименко Н.Ф., Скибицька Н.В. (1996), *Словотвірні можливості англіцизмів у сучасній українській мові*, [In:] *Структура та семантика мовних одиниць у функціональному аспекті*, Чернівці.
- Клименко Н.Ф. (1984), *Словотворча структура і семантика складних слів у сучасній українській мові*, Наукова думка, Київ.
- Кочан І. (2004), *Динаміка і кодифікація термінів з міжнародними компонентами у сучасній українській мові*, Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, Львів.
- Красильникова Е.В. (1972), *Об освоении иноязычных морфем системой русского словообразования (на примере морфемы -дром)*, [In:] *Актуальные проблемы русского словообразования*, ч. 1, Самарканд.
- Крысин Л.П. (1968), *Иноязычные слова в современном русском языке*, Наука, Москва.
- Крысин Л.П., Ю Хак Су (1998), *О словообразовательных возможностях иноязычных неологизмов*. [In:] «Филологические науки», № 3.
- Лопатин В.В., Улуханов И.С. (1963), *О словах на -рама в русском языке*. [In:] «Вопросы культуры речи», № 4.
- Новикова Н.В. (1982), *Некоторые наблюдения над группой терминов со второй частью -МЕТР и -МЕР*, [In:] «Культура речи в технической документации», Наука, Москва.
- Коваленко Е.Г. (ред.) (1995), *Новый словарь сокращений русского языка*, Москва.
- Петров А.В. (2007), *Смешанные гнезда слов с заимствованными корнями (на материале единиц с компонентами -дром и -тека)*, [In:] *Филология в пространстве культуры*, Донецк.

Плахоніна О.В. (2004), *Ускладнення основ слів іношомовного походження в сучасній українській мові*, [In:] «Слов'янський вісник», вип. 5, Рівне.

Русский язык и советское общество, Москва, 1968.

Петров Ф.Н. (ред.) (1988), *Словарь иностранных слов*, Москва.

Соколова С.О. (1993), *Загальні проблеми вивчення інтернаціональних компонентів у термінологічному словотворенні*, [In:] *Національні та інтернаціональні компоненти в сучасних терміносистемах*, Наукова думка, Київ.

Стишов О.А. (2005), *Українська лексика кінця ХХ століття (на матеріалі мови засобів масової інформації)*, Київ.

Тихонов А.Н. (1985), *Словообразовательный словарь русского языка*, Москва.

Фурса В.М. (2005), *Семантико-граматичне та словотвірне освоєння невідмінюваних імен*, Інститут української мови НАН України, Київ.

Условные обозначения

НРЛ-79 – *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 79*. Москва, 1982.

НРЛ-80 – *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 80*. Москва, 1984.

НРЛ-81 – *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 81*. Москва, 1986.

НРЛ-82 – *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 82*. Москва, 1986.

НРЛ-85 – *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1985*. Санкт-Петербург, 1996.

НРЛ-86 – *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1986*. Санкт-Петербург, 1996.

НРЛ-87 – *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1987*. Санкт-Петербург, 1996.

НРЛ-88 – *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1988*. Санкт-Петербург, 1996.

НРЛ-91 – *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1991*. Санкт-Петербург, 2005.

НСЗ 60-х – *Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов*. Москва, 1973.

НСЗ 70-х – *Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов*. Москва, 1984.

НСЗ 80-х – *Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов*. Санкт-Петербург, 1997.

Derivational Activity of Generally Used Borrowed Words in Russian and Ukrainian

Summary

The article presents a study of derivational activity of borrowed words in general usage which were long ago adopted in Russian and Ukrainian. The analyzed lexical units are grouped thematically with regard of derivational activity in related words within a single word formation family. The conclusion suggested is that further development of neolexemes derived from foreign stems is performed predominately as production of juxtaposites and abbreviations. The explanation of this phenomenon lies in the inability of borrowed lexemes to adapt fully to the Slavonic word formation system. That is why morphological word formation gives way to stem – and word composition as well as abbreviation.

Рацибурская Л.В.

Тенденция к интернационализации в деривационных процессах современного русского языка

Известно, что в наиболее динамичные периоды жизни общества, связанные с существенными преобразованиями в разных сферах жизнедеятельности, возрастает влияние социального фактора на изменения в языке.

Развитие науки, техники, контакты с другими языками – все эти внешние для языка причины влияют на языковые процессы, особенно в плане расширения словарного состава и уточнения или изменения смысла лексических единиц [Валгина 2001:9].

Возросшие темпы языковой динамики в России на рубеже веков ученые связывают с «меняющимся составом и обликом русского общества, сменой социальных, политических, экономических, а также психологических установок» [Валгина 2001:8]. В эпоху активной экономической, политической и культурной глобализации в конце XX века были созданы благоприятные условия для международных контактов, российское общество стало более открытым и предрасположенным к таким контактам.

Бурные процессы в современном русском словообразовании объясняются причинами внеязыковыми и внутриязыковыми, которые чаще всего переплетаются, усиливают друг друга.

Так, ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, а рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей [Валгина 2001:131].

По мнению ученых, на данном этапе развития русского языка прежде всего факторы социокультурного характера определяют рост продуктивности одних словообразовательных типов и моделей и способствуют снижению активности других. На современные деривационные процессы оказывают влияние прежде всего либерализация

и «западнизация» жизни российского общества на рубеже XX – XXI вв. [Коряковцева 2008].

Тенденция к интернационализации проявляется в активизации процессов именной префиксации. Высокую активность проявляют префиксы *супер-*, *гипер-*, *ультра-*, со значением интенсивности, высокой степени того, что названо мотивирующей основой: *А тот военный суперарсенал, что готовится сегодня в Соединенных Штатах, потребует масштабной атаки. РФ для этого – слишком удобный полигон* [Независимая газета, 20.01.2007]; *Это значит, что она по-прежнему может распоряжаться голосами делегатов, которые её до последнего момента поддерживали. А также бороться за изменчивую благосклонность суперделегатов (крупных функционеров партии, вольных голосовать самостоятельно)* [Комсомольская правда, 09.06.2008]; *Американский супервторник так и не стал решающим в предвыборной гонке* [1-й канал, 06.02.2008]; *Я надел тяжёлые ботинки и довел себя до суперялости* [1-й канал, 05.07.2008]; *Говорят, что это дело рук строителей, возводящих здесь суперроскошные дворцы для налоговиков области* [СР «Голос народа», 04.10.2007]; *Хотели сделать из нижегородского Кремля суперреальное пати* [Телеканал «Волга», 03.05.2008]; *Супертитулованным чемпионом Евгению Плющенко, Антону Сихарулидзе, Алине Кабаевой и Светлане Хоркиной можно тоже в академики премии «Лауреас»* [Российская газета, 21.02.2008]; *Пока сериал идет, есть гиперпопулярность* [Телеканал ТНТ, 08.10.2007]; *Вошебное слово «сейл» говорит, что с товара сняли гипернакрутку* [Телеканал ТНТ, 29.03.2008]; *Памятник советскому воину-освободителю в эстонской столице вновь атаковали местные ультрапатриоты* [Комсомольская правда, 01.08.2006]; *Сегодня ИД «КП» приветствует у себя в гостях заместителя председателя Государственной думы РФ Владимира Вольфовича Жириновского. Тема пресс-конференции «Кризис власти на Украине» новый вариант ультраколониальной политики* [Комсомольская правда, 12.07.2006].

Достаточно часто в СМИ встречаются новообразования с общим значением противоположности, отрицания. Они образуются с помощью приставок *анти-*, *контр-* и отражают противостояние социальных сил в современном мире: *Правомерно ли считать, что терроризм ныне стал врагом всего цивилизованного мира и он далеко не побежден? ...но и близлежащие к нему мусульманские страны входят в питомник антиамериканских, антибританских, антиизраильских и т.п. террористов*) [Независимая газета, 29.07.2005]; *Это движение было яро «антиэлекторальным», «антивыборным»* [Московские новости, 21-23.12.2007]; *Но снять антиглянцевое кино, оставаясь в рамках глянцевого эстетики, – затея столь же безнадежная, как и разводиться*

воровство в **антикоррупционном** комитете [Собеседник, 2007, №33]; В Москве пройдут «**антинатовские**» акции [Телеканал REN TV, 08.04.2008]; На фоне очередной **антиманьячной** кампании... [Телеканал «Волга», 03.05.2008]; Но общество может со временем выдвинуть **контрэлиту** [Литературная газета, 30.01-05.02.2008].

Значительно активизировались в последнее время префиксы *псевдо-*, *квази-* с семантикой неистинности, мнимости, фиктивности с оттенком отрицательной экспрессии: *Народ предлагает разные методы борьбы с **псевдодиетологами** и издателями, цинично паразитирующими на здоровье нации* [Комсомольская правда, 25.05-01.06.2006]; <...> **псевдонароды**, которые отличаются друг от друга только степенью и глубиной своей [Завтра, 02.05.2007]; **Псевдороссиян** теперь ждет депортация [1 канал, 08.04.2008]; После его **псевдонаходки** Андроников монастырь тронуть не посмели [Телеканал РТР, 02.07.2008]; Не следует, однако, путать настоящий ксенон и голубые галогенки, которых великое множество, они – «**псевдоксенон**», который к истинному не имеет никакого отношения [Российская газета, 13.03.2008]; Пошлые юмористические передачи, реалити-шоу с бездарными актерами, **псевдоисторические** сериалы, разворачивающие эту же пошлость в наше прошлое [Завтра, 30.01.2008]; **Псевдорусские** фэнтези нравятся не всем [Телеканал СТС, 01.05.2008]; ...Я выбираю тех (в конечном итоге ту одну), которые из стадии **квазипартий** и **протопартий** эволюционируют в сторону так сказать партийной полноценности [Московские новости, 30.11-06.12.2007]; ...чтобы не попасть под влияние России – богатой страны с **квазисоциалистической** полугосударственной экономикой [Московские новости, 22-28.06.2007]; Нормальный человек, соприкоснувшись с такими **квазимасонскими** организациями... [Завтра, 2007, № 48].

В публицистических текстах представлено большое количество слов с временным префиксом *пост-*, синонимичным русскому *после*: *Такса 7-10 тысяч долларов за пять песен вкупе с энергией и трудолюбием позволили Мистеру Кредо набрать в пред- и **постновогодние** дни сумму, которой вполне бы хватило на приглашение в Россию звезды уровня Пэрис Хилтон* [Комсомольская правда, 09.01.2007]; *После завершившегося в Загребе чемпионата Европы по фигурному катанию стало очевидно: прошлогодние стенания о **постплющенко**вской пустоте в нашем фигурном катании как минимум неочевидны* [Завтра, 2008, №4]; *В нашем **постодинадцатисентябрьском**, **постоднополярном** и без пяти минут **постбушевском** мире кандидату в президенты без вылазки за рубеж не обойтись...* [Новая газета. Свободное пространство. 08.08-21.08.2008]; *К слову, нынешние властные **постбольшевики** так же лепят славную*

судьбу Лимонову, далеко её не заслуживающему [Аргументы недели, 17.07.2008].

В последнее время возросла словообразовательная активность префикса *экс-* с семой 'бывший', что, по-видимому, отражает динамику современной жизни и соответствует тенденции к экономии языковых средств: *В результате теракта, совершенного недалеко от автомобиля, на котором среди громадной толпы встречающих ехала экс-глава правительства...* [Российская газета, 25.10.2007]; *...должности вице-спикеров достанутся <...> Надежде Герасимовой (экс-заместителю главы МЧС)...* [Комсомольская правда, 20-27.12.2007]; *Несколько часов экс-нижегородец нес его на себе по пустыне* [Комсомольская правда в Нижнем Новгороде, 16-23.06.2005]; *Избитого и ограбленного белоруса приютил бывший инженер. <...> У экс-инженера есть дочь* [Телеканал СТС, 07.02.2008]; *Вместо Примадонны владельцем «Инфанта» стал ее экс-зять Руслан Байсаров* [Комсомольская правда, 26.05-02.06.2005]; *...экс-жена миллионера покончила с собой* [Дуэль, 2007, № 40]; *...разговоры о жестокости экс-мужа певицы Валерии оказались правдой* [Комсомольская правда – Нижний Новгород, 30.08-06.09.2007]; *Экс-супругу Аллы Пугачевой Евгению Болдину приятно выходить в свет и с другой* [Собеседник, 2008, №4]. В сочетании с терминами родства префикс *экс-* нередко выражает негативную оценку. Расширяя свои синтагматические возможности, префикс *экс-* сочетается не только с одушевленными, но и с неодушевленными существительными, а также с числительными: *Даже президенты с приставкой «экс» от своих «экс-привычек не скоро избавляются* [Комсомольская правда, 06-13.12.2007]; *Экс-первую леди Франции Сесиль Саркози явно не слишком расстроила женитьба бывшего мужа* [Российская газета, 07.02.2008].

Префиксы, участвующие в образовании имен, отличаются разнообразием семантики, неоднородностью происхождения и словообразовательных связей, различной продуктивностью. Новообразования, созданные путем именной префиксации, не только номинируют различные стороны, актуальные явления современной общественной жизни, но и являются ярким средством их оценки, что свидетельствует об отмечаемом исследователями возрастании личностного начала в речи.

Некоторые префиксы расширяют свои синтагматические возможности. Так, префикс *супер-* соединяется с относительными именами прилагательными и глаголами: *суперновогоднее «Кривое зеркало»* [Телеканал РТР, 31.12.2007], *Когда человек суперпоет...* [Телеканал НТВ, 07.12.2007]; префикс *анти-* – с именами собственными: *Я хочу быть антистаниславским и скажу: «Верю!»* [1-й канал, 20.01.2008], а префикс *пост-* – с одушевленными существительными (*постбольшевики*) аббревиатурами: *...Путин был наиболее приемлем для*

правоохранительных органов **пост-СССР**, как «свой» [Дуэль, 25.12.2007]. Возможно сочетание в одном слове нескольких частей префиксального характера: *Раньше как было – министерство. Скучно! В «Крокодиле» писали повеселее – мини-стерство. А теперь – ультрамегахолдинг!* [Московские новости, 22-28.06.2007].

В публицистических текстах широко представлены также новообразования с заимствованными элементами препозитивного и постпозитивного характера – *авто-, евро-, кино-, макро-, мега-, медиа-, микро-, нано-, нео-, ноо-, теле-, -мания, -филия, -фобия*: *Начав в 25 лет работать авторемонтником, он уже серьезно стал собирать из старого хлама автомобиля. В поиске автоантиквариата Виктор Васильевич ведет целую исследовательскую работу* [Комсомольская правда, 11.06.2004]; *Когда автоподжоги входят в моду...* [Телеканал REN TV, 07.06.2008]; *Евроунифицированная Латвия отрещивается от рижанина Валентина Пикуля* [Литературная газета, 13-19.02.2008]; *Евромакияж на город только еще накладывается* [Телеканал НТВ, 08.06.2008]; *Настроение европессимистов и еврооптимистов* [Телеканал РТР, 14.06.2008]; *Европаника. Кризис в ЕС приведет к распаду содружества?, Евроскептики – так окрестили противников базового соглашения...* [Наша версия, 23-29.06.2008]; *Посмотреть кино... могут одновременно 1200 зрителей – столько посадочных мест в залах «киномонстра»* [Комсомольская правда 02.04.2004]; *Актеры подали иск, ...обвинив кинососсов в нарушении контрактов* [Комсомольская правда 18.06.2004]; *С киноотношениями «Россия – Япония» тоже все хорошо* [Телеканал «Культура», 15.12.2007]; *Оскар превращается в настоящий кинопраздник ...Это уже назвали киноинтернационалом* [Телеканал НТВ, 25.02.2008]; *Тотальное легкомыслие – это макрофеномен и макротенденция* [Завтра, 2008, №8]; *Создание мегакорпораций в Соединенных Штатах сказалось на результатах национальной экономики самым положительным образом* [Итоги, 03.12.2007]; *Вложения в мегабайты мегарискованны, хотя и суперприбыльны* [Телеканал НТВ, 09.12.2007]; *Первое в России здание с медиафасадом войдет в многофункциональный комплекс* [Литературная газета, 20-26.02.2008]; *Именно в этот момент главный тренер Российской сборной Гус Хиддинк становится медиафигурой чемпионата* [Телеканал НТВ, 22.06.2008]; *В Москве сейчас повальное увлечение микрожизнью – жизнью микросуществ* [Телеканал ТНТ, 02.06.2008]; *Мы живем в эпоху нанобума* [Собеседник, 2008, №22]; *Скоро мы будем есть нанопродукты и пить нанолекарства* [Телеканал РТР, 22.06.2008]; *Однако деятельность «неохронологов» помогает традиционным историкам оттачивать не только способности полемистов, но и поддерживать чувство юмора* [Дуэль, 2007, №16]; *Пора всерьез подумать не только об*

экологии вообще, а специально и о **нооэкологии**, о теории и методологии интеллектуально-нравственного очищения... [Экономическая и философская газета, 2007, №51-52]; Я не могу это анализировать с точки зрения этики, эстетики или сегодняшней **телеконъюнктуры** [Комсомольская правда, 25.10-01.11.2007]; Самые модные **телеперсоны** недели [Комсомольская правда – Нижний Новгород, 29.11.2007]; Настроение перед новогодними праздниками у **телечининовников** было отличным [5-й канал, 04.01.2008]; **Гусомания** – вот оно, проявление загадочной русской души [Телеканал REN TV, 28.06.2008]; Да, проблема **«чудомании»** в России действительно всегда была и остается [Русский репортер, 27.12.2007-17.01.2008]; Аннотация к фильму в Интернет-магазине **«Серияломания»** лаконична [Новая газета. Свободное пространство, 08.08-21.08.2008]; Тем более, что российские буржуи еще и основательно больны <...> **американофилией** [Дуэль, 2008, №6]; ...у нас в принципе **банкофобия** как болезнь присутствует, и у нас очень любят всё, что касается банковской системы, преподносить в отрицательном свете [Московские новости, 30.03-05.04.2007]; А он-то и шею вымыл, направляясь к Михаилу Ефимовичу, собрату по **коммунофобии** [Дуэль, 2008, №6].

Благодаря средствам массовой информации в современный русский язык и повседневный речевой обиход включаются не только заимствованные лексемы, но и иноязычные словообразовательные элементы, в частности суффиксы; например, **-инг** для номинации процессов (**банкинг** ‘осуществление банковских операций’, **маркетинг**, **мониторинг**, **лифтинг**, **шопинг** и др.), ср. шуточный анекдотический текст **Виндсерфинг**, **бэнд-джемпинг**, **скай-дайвинг**, **поматросинг-бросинг** [Комсомольская правда, 18-25.01.2007], где окказионализм образован на базе устойчивого выражения **поматросил** и **бросил** с использованием элемента **-инг**; **Дама провела в забое аж два часа и, выбравшись на поверхность, заявила: «Министры хотя бы раз в неделю должны спускаться в шахту и смотреть, в каких условиях трудятся шахтеры». Будет ли она сама заниматься еженедельным «шахтингом», Тимошенко не сообщила** [Собеседник, 2008, № 25]. «При опоре на многочисленные англицизмы с односторонней аффиксальной членимостью на русской почве легко производятся авторские неологизмы такого типа. Подобные дериваты выполняют в медиатекстах каламбурные и полемико-иронические функции» [Коряковцева 2008:121-122].

Как отмечают исследователи, «при усилении аналитических методов освоения новых фактов действительности увеличивается тяга к абстрактным именам, и, следовательно, особенно востребованными оказываются модели, по образцу которых создаются абстрактные

существительные с набором характерных для них суффиксов» [Валгина 2001:8].

В области абстрактной лексики мода на англицизмы способствует интенсивному введению в современный русский язык не только иноязычных морфем и новых моделей, но и активизации уже имеющихся моделей с иноязычными формантами. Так, в последнее десятилетие активно образуются отсубстантивные и отадективные имена существительные процессуальной семантики с суффиксом *-изаци/ј/-*: *алкоголизация, бандитизация, маргинализация, наркоманизация, сатанизация, чеченизация* и др. Модели с формантом *-изаци(я)*, по мнению ученых, позволяют предельно четко и кратко отразить с помощью подобных квазитерминов необходимые и достаточные признаки называемых процессов. Кроме того, новообразования, созданные по данной модели, обычно называют актуальные, в том числе негативные, явления и катаклизмы; многие общественно важные события порождают отвлеченные имена на *-изация*: *Забастовки госслужащих, прежде всего транспортников, во Франции и Германии направлены против «тэтчеризации» континентальной Европы...* [Завтра, 2007, № 47]; *Всеобщая МЕНЕДЖЕРизация* [Аргументы и факты – Нижний Новгород, 2008, № 27]; *Поддержка отечественных производителей компьютеров или интернетизация всей страны?* [Итоги, 17.03.2008]; *Телевизоризация всего. Инвесторы хотят вложить деньги в кино, а прибыль получить на «ТВ»* [Русский репортер, 22-27.03.2008]; *Мы столкнулись с мощной тенденцией «горохоизации» Европы. Некому внешнему манипулятору очень хочется разбить Европу в горох – по национальным квартирам...* [Итоги, 21.01.2008]; *...не всякие схемы «коллапсизации» предполагают наличие кризисов в преддверии коллапса?* [Завтра, 2008, № 1]; *Общаться через Сеть, создавая принципиально новый вид массовой коммуникации. Попутно это и серьезные рекламные деньги, и во многом передовая версия «СМИ будущего», и новая субкультура, и новый стиль жизни «адептов виртуализации»* [Завтра, 2007, № 50]. Рассматриваемый суффикс присоединяется к основам как имен собственных (*В студии первого канала Владимир Жириновский в бирюзовом пиджаке поднимается с Надеждой Бабкиной и говорит, что теперь начнется «сочинизация всей страны»* // Комсомольская правда – Нижний Новгород, 06.07.2007; *Владельцы кабака чутко уловили модную тенденцию – повальную «бандеризацию» Западной Украины от мала до велика* // Комсомольская правда – Нижний Новгород, 29.07.2008), так и имен нарицательных – исконных и заимствованных, причем не всегда графически освоенных: *Кроме того, несмотря на глобальную e-mailизацию всей страны по-прежнему актуальным является вопрос факс-связи* [Комсомольская правда – Нижний Новгород, 21.04.2006].

При характеристике современных российских реалий нередко создаются новообразования отвлеченной семантики с заимствованным суффиксом *-изм*: *Врачи стараются делать деньги на всем. <...> Они, конечно, не виноваты, система в стране такая. Качают деньги все и отовсюду. Полный западнизм* [Дуэль, 2008, №6]; *Книга прогрессивная и нужная. Поскольку успешно излечивает от запущенных форм сексизма* [Итоги, 01.10.2007]; *...Россия задолго до Петра привыкла ревностно сравнивать свое развитие с Европой. Периоды самоизоляции настолько регулярно переплетались с «интеграционизмом», что кажется разумным предположение: и те и другие органически необходимы России для развития* [Новая газета, 06.06-12.06.2008]; *«Экстремизм» и «экспертизм»* [Завтра, 2008, № 11]. Суффикс *-изм*, образующий существительные, называющие общественно-политические направления, системы, качества, склонности, расширяет свои синтагматические возможности, сочетаясь с исконными и заимствованными основами не только существительных, прилагательных и глаголов (*Пока мир моды отчаянно борется с «бредовой идеей», многие обычные женщины уже буквально одержимы «похудизмом»* [Перспект, 28.11.2007]), но и наречий (*Вот потенциальные призывники и смекнули, что лучше сейчас «пошустрому» сходить в армию, чем защищать родное Отечество без малого три года. В кругу работников военкоматов вошли в обиход термины «пошустризм» и «пошустристы»* [Комсомольская правда – Нижний Новгород, 07.07.2008]). Активно образуются имена существительные с суффиксом *-изм*, называющие элементы языка, речи, от имен собственных и глаголов: *И.О. премьера не сыпал, как обычно, своими «фрадкизмами»* [Комсомольская правда – Нижний Новгород, 14.07.2007]; *Очень заметно, что у авторов сценария весьма ограниченный запас «одессизмов»: синонимов они не знают* [Комсомольская правда – Нижний Новгород, 14.12.2007]; *РАЗмышлизмы от Михаила Задорнова* [Комсомольская правда – Нижний Новгород, 15.09.2007].

Расширение синтагматических возможностей можно отметить и у суффикса *-ант*, который присоединяется не только к заимствованным (*Дискутанты на ринге* // Литературная газета, 09-15.04.2008), но и к исконным глагольным основам и образует существительные со значением лица по характерному действию или роду занятий: *обсужданты* [Комсомольская правда – Нижний Новгород, 28.01.2006]; *В общей сложности под лейблом «медведя» идут на выборы 1,5 тысячи членов и почти столько же «поддержантов»* [Перспект, 13.09.2005].

В последние десятилетия в средствах массовой информации широко представлен такой способ образования сложных слов-гибридов, как графическая гибридизация, графическое словообразование, графодеривация, при котором в узуальном слове графически выделяется часть,

формально совпадающая с другим узуальным словом: *Куда пойти по**УЧИТЬСЯ**?* [Комсомольская правда, 13.02.2002]; *Страна попрощалась с **во**Л**ГОТНОЙ** жизнью* [Комсомольская правда, 06.08.2004]. Графически выделенная часть нередко представляет собой заимствованное слово – нарицательное или собственное имя: *ТО**П**лес-менеджеры* [Комсомольская правда, 21.03.2008]; *Павлюченко и Жирков **РЕА**Л**ьные** пацаны. Футболистами сборной России интересуется мадридский клуб Реал* [Комсомольская правда, 04.03.2008]; *Полная **зАСАДА**. Японка Мао Асада стала еще одной падающей чемпионкой, шлепнувшейся на лед во время выполнения тройного акселя в самом начале программы* [Комсомольская правда, 22.03.2008]. При этом возможны графемные видоизменения базового узуального слова: *Беспр**И**МЭРные скандалы. Мэра Великого Новгорода Н. Гражданкина заподозрили в нецелевых расходах бюджета* [Аргументы и факты, 2007, №29]; *О**Ф**И**С**иально* [Итоги, 17.03.2008]; *ШОУ-к**О**вая терапия* [Новое дело, 22-28.05.2008].

Иноязычное слово или элемент могут выделяться с помощью средств иного алфавита. Подобные случаи оформления новообразований с помощью графических средств разных языков отдельные исследователи называют поликодификацией, или графодеривацией.

Деривационные механизмы русского языка способствуют возникновению значительного количества лексических новообразований «кентавроподобного», поликодового типа: *internetмен, VIP-билет, Propagанда* [Попова 2007:230].

Результаты графической деривации (гибридизации) представляют собой новые незузальные образования, поскольку их формальная специфика сопрягается с новым семантическим наполнением: их семантика выводится из целого контекста и отличается компрессивным характером. Гибридные новообразования отражают знания говорящих об обозначаемом и его оценку, а также образно-ассоциативные представления субъекта речи об объединении предметов, их связи. Выделенные части нередко являются ключевыми словами эпохи, номинируют актуальные, социально значимые реалии. Многие графодериваты отмечены явной установкой на языковую игру, отвечают экспрессивно-семантическим тенденциям, обновляющим и обогащающим фонд лексических единиц.

Семантика новообразований, демонстрирующих продуктивность тех или иных словообразовательных типов или моделей, отражает политические и социально-экономические изменения в России, в частности расслоение населения в материальном и социальном плане, развитие рыночных отношений, изменение ценностных ориентаций, расширение сферы бизнеса, информатики, массовой культуры и др.

Высокую степень продуктивности обнаруживают словообразовательные элементы иноязычного происхождения – префиксы, суффиксы, производящие основы [Валгина 2001:153], что отражает тенденцию к интернационализации в современных деривационных процессах русского языка.

Литература

- Валгина Н.С. (2001), *Активные процессы в современном русском языке*, Москва
- Коряковцева Е.И. (2008), *Nomina abstracta в современном русском языке: социокультурные факторы роста продуктивности словообразовательных моделей*, [In:] *Активные процессы в современном русском языке*, издатель Ю.А. Николаев, Нижний Новгород.
- Попова Т.В. (2007), *Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI в.*, [In:] *Русский язык: Исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка*, МАКС Пресс, Москва, с. 230-231.

Internationalization in the Modern Russian Word-Formation

Summary

The article is devoted to the problem of reflection of social changes in Russia in the word-forming structure of derivatives of mass-media. The active types, models and morphemes of word-formation system are analyzed in the article.

Irena Stramljič Breznik

Hibridizacija novejših slovenskih tvorjenk

0. Uvod

0.1. Leta 2003 so bili objavljeni prvi rezultati obsežnega primerjalnega projekta [Ohnheiser 2003], ki je raziskoval besedotvorne spremembe v sodobnih slovanskih jezikih. Iz obsežne monografije je razvidno [Stramljič Breznik 2005a: 237-243], da se splošne težnje internacionalizacije v slovanskih jezikih kažejo v prilagajanju in vključevanju internacionalizmov v osnovni nacionalni leksikalni sestav ter oblikovanju novih besednih družin, v aktivizaciji mednarodnih afiksov¹ pri tvorjenju besed, v spreminjanju nekaterih zaimkov v prefiksoide, v razraščanju novih zloženek ter vznikanju novih besedotvornih vzorcev in struktur, ki se pojavljajo v različnih zvrsteh jezika in se postopno tam tudi ustaljujejo. Omenjeni pojavi so v vseh slovanskih jezikih predstavljeni s štirih vidikov tako, da so ocenjeni z diahronega stališča, ocenjena je sposobnost integracije in adaptacije internacionalizmov v slovanskih besedotvornih sistemih, njihova stilistična interpretacija in aktualizacija ter sociolingvistični vidik. Pri splošnem orisu je pomembna opredelitev pojma *internacionalizem* kot interlingvalne jezikovne enote, ki jo je mogoče identificirati in raziskovati le s pomočjo primerjave več jezikov. Opozorjeno je tudi na terminološko raznolikost in razmerja med termini (*internacionalizem* : *tuja beseda*, *prevzeta beseda*, *mednarodna beseda*; *internacionalizem* : *latinizem*, *germanizem*, *galicizem*, *anglicizem*), pri čemer je pri *internacionalizmu* mišljeno zlasti na besedo, ki ima grško ali latinsko poreklo, izraz *mednarodna beseda* pa je omejen na besede iz drugih evropskih in neevropskih jezikov, ki so vzporedno prevzete v mnogih jezikih. V slovanskih jezikih so bili internacionalizmi sprva posredovani prek nemščine in francoščine, v novejšem času pa je zlasti za terminološko leksiko (znanost, tehnika, tehnologija) posrednik angleščina.

Opažena je tudi različna prilagoditvena vloga besedotvorja, ki je prisotna v povezavi prevzetih korenov z domačimi (*deloholik*, *seksoholik*), in vse pogostejši pojav zloženek s prvim kratičnim delom (*TV-magazin*, *A-narkoman*).

¹ Afiks je po definiciji nadpomenka za položajsko vezan morfem pred (prefiks) ali za (sufiks) podstavo.

V preteklosti so internacionalizmi v slovanske jezike prihajali s terminologijo in pisanimi besedili, zato so bili običajno označeni kot knjižni. Zaradi njihove splošne rabe pa je opazna nevtralizacija, ker se navadno pojavljajo v množičnih občilih. Mnogi sodobni pojavi so namreč pogosto poimenovani z novimi ali ponovno oživiljenimi internacionalizmi. Kadar so take poimenovalne enote edine, so ocenjene pozitivno in se splošno razširijo, hkrati pa vplivajo tudi na razvoj besedotvornih sistemov.

0.2. Empirična raziskava večjega števila glede na *Slovar slovenskega knjižnega jezika* novih tvorjenk [Logar 2003] je pokazala, da so v slovenščini med tvorjenimi besedami s skoraj polovičnim deležem še vedno najproduktivnejše navadne izpeljanke, s tretjinskim deležem pa jim sledijo medponskoobrazilne zloženske. Podobne podatke o prevladujoči izpeljavi potrjujejo tudi besedne družine iztočnic na B [Stramljič Breznik 2004], medtem ko je delež medponskih zloženk v celotnem deležu zloženk blizu štiridesetodstoten.

Tuje in domače raziskave torej potrjujejo porast medponskoobrazilnega zlaganja kot posledični vpliv globalizacijskega jezika, in ne samo to, v poslednjem desetletju se je povečala tudi hibridizacija tvorjenk na sploh. To pomeni, da tudi v slovenščino ne prihajajo samo prevzete zloženske, ki se bodisi docela prilagodijo slovenskemu jeziku ali ostajajo v citatni obliki, marveč se s prevzetimi korenskimi ali obrazilnimi morfemi družijo tudi domači morfemi, zaradi česar prihaja do hibridov [Babić 1986: 44] oz. različnih tipov hibridnih tvorjenk, ki jih lahko poimenujemo tudi mešanke [Stramljič Breznik 1992:411-427].

1. Globalna družba – globalni jezik

1.0. Vpliv angleščine na slovenski jezik se je v zadnjem desetletju zaradi močnih globalizacijskih tokov izjemno povečal, čeprav najzgodnejši vplivi angleščine na slovensko besedje segajo v 17. in 18. stoletje, ko so angleške besede prihajale v slovenščino v glavnem prek nemščine kot posredniškega jezika [Šabec 2002:83]. Tudi danes gre za posredno prevzemanje, saj večina slovenskih govorcev ne prihaja v neposredni stik z angleškimi, ampak za pretok skrbi globalni informacijski sistem, ki je za svoj kod izbral angleščino.

1.1. Določen jezik v družbi doseže globalni status, ko ga kot takšnega prepoznajo v vsaki državi po svetu. Za nastanek globalnega jezika je pomembna tudi razširjenost jezika, vendar ga morajo podpirati še drugi praktični razlogi, tj. posredniška vloga v narodnostno heterogenih političnih, ekonomskih in drugih združbah. Sprejem takega jezika pa ni pogojen z estetskimi ali slovničnimi lastnostmi (npr. nezapletenost slovničnih pravil), ampak jezikovna moč izvira iz politične, vojaške in ekonomske moči države. Globalni jezik [Ada Vidovič Muha 2003] je jezik interesno globalne informacije in ga določa tematska univerzalnost (znanost, informacijska tehnologija, politika, gospodarstvo idr.). In to vlogo je prevzela angleščina v drugi polovici dvajsetega stoletja [Crystal 1997].

Njen vpliv je danes opazen v vseh evropskih jezikih. To najbolj ponazarjajo hibridna poimenovanja [Muhvič-Dimanovski 2005:42]: *franglais*, *svengelsk*, *Denglish*, *Spanglish*, *evroangleščina*. Krajnc in Skitek [2007] sta z *angliško* označili jezik v besedilih slovenskih klepetalnic, podobno kot Radio Slon in sadež znamenito *anglaševanje*, ki je »poseben jezikovni prijem, ki se uporablja izključno znotraj ljubljansčine. Pri anglaševanju nadomestimo slovenske besede z angleškimi in jih nato sklanjamo in spregamo, kot bi bile slovenske«.

1.2. Vpliv angleščine na slovensko besedje je viden na vseh področjih delovanja in v različnih zvrsteh, še posebno pa je očiten v medijih [Valh Lopert 2005] in tudi v govoru mladih. Zlasti pri slednjih gre namreč za neformalno varianto občevalnega jezika, za katero je tipično ustvarjanje novih besed ali pa stare dobijo nov, drugačen pomen, ob tem pa gre pogosto še za hoteno vključevanje tujejezičnih prvin.

2. Tipologija hibridizacije v novejših slovenskih tvorjenkah

2.0. Raziskava se osredinja na pregled tistih tvorjenk v slovenščini, ki so nastale bodisi s kombiniranjem domačih in prevzetih morfemskih prvin bodisi se posamezna prevzeta podstava deloma ali v celoti prilagodi slovenskemu glasoslovnemu in oblikoslovnemu sistemu in postane produktivana tako, da tvori celotno besedno družino. Gradivo je bilo zbrano na spletu od decembra 2007 do januarja 2008, in sicer v treh sklopih: (1) iz različnih blogov in klepetalnic, (2) po tiskanih ali elektronskih časnikih in revijah (*Mladina*, *Delo*, *Večer*, *Joker*, *Blogorola*) in v obeh korpusih nacionalnih jezikov *Nova beseda* in *Fidaplus*.

2.1. Hibridne zloženke s krnjenim prvim delom prevzete besede

2.1.0. Med hibridnimi tvorjenkami v slovenščini velja v prvi vrsti izpostaviti opazno skupino zloženek, katerih prvi deli so nastali s krnjenjem prevzete korenске besede in so v omenjeni raziskavi slovanskih jezikov [Ohnheiser 2003] predstavljeni kot najproduktivnejši ali novopojavljajoči se tvorbeni morfemi. Podrobnejša raziskava tovrstnih pojavov slovenščini je bila že opravljena [Stramljič Breznik 2005b:7-30]. Najprej je bilo preverjeno, ali so kot prvi deli zloženek že registrirani v *Slovarju slovenskega knjižnega jezika* (SSKJ), *Slovenskem pravopisu* (SP 2001) ali *Velikem slovarju tujk* (VST 2002).

Preglednica 1: *Abecedna razvrstitev prvih delov zložen in prikaz v slovenskih slovarjih*

Prvi del zložen	SSKJ	SP	VST
1. aero-	+	+	+
2. agro-	–	+	+
3. avdio-	+	+	+
4. balneo-	–	+	+
5. biblio-	–	+	+
6. bio-	+	+	+
7. disko-	–* ²	+	+
8. e-	–	+	–
9. ego-	–	+	+
10. eko-	–	+	+
11. elektro-	+	+	+
12. energo-	–	–	–
13. etno-	–	+	+
14. evro-	–	+	+
15. fizio-	–	+	+
16. fono-	+	+	+
17. foto-	+	+	+
18. globalo-	–	–	–
19. hidro-	+	+	+
20. homo-	+	+	+
21. info-	–	–	–
22. kiber-	–	–	+ ³
23. kino-	+	+	+
24. krimi-	–	–	–
25. mafio-	–	–	–
26. makro-	+	+	+
27. melo-	–	+	+
28. meteoro-	–	–	+
29. mili-	+	+	+
30. mobi-	–	–	–
31. moto-	+	+	+
32. narko-	–	+	+
33. neo-	+	+	+
34. nevro-	+	+	+
35. poli-	+	+	+
36. porno-	+	+	+
37. psiho-	+	+	+
38. radio-	+	+	+
39. seks-	–	+	+
40. socio-	+	+	+
41. stereo-	+	+	+
42. tehno-	–	+	+
43. tele-	+	+	+
44. turbo-	+	+	+
45. vibra-	–	–	vibro-
46. video-	+	+	+

Sledila je omejitev na natančnejšo obdelavo le tistih, ki ali v SSKJ ali SP ali VST niso zajeti, in sicer tako, da je številsko na podlagi gradiva korpusa *Nova*

² Oznaka – * pomeni, da je vir prvino označil kot nesklonljiv prilastek in navajal le besednozvezni zgled, npr. *disko klub*, *disko glasba*, *seks bomba* ipd.

³ V VST (2002, 567) je *kiber-* označen kot predpona s pomenom, ki se nanaša na umetne organizme, računalništvo ipd., npr. *kiberprostor*, in ne kot prvi del zložen.

*beseda*⁴ predstavljena družljivost z domačimi ali prevzetimi morfemi, med katerimi posebno mesto zavzemajo: a) kombinemi, imenovani tudi konfiksi. Bese-dotvorni morfemi se namreč delijo na korenske morfeme in kombineme. V okviru kombinemov pa nastopa delitev na dve položajsko vezani skupini morfemov. Prvo predstavljajo afiksi, ki jih v slovenski literaturi prepoznamo kot t. i. pone [Toporišič 1992:193], in nikoli ne morejo biti podstava. Drugo skupino pa sestavljajo (pri nas doslej še neimenovani, čeprav že v popis urejeni [Toporišič 1996:113-116] konfiksi, ki jih z afiksi družijo lastnost vezanih morfemov, a od afiksov loči pomenskost, ki jih družijo s korenskimi morfemi, čeprav se vselej pomensko ne pokrivajo z besedami, s katerih krajšanjem naj bi nastali. Konfiksi so lahko v prvem (*ekodavek*) ali drugem (*diskoteka*) ali obeh delih (*avtomat*) zloženek, v germanistiki imenovanih tudi Konfixkomposita [Fleischer, Barz 1992:67].⁵

Zaradi omejenosti prostora je tukaj prikazan le prvi del zloženke, ki je po izvoru internacionalizem, to je *evro-*. Nastal je s krnjenjem podstave *evropski* > *evro-* (*evročakalnica*) in se ustalil tudi kot samostojna beseda za denarno valuto (*evro* -a m).

Zanimivo je, da je delež takšnih tvorjenk v SP kot novejšem slovarskem priročniku relativno majhen. Številke v oklepaju pomenijo pojavitev v besedilnem korpusu *Nova beseda*, pod točko (a) so abecedno razvrščene domače, pod (b) prevzete podstave, pod (c) konfiksi.

2.1.1. Evro-/evro-:

a) -besednjak (2), -bitka (1), -blagajna (4), -čakalnica (3), -članica (1, -čokolada (1), -davek (1), -dejanka (2), -denar (5), -desnica (1), -dežela (104), -dosežek (1), -družčina (1), -država (12), -državljan (2), -duša (1), -dvanajsterica (1), -dvom (1), -dvomljiv (1), -dvomljivec (3), -dvomljivstvo (1), -enajsterica (3), -glasben (1), -gospodarski (1), -gospodarstvo (5), -gospod (1), -gotovina (1), -hlinež (3), -izkušnje (2), -izvedenec (1), -jezičnost (2), -jezik (2), -kmetijski (2), -kmetijstvo (1), -kmet (1), -kolesje (1), -korenček (1), -košarica (3), -kovanec (8), -kuhinja (2), -latovščina (1), -levica (4), -levičar (1), -lista (14), -ljub (1), -lovec (1), -mreža (20), -nadzornik (1), -nalepka (9), -naložba (1), -napaka (1), -napoved (1), -navada (1), -navdušenec (11), -navdušenje (3), -navdušenka (1), -nederček (1), -nergač (1), -neumnost (1), -nogomet (1), -novička (1), -oblastnik (1), -območje (640), -obresti (13), -obresten (1), -obveznica (91), -odhodek (1), -oglaševanje (1), -oglednik (1), -opazovalec (1), -opazovalka (2), -oporečnost

⁴ Besedilni korpus *Nova beseda* ni referenčni. Nastal je na Inštitutu za slovenski jezik Frana Ramovša pri Znanstveno-raziskovalnem centru Slovenske akademije znanosti in umetnosti.

⁵ Tukaj velja opozoriti na možnost osamosvajanja takih prvin oz. njihovega obstoja tudi kot leksikalnih enot, npr. *bio-* (*biovreme*) : *bio* (*Hrana je bio*); *-meter* (*barometer*) : *meter* (*Prinesi meter*); *mobi-* (*mobi-kartica*) : *mobi* (*Imam nov mobi*). Zdi se, da se prvotno zloženka sestavina šele kasneje osamosvoji kot leksikalna enota (npr.: *mobi(len)* --> *mobi-* (*mobitel*) --> *mobi*. Fleischer, Barz (1992, 68) v takih primerih govori o homonimih, npr. *Meter* proti *-meter*.

(1), -opozorilo (1), -osveščenost (1), -pacarija (1), -palček (1), -papir (1), -pas (4), -plača (2), -podatek (1), -podoba (1), -poenoten (1), -pogajalec (1), -pogodba (1) -pogovor (2), -pokrajina (5), -polom (8), -položaj (1), -pomoč (1), -poročilo (1), -posadka (1), -posestnik (1), -poslanec (474), -poslančev (1), -poslanka (13), -poslanski (12), -poslanstvo (1), -posloven (1), -posodobitev (1), -posojilo (4), -potrošnik (1), -povezava (1), -povprečje (1), -poznavalec (1), -prebivalec (1), -predor (1), -predsednik (1), -predstavitev (1), -prihodek (1), -presežek (1), -priimek (1), -priključkar (1), -primanjkljaj (1), -pritisk (2), -proračun (5), -proračunski (1), -prostor (1), -pšenica (1), -puhlica (2), -račun (2), -rast (1), -raziskava (81), -raven (19), -razprava (1), -sad (26), -sador (2), -skupina (317), -slavizem (2), -slovenizacija (1), -slovenstvo (12), -slovenščina (5), -smeh (1), -sosed (1), -sosedski (1), -splavar (2), -sredozemski (8), -stolček (1), -stopnica (1), -stotina (1), -strah (1), -stran (1), -streznitev (19), -sumničav (1), -svet (2), -školjka (2), -šok (2), -tiralica (1), -točka (1), -tolar (3), -trg (10), -tržen (2), -tujec (2), -umetnik (1), -uradnik (6), -uradništvo (1), -urnik (1), -uspešnica (1), -ustanova (1), -ustava (5), -ustrežljivost (1), -uvozen (1), -vas (1), -veledržava (1), -velesila (1), -veselica (81), -vinski (1), -vključevanje (1), -vojak (1), -vojska (5), -volilen (1), -volitve (1), -vprašalnik (1), -vrabec (2), -vrh (2), -vseved (1), -vščeečen (1), -vzhičenost (1), -zadeva (1), -zakon (1), -zanesenjak (1), -zanesenjaštvo (1), -zarota (1), -zastava (1), -zavest (1), -združevanje (1), -zgodba (1), -zgodovina (1), -zgodovinski (1), -zvezda (1), -želja (1), -živčnost (1); **b**) -angleščina (4), -bankovec (12), -afriški (5), -ambicija (1), -američan (1), -ameriški (9), -antagonist (1), -apatija (1), -atlatski (759), -atlantik (3), -atom (2), -avtobus (1), -azijec (1), -azija (5), -azijski (64), -balkanski (1), -bankir (1), -barometer (135), -best (1), -bilten (5), -birokracija (12), -birokrat (32), -blablafon (1), -birokratski (2), -borza (1), -bus (15), -care (1), -cent (3), -center (5), -centričen (10), -centričnost (3), -centrik (4), -centrist (1), -centrizem (15), -centrističen (1), -ciklus (1), -city (3), -cona (3), -controla (1), -ček (2), -čekovno (1), -čip (4), -debata (1), -demagogija (1), -demokrat (1), -demokratičen (1), -demokratizacijski (1), -demokratski (1), -denominiran (1), -design (1), -diplomacija (1), -direktiva (1), -disk (1), -dizel (39), -dolar (11), -dolarski (22), -ekonomija (1), -ekspanzionizem (1), -ekspert (1), -elektron (2), -entuziast (3), -entuziazem (3), -evforija (4), -evforika (2), -evforik (1), -evropa (1), -fanatik (1), -federacija (1), -federalist (1), -federalizem (1), -fenomen (2), -fighter (1), -flegmatik (5), -fobija (6), -fobist (1), -forint (1), -forum (2), -foteljček (1), -francoščina (3), -funkcionar (2), -funtovski (1), -gaullističen (1), -globalizacija (1), -gol (74), -idealist (1), -ignoranca (1), -imagovec (1), -indekds (1), -inflacija (2), -informacijski (1), -institucija (5), -inšpekcija (6), -inšpektor (46), -inšpektorski (1), -integracija (10), -integracijski (1), -intelektualec (1), -islam (2), -juristični (1), -just (8), -kader (1), -kandidat (5), -kapitalizem (3), -kariera (1), -kartica (1), -kategorija (1), -kič (1), -klasik (1), klavzura (1), -klub (4), -koda (2), -komedija (1), -komisar (7), -komisija (1), -komunisti (2),

-komunističen (1), -komunizem (7), -kondom (2), -kontrola (6), -koprodukcija (1), -krema (1), -krem (1), -kritičen (2), -kritika (2), -kritik (3), -kultura (1), -kunski (1), -kvota (1), -land (63), -landija⁶ (15), -licenca (1), -liga (3312), -ligin (4), -ligaši (114), -ligaški (122), -lobist (1), -mafijski (1), -manager (1), -mandat (2), -manija (2), -manira (1), -masters (1), -melodrama (1), -menedžerjev (1), -metropala (1), -milijonar (6), -minimalističen (1), -minister (2), -miting (1), -monetaren (3), -money (1), -muzika (1), -nacionaliziran (1), -naiven (1), -norma (2), -nostalgija (1), -oponent (6), -optimist (2), -optimističen (1), -optimizem (5), -orientalski (1), -paleta (3), -park (15), -parlament (154), -parlamentarec (172), -parlamentarka (4), -parlamentarni (3), -partnerski (2), -patent (1), -paternalizem (1), -plus (1), -pokal (1), -pol (53), -policist (2), -politični (1), -politika (5), politik (3), -pop (1), -populističen (1), -pragmatik (1), -problem (1), -produkcija (1), -program (81), -projekt (1), -promotor (1), -propaganda (1), -radio (2), -radijski (9), -raketa (1), -realist (8), -realističen (5), -realizem (5), -reforma (1), -regija (244), -regionalen (1), -regulator (1), -režiser (1), -scena (59), -serija (81), -servilnost (1), -sistem (6), -skepticizem (113), -skepsa (9), -skeptičen (129), -skeptičarka (1), -skeptik (314), -skeptizem (1), -skleroza (9), -snob (1), -socializem (1), -socialni (1), -song (100), -songovski (1), -spea (1), -specialist (1), -spektakel (2), -spektakelski (1), -spin (7), -sport (2), -standard (1), -standardizacija (1), -standarden (1), -star (1), -statistika (2), -strokovnjak (1), -subvencija (1), -super (28), -suproliga (1), -šerif (1), -šoping (1), -taoizem (4), -team (1), -terme (5), -torzo (1), -trans (1), -transplant (16), -trilogija (1), -tunel (3), -tunnel (3), -unija (2), -unijski (2), -valuta (3), -vinjeta (14), -vision (1), -vizija (186), -vizijski (109), -žargon (4); **c**) -fest (15), -fil (12), -filist (1), -filski (2), -fob (2), -fobičen (1), -fobičnost (1), -foben (81), -fobski (81), -fon (12), -for (1), -forija (3), -foričen (1), -kaz⁷ (3), -kopter⁸ (6), -kracija (155), -krat (163), -kratek (1)- kratki (3), -log (3), -logija (1), -marfor⁹ (1), -mont (1), -stat¹⁰ (191), -trade (2).

Med najpogostejšimi *evro*-tvorjenkami so tiste, ki imajo v podstavi *-lig(a/in/aš/aški)* (3552), *-območje* (640), *-skep(ticizem/sa/tičen/tičarka/tik/tizem)* (567), *-poslan(ec/ka/ski/stvo/čev)* (501), *-kra(t/tek/tski/cija)* (322), *-skupina* (317), *-reg(ija/ionalen)* (245), *-stat* (191), *-gol* (74), *-inšpektor(ski)* (47), *-fest* (15), *-fil(ist/ski)* (15).

⁶ Nova beseda: Evropska unija bo tudi na zunaj poskušala postati eno, *Evrolandija*.

⁷ Nova beseda: Izpostavil bi veliko gibanje *Evrokaz*, to je alternativni teater.

⁸ Nova beseda: Bavarce po njegovih besedah že zdaj zelo zanima pristanišče Koper, zainteresirani so za številne druge projekte (na primer za opremljanje slovenske policije z "*evrokopterji*"), precej interesa ...

⁹ Nova beseda: Na zmogljivosti korpusa se kajpak lahko opre tudi Unija, zato bi skupaj z združenimi mornariškimi zmogljivostmi Francije, Španije, Italije in Portugalske (*Evromarfor*) in kopenskimi silami (*Evrofor*) lahko sestavljal jedro bodočih evropskih enot ...

¹⁰ Nova beseda: ... tudi evropska statistika *Evrostat* je objavila statistiko zaposlovanja ...

2.2. Druge opazne skupine hibridnih tvorjenk

2.2.0. Hibridne tvorjenke različnih besedotvornih vrst, med katerimi so številne zloženske, predstavljajo kombinacijo internacionalnih in domačih morfemskih prvin, in to po domačem ali tujem tvorbenem modelu.

2.2.1. Hibridi prvega tipa prevzeto podstavno prvino s tipičnimi domačimi tvorbenimi morfemi umeščajo v domač besedotvorni vzorec po zakonitostih slovenskih besedotvornih vrst, tako da je zlahka najti ustrezni domači model, ki je bil pri tem uporabljen:

a) glagolske ali samostalniške izpeljanke: *džuskati, konektati, twixati; grafitar, marketingar, stripar; monitoriranje, overdoziranje, panoramiranje;*

b) zloženske: *alkoljub* (po npr. *rodoljub*), *fotopis* (npr. *potopis*), *seksoslovje* (npr. *jezikoslovje*), *stripoigra* (npr. *veseloigra*), *kardiovadba* (npr. *telovadba*);

c) sestavljanke: *skonzumirati, zreklamirati, zMENTOSati se.*

2.2.2. Hibridi drugega tipa predstavljajo prav tako kombinacijo domačih in prevzetih prvin, toda po analogiji tujega tvorbenega vzorca. V to skupino poleg zloženk (npr. kvazi-: *kvazipametnjakovič, kvazisvoboda, kvazimaneken, kvazizdravjebrižnik, kvazimučeniški*; mega-: *megaslaven*; multi-: *multifant* ipd.), obravnavanih že v točki 2.1., sodijo take, kjer je prevzeta prvina v drugem delu (npr. -fest: *bogračfest*; -fil: *Pohorjefil*; -fob: *romofob*; -gate: *rupargate*; -holik, -holičarka, -holizem: *čokoholik, fotoholik, šopingoholik, stripoholik; filmoholičarka, čokoholizem*; -kracija: *torbokracija*; -land, -landija: *Jonasland, Štajerland; črkolandija, Evrolandija, Qlandija*; -logija: *mehurčkologija, zobologija*; -mat: *slikomat, zdravkomat*; -meter: *kozmetometer, slinomater, županometer*; -mobil: *mamamobil*; -pedija: *telopedija*; -skop: *glasboskop, smrkoskop, Mariskop*; -teka: *smehoteka*).

Med predponskimi obrazili sestavljenk pa sta pogostejši: anti-: *Antipeterle, Antijanša* in post-: *postpleničarski*.

2.2.3. Hibridi tretjega tipa nastajajo s sklapljanjem. Sklapljanje velja za nesistemske tvorbeni vzorec (Vidovič Muha 1988), ker ni mogoče predvideti niti števila predmetnopomenskih besed niti slovničnega razmerja med njimi. Sklopi se lahko besedna zveza (*vsak-dan, vse-za-domovino-dom-cesarja*), stavek (*Maribor-je-ful-bomba*), vse pogosteje pa tudi različni krni (*šok-umentalec*). Take sklopljenke je mogoče družiti v dve skupini.

2.2.3.1. Tvorjenka nastane s sklapljanjem krna in cele besede ali dveh krnov, ki ohranjata prepoznavna dela obeh besed iz besedne zveze. Včasih pa je dodana še kakšna sestavina, ki lajša izgovor. Novotvorjenka lahko vsebuje še prvino zvočnega slikanja – rime: *dokuportret < doku(mentirani) portret; Türkinon < Türk + (Can)non* 'fotoaparati, ki ga je fotografsko društvo podarilo predsedniku države'; *globelost < glob(alna) (deb)elost; multikulti < multikult(uren); ornitopter < ornito(logija) + (heliko)pter; šokumentarec < šok(antni) (dok)umentarec; urboturbo < urb(ani) turbo(folk)*.

2.2.3.2. Pri sklopljenih krnih gre za prekrivanje v posameznih črkovnih sklopih kot presečnih množicah: (*E*)*stradanje* < 'novice iz sveta estrade', dvoumno: *Estrad-anje* : *E-stradanje*; *estradamus* < *Estrada* + *Nostradamus*; *guvernator* < *guverner* + *terminator*; *rapostol* < *rap* + *apostol*; *LiteRadio* < *literatura na radiu*; *robolucija* < *robotska revolucija*; *sekskurzija* < *seksualna ekskurzija*.

2.3. Besedne družine

2.3.0. Tu so prikazane besedne družine, ki v slovenščini nastajajo iz angleških podstav, ki so citatne, transliterirane ali pa le enakoizraznice (homonimi) oz. enakopisnice (homografi) in enakoglasnice (homofoni) v obeh jezikih. Posebej pa bo izpostavljena obsežna besedna družina prevzete besede *blog*, ki je zaradi neproblematične prilagoditve slovenskemu slovničnemu sistemu po analogiji ali blizuzvočnosti z drugimi podobnimi besedami izoblikovala obsežno leksemsko združbo. Angleški iztočnici sledi prikaz prevzemanja v slovenščino in nastanek drugih členov besedne družine. Pred tvorjenko je v oklepaju zapisana stopnja tvorbe. Če je beseda v oklepaju z zvezdico, pomeni, da v zbranih gradivskih virih ni bila potrjena, vendar je mogoče zaslediti iz nje nastalo višjestopenjsko tvorjenko. Iz nacionalnega referenčnega korpusa *Fidaplus* ali spletnega vira je dodan primer sobesedilne rabe za zadnjo tvorjenko.

2.3.1. Besedna družina z ohranjeno citatno angleško podstavo: angl. *blog*¹¹ glag. 'pisati blog'; sl: (**blogg-ati*) > (1.) *blogg-ar*, *blogg-anje*, *blogg-er* > (2.) *blogger-ski* (Meg se v svojem blogu ukvarja predvsem s spletom in *bloggersko* družčino); angl. *Google*; sl.: *Google* > (1.) *Googl-ov*, *Googl-er*, (**googl-ati*) > (2.) *googl-aš*, *googl-anje* (...), da se v pogovornem jeziku med spletnimi uporabniki uporablja izraz *googlanje* kot nadomestek za iskanje).

2.3.2. Besedna družina z v slovenščini napačno vzpostavljeno citatno angleško podstavo:

angl. *loser* sam. 'poraženec, zguba; sl. *looser* > (2.) *looser-stvo*, *looser-ski* (...), ampak na najbolj *looserski* način, s strelom v usta). Beseda *looser* je dobila napačno citatno podstavo na podlagi angleškega izgovora dveh glagolov. Glagol *to loose* 'zrahljati, popustiti' se izgovori *lus*; glagol *to lose* 'izgubiti, ostati brez' pa *luz*. V tem primeru gre za t. i. psevdocitatnost, za katero pa se skriva zgolj pomanjkljivo znanje angleščine.

¹¹ Iztočnic *blog* VASS še nima. Simon Krek, urednik slovarja, pojasnjuje, da angleški glagol *to blog* vsekakor obstaja, težava je le v tem, da novi izrazi v slovarje prihajajo z zamudo. Novi angleško-slovenski slovar opisuje angleščino nekje do leta 2001/2002, predvsem prva knjiga, kjer je črka B. Pravi razmah blogov se je zgodil okrog leta 2004, ko so tudi "resni" angleški slovarji začeli beležiti to besedo. Načeloma pa se je *blog* rodil s krajšanjem besede *weblog*, ki je starejša in je v slovarju. Baje gre za besedno igro "*we blog*" – *mi blogamo*. Nedoločnik glagola je v angleščini torej *to blog* z enim g-jem, dva pa dobi pri zloženkah po angleških besedotvornih pravilih, kjer pred obrazili, ki se začnejo s samoglasnikom, podvojimo končni soglasnik, če je pred njim samostojni naglašeni samoglasnik (*blogger*, *blogging* itd.). Slovenci očitno torej za izhodišče jemljejo eno ali drugo obliko. Podobno je mogoče ugotoviti tudi za *mobbing*, ki ga v VASS še ni.

2.3.3. Besedna družina s pisno podomačitvijo angleške podstave:

angl. *mobbing*;¹² sl. *mobing* 'psihosocialno nasilje, trpinčenje na delovnem mestu' > (1.) (**mob-irati*) > (2.) *mob-ator*, *mob-ist*, (**mobir-an*) > (3.) *mobiran-ec* (... pretiranega zadovoljstva z izrazom *mobing* tudi kljub zapisovanju v slovenjeni obliki v slovenski javnosti nihče ne izraža, še težje gredo z jezika izpeljanke *mobiranec* (žrtev mobinga) ter *mobator* ali *mobist* (tisti, ki izvaja mobing, [Večer, februar 2007]).

2.3.4. Besedne družine s pisno podomačitvijo angleške podstave na podlagi izgovora:

angl. *approve* glag. 'odobriti; odobravati'; sl. sam. *apruv* 'odobritev' > (1.) *apruv-ati* > (2.) *apruva-n* (Messino je *apruvan*);

angl. *board* sam. 'deska'; *boarder* 'deskar/-ka'; sl. *bord* > (1.) *bord-ati* > (2.) *bord-anje*, *bord-er* > (3.) *border-ka*, *border-ski* (ampak sodi v svetovni *borderski* vrh);

angl. *break* sam. 'prekinitiv, premor, predah'; glag. 'prekiniti'; sl. sam. *brejk* > (1.) *brejk-ati* (če me boste stalno *brejkali*, ne bom mogel ničesar povedati);

angl. *breakdance* glag. 'plesati breakdance'; sl. *brejkati* (pridemo v prazno halo in začnemo *brejkati*) > (2.) *brejk-er* > (3.) *brejker-ka*, *brejker-ski* (Ko bo *brejkerski* finale v zadnji uri dneva rodil najboljše);

angl. *cancel* sam. 'preklic'; glag. 'preklicati'; sl. *kensl* > (1.) *kensl-ati* > (2.) *kensl-anje* > (3.)

s-kenslati (Če bi te hoteli *skenslati*, bi te itak);

angl. *check* sam. 'pregled', glag. 'pregledati'; sl. glag. *ček-irati* > (1.) *čekir-anje*, *po-čekirati*, *pre-čekirati* (Je pa zelo zgovorna in te *prečekira* takoj);

angl. *cool* prid. 'obvladan, priseben; frajerski, mega'; sl. *kul* > (1.) *kul-irati*, *kul-ski* > (2.) *s-kulirati* > (3.) *skulira-n* > *skuliran-ost* (Premore temperament, zavestno in lepo odmerjeno dozo *skuliranosti*);

angl. *cruise* glag. 'križariti'; sl. *kruz-ati* > (1.) *kruz-anje*, *kruzaj-oč*, *kruz-er* > (2.) *kruzer-ski* (Zabrundal naj bi v njihovem *kruzerskem* modelu);

angl. *dance* sam. 'ples, plesanje'; glag. 'plesati'; *dancer* 'plesalec-lka'; sl. *dens* > (1.) *dens-ati*, (2.) *dens-anje*, *od-densati*, *za-densati*; sl. *dens-er* > (1.) *denser-ka* (... go-go *denserke* se ne najemajo posamično);

¹² V korpusu Fidaplus so 104 pojavitve besede *mobbing*, vendar ne tudi še kakšna druga tvorjenka s podstavo *-mobb-*. Zasedimo pa naslednjo razlago:

Takšnemu odnosu pravimo »mobbing«; izraz izhaja iz angleškega glagola "to mob", ki pomeni napadati. Pravzaprav je izposojen iz živalskega sveta, znani etolog Konrad Lorenz je namreč z njim označil napadalno vedenje večjih ptic roparic do manjših, kadar jim hočejo zasesti gnezdo. Povsem primeren pa je tudi za opis vsakodnevnega pojava v delovnem okolju. Prvi so ga povzeli švedski strokovnjaki, ki so v 70. letih raziskovali nasilno vedenje otrok do vrstnikov v šoli. Ker nasilno vedenje med otroki spremljajo fizični napad in grožnje, se vse več raziskovalcev odloča, da psihološko teroriziranje med otroki in dijaki v šolah imenujejo "bullying" (prepotentnost, tiranstvo), subtilnejšo obliko psihosocialnega terorizma, katerega cilj je socialna osama žrtve v delovnem okolju, pa »mobbing«. Heinz Leymann, nemški zdravnik, specialist medicine dela, je v začetku 80. let prevzel ta izraz, da je z njim opisal "psihološki terorizem na delovnem mestu, točneje tiste oblike nasilja, pritiskov in psiholoških oblik agresije, zaradi katerih se posamezniku zruši njegov obrambni sistem in resno zbolí".

angl. *fake* sam. 'ponaredek; prevarant; prevara; finta'; sl. *fejk* > (1.) *fejk-ica*, (**fejk-ati*) > (2.) *fejk-anje*, *s-fejkati*, *fejk-er* > (3.) *fejker-ka* (Naša Pikica je pa way pretter kot tale *fejkerka*);

angl. *flat* 'stanovanje'; sl. *flet* > (1.) *flet-ek* (... da si najdem *fletek*, da se selim);
angl. *Google*; sl. *gugl* < (1.) *guglkuhanje*, *guglblefer*, *guglboj*, *guglati* > (2.) *gugl-anje*, *gugl-ovanje*, *gugl-ar*, *gugl-er*, *po-guglati* (Tako je danes že v uporabi beseda *poguglati*);

ang. *loser* 'poraženec, zguba': sl. *luz-er* > (1.) *luzer-ček*, *luzer-ka*, *luzer-ski* (V *luzerskih* klubih pa pač ni zvezdnikov);

angl. *move* glag. 'premikati se'; sl. *muv-ati* > (1.) *muv-anje*, *muv-ing*, *muv-er* (Ej, slo muska je en podn. bepop pa game over (beri gay *muver*);

angl. *scroll* glag. 'premakniti se, drseti'; sl. *skrol-ati* > (1.) (**skrol-er*) > (2.) *skroler-ček* (je iz mehke gume in nudi malce več upora kot *skrolerčka* pri logijih).

2.3.5. Besedna družina s svobodno podomačeno angleško podstavo:

angl. *download* glag. 'naložiti, presneti'; sl. *downlovd-ati*, *downloud-ati* > (1.) *downloud-anje* (Na glasbeni sceni lahko "*downlovdate*" pesem; ... potem je *downloudanje* čisto simpl). V prvem delu je *ow* podomačen v *ov* (*down*), običajnejše je namreč podomačenje po pravilih za izgovor angleških črk (*ow* > *av*): zapis *davn* in izgovor *daun*. V drugem delu *-lovd/loud-* je slovensko prečrkovanje (*oa* > *ov*) ustrezno.

2.3.6. Besedna družina, katere podstava je v zapisu identična v slovenščini in angleščini, ne pa v izgovoru: angl. *spam* 'nezaželena elektronska pošta'; sl. *spam* > (1.) *anti-spam*, *spam-(ar/er)*, (**spam-ati*) > (2.) *spam-anje*, *spam(ar/er)-ski* > (3.) *anti-spamerski* (Treba je imeti *antispamerski* program).

2.3.7. Besedna družina, katere podstava je v zapisu in izgovoru lahko identična v slovenščini in angleščini (vendar prim. tudi možno ameriško izgovorjavo: VASS I, 88): angl. *ask* 'vprašati': sl. *ask-ati* < (1.) *ask-anje* (*Askanje* ni greh).

2.3.8. Analogno oblikovana besedna družina besede *blog*

Posebej zanimivo je, da je beseda *blog* dobila že samosvojo slovarsko leksemsko združbo¹³ iz več kot stotih besednozveznih ali besednih enot, združenih pod naslovom *Blogerski neologizmi* (*neoblogizmi*). Tvorjenke iz *blog* so nastale po analogiji že obstoječih blizuzvočnih tvorjenk. Tako jih ima velik delež vzporednice v tvorjenkah s korenskim morfemom *-bo(g/ž)-*, npr.: *bloglonaj* po *boglonaj*, *blogoskrunstvo* po *bogoskrunstvo*, *blogoslužje* po *bogoslužje*, oz. vzpostavljen cel sistem analogne tvorbe po drugih tvorjenkah s tipičnimi tvorbenimi morfemi za prepoznavne pomenske kategorije: *blogodajalec* < *delodajalec*; *blogovišče* < prostor kot *igrišče*, *letovišče*; *blogun* < slabšalno kot *vohun*, *grdun*. V ponazoritev navajam vse zbrane tvorjenke, razvrščene po temeljnih besedotvornih vrstah.

¹³ [Http://vzohdniblog.ednevnik.si/?w=janalumnus&category=blogologija](http://vzohdniblog.ednevnik.si/?w=janalumnus&category=blogologija).

Izpeljanke: *blog-ada, blogajna, blogastično, blogat, blogataš, blogator, blogicizem, blogika, bloginja, bloginje, bloginjščica, blogirati, blognat, blogniti, blognje, blogok, blogji, blogon, blogovina, blogovišče, blogovit, blogovnica, blogovski, blogulja, blogun, bložanski, bložki, zabložiran, zabložiranec*; tvorjenke iz predložne zveze: *brez-blož-je, medbložje, pribložje*.

Zloženke (podredne medponsko-priponske, npr. *blog-o-ljub-je*, ali podredne medponske, npr. *blog-o-dajalec*): *blogaboječ, blogodajalec, blogodržec, blogofil, blogoglasno, blogojemalec, blogokleten, blogoskop, Blogoljub, Blogoljuba, blogoljubje, blogologija, blogolom, Blogomil, blogomor, blogopis, blogopisec, blogoskrunstvo, blogoslovje, blogoslužje, blogostrastno, blogosumje, blogošpegec, blogotaj, blogotišje, blogotožje, blogotrebec, blogotvorec, blogovid, blogoznanstvo, blogodržen, blogomrzje, enobloštvo, mnogobloštvo*.

Sestavljenke: *de-blogirati, izblogirati, najblogji, Nebložje, poblogati se, razblogirati, sobložje, transblogirati, zabložati se*.

Sklopi: *hvala-blogu, zabloga, blogme, blogsigavedi, blogopališče < blog + (pok)opališče*.

3. Sklep

Zbrano gradivo hibridnih tvorjenk, ki so velikokrat značilne za netradicionalno in k afektaciji težečo uporabo spletnega jezika mladih ter za ustvarjanje publicističnih priložnostnic, vzorčno prikazuje raznolike možnosti prepletanja domačih in prevzetih jezikovnih prvin v nove kombinacije.

Kljub navidezni stihijskosti pa je mogoče prepoznati tri tvorbene težnje: (1) prevzete prvine prilagajti tvorbenim vzorcem slovenskega jezika, (2) z domačimi prvinami zapolnjevati prevzete tvorbene vzorce ter (3) krajšati in nastale krne kombinirati v nove z letrističnimi prvinami obogatene besede. Prevzemanje tujejezičnih prvin v slovenščino tako ne ustvarja toliko novih tvorbenih vzorcev, ampak pogosteje že ustaljenim širi novo morfemsko kombinatoriko.

Posebno vprašanje pa je seveda normativno vrednotenje takih hibridnih zloženek. Ker je jezikovna raba raznolika in se odziva na vsakdanje komunikacijske potrebe, je zato iluzorno pričakovati uresničitev in uveljavitev načela, da je najbolje, če se domače družijo z domačim in prevzeto s prevzetim. Hibridizacija je danes, kot je bilo prikazano, prisotna pri izpeljankah, sestavljenkah, zloženkah in sklopih. Gre preprosto za jezikovno vsrkavanje prevzetih prvin in njihovo kombiniranje z domačimi in s tem vključevanje v slovenski leksikon. Zato je nujno, da kot odziv na sodobne spremembe v jeziku tudi v slovenščini izdelamo slovar novejšega besedja, ki bo z ustreznimi kvalifikatorji enkratne besedne domisleke (okazionalizme) z obrobja jezikovne rabe ločeval od besednih novosti, ki imajo veliko možnost vraščanja v leksikalo jedro.

Literatura

- Babić S. (1986), *Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku*, Zagreb.
- Crystal D. (1997), *English as a Global Language*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Fleischer (W.), Barz I. (1992), *Wortbildung der deutsche Gegenwartssprache*, Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Krajnc Ivič M., Skitek Š. (2007), *Engliško?*, [In:] Jesenšek M. (red.): *Besedje slovenskega jezika*, Maribor: Zora.
- Logar N. (2003), *Besedotvorna stilistika, Magistrsko delo*, Ljubljana: Filozofska fakulteta.
- Muhvić-Dimanovski V. (2005), *Neologizmi, Problemi teorije i primjene*, Zagreb: Zavod za lingvistiku FF.
- Ohnheiser I. (red.) (2003), *Komparacija współczesnych języków słowiańskich, 1*, [In:] *Słowotwórstwo/Nominacja*, Opole.
- Stramljič Breznik I. (1992), *Izglagolske izpeljanke s pomenom vršilca dejanja*, [In:] *Slavistična revija XL/4*, 411-427.
- (1999): *Prispevki iz slovenskega besedoslovja*, Maribor: Zora.
- (2004): *Besednodružinski slovar slovenskega jezika, Poskusni zvezek za iztočnice na B*, Maribor: Zora.
- (2005a): *Pomembna monografija o besedotvornih spremembah v slovanskih jezikih*, [In:] «*Slavistična revija*» 53/2, 237-243.
- (2005b): *Prevzete in domače prvine v slovenskih zloženkah*, [In:] «*Jezikoslovni. Zapiski*» 11/2, s. 7-30.
- Šabec N. (2002), *Vpliv angleščine na slovensko besedje*, [In:] «*Riječ*» 8/2, 83-89.
- Toporišič J. (1992), *Enciklopedija slovenskega jezika*, Ljubljana: Cankarjeva založba.
- (1996): *Slovenski jezik in sporočanje 2*, Maribor: Založba Obzorja.
- (2000): *Slovenska slovnica, Četrta, prenovljena in razširjena izdaja*, Maribor: Založba Obzorja.
- Valh Lopert A. (2005), *Kultura govora na Radiu Maribor*, Maribor: Zora.
- Vidovič Muha A. (1988), *Slovensko skladijsko besedotvorje ob primerih zloženek*, Ljubljana: Partizanska knjiga.
- (2003): *Sodobni položaj nacionalnih jezikov v luči jezikovne politike*, [In:] Vidovič Muha A. (red.), *Slovenski knjižni jezik - aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje: ob 450-letnici izida prve slovenske knjige*, (Obdobja, 20), Ljubljana: Center za slovenščino kot drugi/tuji jezik pri Oddelku za slovenistiko Filozofske fakultete, 5-25.

Viri

Blogorola: <http://www.blogorola.com> (december 2007–januar 2008).

Delo: <http://www.delo.si> (december 2007–januar 2008).
Joker: <http://www.joker.si> (december 2007–januar 2008).
Korpus Fidaplus: <http://www.fidaplus.net/>
Korpus Nova beseda: <http://bos.zrc-sazu.si>
Mladina: <http://www.mladina.si> (december 2007–januar 2008).
Slovenski pravopis (2001): J. Toporišič (red.), Ljubljana: SAZU in ZRC SAZU.
Slovar slovenskega knjižnega jezika z Odzadnjim slovarjem slovenskega jezika in Besediščem slovenskega jezika z oblikoslovnimi podatki, Elektronska izdaja na plošči CD-ROM, Ljubljana 1998.
Večer: <http://www.vecer.si> (december 2007–januar 2008).
Veliki angleško-slovenski slovar (2005, 2006): S. Krek (red.), Ljubljana: DZS.
Veliki slovar tujk, 2002, M. Tavzes (red.), Ljubljana: Cankarjeva založba.

Hybrydyzacja współczesnych derywatów słoweńskich

Streszczenie

Badania poszczególnych derywatów, charakterystycznych dla niestandardowego i nacechowanego emocjonalnie młodzieżowego języka Internetu oraz dla okazjonalnych tekstów publicystycznych, wskazują na hybrydyzację współczesnej leksyki słoweńskiej. Wyodrębnić można trzy typy mechanizmu jej tworzenia. Po pierwsze, z najbardziej produktywnymi podstawami wyrazów zapożyczonych łączą się elementy rodzime w złożeniach typu *evr-o-besednjak*. W drugim przypadku derywaty powstają z połączenia zapożyczonych i rodzimych tematów według przejętych (*mehurčk-o-log-ija*) lub rodzimych mechanizmów derywacyjnych (*konekt-ati*, *alk-o-ljub*). Do trzeciego typu należą derywaty powstałe z dowolnie skracanych tematów wyrazów zapożyczonych (*šok-umentarec* <*šokatni dokumentarec*), bądź też z wyrazów zapożyczonych powstają całe rodziny leksykalne (ang. *check* sam. 'pregled', czas. 'pregledati'; sł. czas. *ček-irati* > *čekir-anje*, *po-čekirati*, *pre-čekirati*), w większy lub mniejszy sposób przystosowane do reguł gramatycznych języka słoweńskiego.

Jednocześnie wyodrębnić można trzy tendencje w procesie powstawania derywatów: (1) elementy zapożyczone adaptowane są do reguł derywacyjnych języka słoweńskiego, (2) elementy rodzime łączone są według wzorców języka obcego, (3) tematy słowotwórcze ulegają skróceniu biorąc udział w tworzeniu nowych leksemów zawierających elementy letrystyczne.

Inkorporacja elementów obcojęzycznych do języka słoweńskiego jako taka nie przyczynia się do powstawania nowych wzorców derywacyjnych, lecz najczęściej przy pomocy ustalonych reguł poszerza kombinatorykę morfemową.

Коряковцева Е.И.

Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе (к постановке вопроса)

О процессе интернационализации в современных славянских языках написано множество работ, однако по-прежнему недостаточно исследована проблема семантико-словообразовательной и прагматико-стилистической эволюции интернациональной лексики. Возможно, слабая изученность путей и результатов ее развития объясняется устоявшимся мнением о том, что «такая категория синхронии, как интернационализмы, не может быть установлена и всесторонне описана с позиций диахронии» [Акуленко 1972:11]. Напомним, однако, что еще в «Тезисах» Пражского лингвистического кружка от 1929 г. указывалось на невозможность строго отделить синхронию от диахронии. Этот тезис подтверждается неоспоримым фактом существования генетически разных пластов интернациональной лексики в современных языках, что объясняется спецификой кросскоммуникации и культурного обмена между разделенными территориально народами в тот или иной исторический период. Заметим, что и в языковом сознании представителей этих народов сосуществуют интернационализмы, известные, например, с XIX века, и интернационализмы-неологизмы. Следовательно, в ходе сопоставительно-исторических исследований, которые вполне правомерны, важны и актуальны, структура и семантика интернационализмов могут быть рассмотрены с позиций как «ближней», так и «дальней» диахронии [ср. Володина 1993; Крысин 1993].

Объем статьи не позволяет описать с диахронической точки зрения особенности семантико-словообразовательной эволюции интернационализмов даже в одном (напр. русском) языке, поэтому ниже в общих чертах будут рассмотрены лишь некоторые вопросы, актуальные для такого описания, а именно: 1) интернационализмы как разновидность заимствований; 2) место интернационализмов в словообразовательных системах славянских языков; 3) общеславянский фонд интернацио-

нальных морфем; 4) активность изофонных интернациональных формантов, пришедших в славянские языки из английского, – межъязыковые различия (на примере *-ing*, *-gate* в русском, польском, чешском и болгарском языках).

Согласно общепринятой точке зрения, «**интернационализмы** – это слова, совпадающие по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полностью или частично совпадающим смыслом, выражающие понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем в трех) языках» [Ярцева 1990:197].

Большинство исследователей явления языковой интернационализации выделяют, кроме слов-интернационализмов, также интернациональные морфемы [см. Waszakowa 2005: 27-30].

Оставляя в стороне анализ точек зрения по поводу соотношения интернационализмов и заимствований (ему посвящены многочисленные работы), отметим только, что разделяем мнение, согласно которому интернационализмы признаются частной разновидностью заимствований [см., напр.: Маковский 1960, Сорокин 1965]. Область заимствованной лексики включает в себя интернационализмы, т.е. понятие «заимствование» шире понятия «интернационализм», отличительным же свойством интернационализмов является их способность проникать в большое количество языков. Каждое интернациональное слово возникает в языке-реципиенте в результате контакта с языком-донором, следовательно, является заимствованным, однако не каждое заимствование можно назвать интернациональным.

К интернационализмам как частной разновидности заимствований может быть применена классификация Э.Хаугена: 1. Заимствованные слова (loanwords), которые подразделяются на собственно заимствования (pure loanwords – из иностранного языка заимствуется как значение, так и формальная оболочка слова) и заимствования-гибриды (loanblends), т.е. слова-«миксты», состоящие частично из иностранных и частично из исконных адаптирующих элементов; 2. Заимствования-сдвиги (loanshifts), которые подразделяются на расширения (extensions) и неосемантизмы (creations) в зависимости от того, используют ли они некоторую комбинацию семантических компонентов, существовавшую в языке-реципиенте до заимствования, или образуют новую [см.: Хауген 1972: 352-354].

Учитывая способы освоения формальной оболочки иноязычных слов, т.е. особенности фонетико-орфографической ассимиляции, среди заимствований, а значит и среди интернационализмов, логично выделить: 1) трансплантаты (иначе – «иноязычные вкрапления», «варваризмы»,

ср. польский термин «wtręty»), употребляющиеся на письме в той же форме, что и в языке-источнике (напр. *roaming* в польском языке – при произношении [англ. *rouming*] или *PR* в русском, чешск. *rating* ‘рейтинг’); 2) транслитерированные слова (напр., рус. *бодибилдинг* [англ. < *bodybuilding*], *понкорн* [англ. < *popcorn*], польск. *cholding* [<англ. *holding*], чешск. *dabing* [< англ. *dubbing*], словенск. *mobing* [< англ. *mobbing*]); 3) транскрибированные слова (рус. *скрэтч* ‘быстрое воспроизведение коротких фрагментов трека’, *роуминг*, польск. *biznes*, *blejzer*, *kastink*, *pijar*, чешск. *brifink*, *kastink*, *mitink*, *sprej*, *trenink*, слн. *bord* < англ. *board* и др.).

Анализируя заимствования, Э. Хауген указывал на существование гибридных новообразований (слов, производных от заимствований), отмечая при этом, что их появление относится не к самому процессу заимствования – оно связано со следующим этапом освоения, предполагающим включение иноязычных слов в процессы словопроизводства в языке-реципиенте.

Как последствия словообразовательного освоения интернационализмов славянскими языками авторы коллективной монографии «Словообразование/Номинация» под редакцией И.Онхайзер отмечают: 1) использование интернационализмов в качестве производящих основ; 2) активизацию интернациональных аффиксов; 3) приобретение заимствованными элементами статуса префиксов/префиксоидов или суффиксов/суффиксоидов; 4) возникновение новых словообразовательных образцов [Ohnheiser 2003:47]. Легко можно заметить, что освоение интернационализмов следует общим закономерностям освоения заимствований славянскими языками: интернационализмы не только подвергаются фонетической, морфологической и словообразовательной адаптации, но и включаются в словообразовательные процессы в языках-реципиентах [ср. Романова 1985:82-89]. Показателен тот факт, что в работах, посвященных истории иноязычной лексики в русском языке, интернационализмы рассматриваются как разновидность заимствований [см. Авилова 1967; Биржакова, Кутина 1972; Сорокин 1965; Филин 1981а; Филин 1981б].

Учитывая характер употребления в языке-реципиенте, интернационализмы (и заимствования вообще), можно представить как совокупность общенародной и необщенародной лексики (т.е. функционирующей в определенных социо- и биолектах). Например, для современного русского языка общенародными являются интернационализмы англоязычного происхождения (типа *джинсы* ‘брюки из прочной хлопчатобумажной ткани’, *коктейль* ‘смесь главным образом из спиртных напитков с добавлением сахара, фруктов и т.п.’). Общенародные интернационализмы немногочисленны; в современном языке, которому свойствен «разнокультурный синкретизм» [Шаклеин 2006], большинство

интернационализмов-неологизмов составляют необщепринятые англицизмы, стилистически маркированные, ср.: *бартер, бенефициар, брокер, брэндинг, валоризация, варрант, детенишен, дилер, дивиденд* (экономические термины), *сингл, диджей, ток-шоу, шоумен* (язык СМИ), *лифтинг* ‘подтяжка кожи’, *пилинг* ‘очистка кожи’ и ‘очищающий крем’, *пирсинг* ‘прокалывание различных частей тела и укрепление в образовавшемся отверстии украшений’ (термины косметологии), *плеймейкер, хавпайп* (спортивные термины), *импичмент, истеблишмент* (термины политики), *крекинг, топкросс* (термины химии и биологии), *дамп, кластер* (компьютерные термины) и т.д. [см. Семенова 2007; Маринова 2008]. Ср.: польск. *dżinsy, koktajl, lifting, klaster*; чешск. *džinsy, dýdžej, trening/trenink, dubbing/dabink*. Полагаем, что при сопоставительно-историческом анализе учет прагматико-стилистических особенностей интернационализмов позволит судить как о специфике их освоения, так и о словообразовательном потенциале в каждом из сопоставляемых языков, отражающем особенности национального семантического мышления (о деривационных структурах как о формах такого мышления [см. Васильева 2006]).

Как известно, одним из оснований классификации интернационализмов является их происхождение. Среди всех интернациональных элементов слова и морфемы греко-латинского происхождения занимают в мировых языках первое место по степени распространенности [Порецкий 1979:11], однако среди интернационализмов есть слова и морфемы из живых языков (галлицизмы, русизмы, англицизмы и т.д.).

Диахроническое описание интернационализмов предполагает учет фактора времени и условий вхождения в языки-реципиенты. Так, существование в каждом европейском языке генетически разных пластов интернационализмов можно объяснить разными типами глобализации, которая, по мнению многих современных социологов, не является приметой только нашего времени [см. Глобализация 2003]. Начало глобализации относят к середине XV в., когда, по словам Ф. Броделя, началось превращение "мира европейских экономик" в мировую хозяйственную систему европейского типа [Braudel 1979, цит.: Иноземцев 2004:60].

Евроглобализация в средние века сопровождалась распространением латинской культуры в Западной Европе, включая такие славянские страны, как Польша и Чехия, и византийской культуры в восточнославянском мире. Эта глобализация сопровождалась распространением западных общественных и культурных практик, хозяйственных и политических форм на остальной мир [Иноземцев 2004]. Именно с евроглобализацией связан «стихийный процесс наводнения национальных языков латино-греческими словами», который, как писал в 30-е гг. XX в. акад. В.М. Жирмунский, «продолжается с растущей интенсивностью во всех странах Европы от эпохи Возрождения до наших

дней» [Жирмунский 1936:60]. Преобладание интернациональных лексических единиц, а также аффиксов, имеющих греческое или латинское происхождение, объясняется огромным влиянием античной культуры на развитие культуры европейской, основы которой были заложены эпохой эллинизма, а расцвет и развитие продолжались под влиянием древнеримской научной мысли.

К началу 60-х годов XX в. закончилась трехсотлетняя эпоха европейской глобализации, главным "глобализатором" новейшего времени стали Соединенные Штаты, «коммуникативная империя», которая располагает наиболее мощной сетью mass media и потому способна «бомбардировать» весь мир информационными потоками, вырабатываемыми в её недрах, навязывая ценности своей культуры остальным.

«Глобализация современной культуры, происходящая параллельно с глобализацией науки, созданием мирового рынка товаров и другими подобными процессами, является, по сути, «американизацией» [Иноземцев 2004:61].

Вследствие «амероглобализации» глобальным становится английский язык, в результате чего происходит смена источника интернациональной лексики. Наблюдая за распространением и ассимиляцией суффиксов, префиксов и корневых морфем английского происхождения, лингвисты приходят к выводу о смещении акцентов с греческого и латинского языков, основных источников интернационального лексического фонда, в сторону «глобального» английского языка¹ [см.: McCrum R., Cran W., MacNeil R. 1992; Görlach 1998].

Одной из характеристик английского языка, способствующих его глобальному распространению, является насыщенность вокабуляра

¹ Анализируя современные процессы глобализации, социологи отмечают, что они ведут к смешению национальных традиций и возникновению гибридной мировой «массовой культуры», а также к унификации языка культурного общения, т.е. к формированию глобального языка. Термин «глобальный язык» впервые введен в лингвистический обиход английским ученым Дэвидом Кристалом [Crystal 1995]. Под термином «глобальный язык» понимается один из естественных мировых языков, получивший широкое распространение ввиду благоприятных общественно-исторических условий развития нации-носителя этого языка, который соответствует следующим требованиям: а) употребляется в качестве основного государственного в нескольких странах, б) используется в основных государственных институтах в тех странах, где он не является государственным, в) занимает приоритетное положение среди прочих иностранных языков при изучении в государственных учебных заведениях, г) отличается высокой степенью употребления при осуществлении различных международных контактов. Всем требованиям глобального языка отвечает английский язык, распространению которого способствует также развитие Интернета (доминирование английского языка среди языков Сети объясняется тем, что на нем пишутся почти 70% сайтов, в основном сделанных в США).

заимствованиями из многих языков мира, а также наличие в английском языке «неолатинской» (т.е. включающей в себя и древнегреческие модели) словообразовательной подсистемы [Görlach 1998]. Греко-латинские аффиксы продолжают проникать в остальные мировые языки, но уже при посредстве английского языка, в котором они нередко приобретают новые значения. Так, например, в последние годы словообразовательной активности аффиксов *ex-*, *mega-*, *super-*, греко-латинских по происхождению, способствовала «амероглобализация», поскольку именно в глобальном английском языке они приобрели те значения, которые передают в языках-реципиентах англицизмы. Ср. значение латинского префикса *ex-* 'из' и новое значение этого элемента, ставшего радикалоидом *ex-* (=бывший) в английском языке и, например, в славянских языках, его заимствовавших. Ср.: «12 Jan 2004 ... You are now dating my *ex-wife*, and her lawyer, my lawyer...»//www.newyorker.com/shouts/content/?040112sh_shouts; «*Megastar* paints grease on his face again»//www.telugucinema.com/c/publish/movietidbits, ср. также название рок-оперы Эндрю Веббера «*Jesus Christ Superstar*» (1969-1970 гг.). «Неолатинские» морфемы *ex-*, *mega-*, *super-*, являющиеся частью словообразовательного фонда английского языка, обладают широкой сочетаемостью: они функционируют не только в составе слов английского происхождения (ср. рус. *экс-премьер*, *мегашоу*, *суперснайпер*, болг. *ексдепутат*, польск. *ekspremier*, *megahit*, *supermarket*, чешск. *exambasador*, *megamarket*, *superfirma*), но и присоединяются к исконным основам, в том числе и к славянским (ср., напр., рус. *экс-муж*, *суперженщина*, болг. *екс-Югославия* (пример Ц.Аврамовой), польск. *eksksiądz*, *supermatka*, чешск. *exmilenec*, *exředitel*, *megadávka*, *megaměsto*, *superčlověk*, *superobchodník*).

С глобализацией английского языка связано появление и международное распространение таких «псевдоаффиксальных» морфем, как *-a(holic)*, *-man*, *-gate*, порожденных корневыми словами, которые приобретают статус суффиксоидов, вступая в комбинации с корневыми морфемами принимающих, в том числе и славянских, языков. Ср.: рус. *работоголик*, *трудоголик*, *сексоголик*, болг. *работохолик*, *сексохолик*, польск. *pracoholik*, *seksoholik*, *zakupoholik*; чеш. *čokoládoholik*, *jablkoholik*, *workoholik*; словенск. *deloholik*, *seksoholik*, хорватск. *ženoholik* (www.cdshop-roxy.com/cd.katalog.doc); словенск. *čokoholik*, *fotoholik*, *šopingoholik*, *stripoholik* (примеры И. Страмлич-Брезник); болг. *властоман*, *киноман*, *работоман*, *телеман*, рус. *интернетоман*, *компьютероман*, *сексоман*, *телеман*, польск. *komputeroman*, *seksoman*, чешск. *kinoman*, *tuřoman*, *ročítačoman*; болг. *Козлодуйгейт*, рус. *Моникагейт*, польск. *goragate*, *telegate*, словац. *plazmagate*, чешск. *Judrgate*, *ropagate*, *sexgate* и т.д.).

В результате экспансии английского языка, которой способствуют глобальная коммуникация и прежде всего средства массовой информации,

создающие и поддерживающие англо-американскую лингво-культурную моду, в словообразовательных системах ряда славянских языков начинают формироваться модели с формантами – *ing/-ing/-ink*.

Как следует из классификации словообразовательных элементов современного английского языка, морфема –*ing* встречается преимущественно в отглагольных дериватах со значениями «действие» и «результат» [Marchand 1960:302-304]. М. Гёрлах выделяет два этапа заимствования англицизмов с финалью –*ing* [см. Görlach 1998]. Первоначально структуры типа «глагол на –*ing* + существительное» заимствовались во французский язык, в котором впоследствии воспринимались как сложные слова и сокращались до первого элемента (ср. *dressing[-room]*), *living [-room]*, *smoking[-jacket]*, *sleeping[-car]*), а затем в остальные, в том числе и славянские языки (ср. рус. *смокинг*). Большинство из этих ранних заимствований не закрепились в принимающих языках, однако структура оставшихся свидетельствует о посредничестве французского языка при их заимствовании. Позже, приходя напрямую из английского, интернационализмы на –*ing* в основном начинают приниматься теми языками, в которых есть аналогичная морфема (исландский, норвежский и датский) или, по крайней мере, нет препятствий для её фонологической адаптации (немецкий). В современную эпоху морфема –*ing* является интернациональной, поскольку полностью удовлетворяет требованию семантической и структурной близости в неблизкородственных языках. Так, в словаре «A Dictionary of European Anglicisms: A Usage Dictionary of Anglicisms in Sixteen European Languages» [Görlach 2001] фиксируются изофонные имена с финалью –*ing* в норвежском, голландском, немецком, русском, польском, хорватском, болгарском, французском, испанском, итальянском, румынском, финском, венгерском, албанском и греческом языках, причем в разносистемных языках наблюдается сходная семантическая мотивированность слов. Редактор этого словаря, М. Гёрлах, пишет:

«Очевидно, что процесс интенсивного заимствования достиг такого уровня, на котором морфемы –*er* и –*ing* правильно интерпретируются говорящими в большинстве языков, особенно при вычленении из отдельного слова» [Görlach 1998: 9].

Морфема –*ing* морфологически и фонологически чужда славянским языкам, тем не менее, интернационализмы с этой морфемой входят в них в большом количестве, что объясняется особой престижностью англицизмов. В числе уже освоенных и осваиваемых славянскими языком – новые спортивные термины (напр., рус., болг. *армрестлинг*, *бодибилдинг*, *виндсерфинг*, *кикбоксинг*, *шейпинг*, польск. *bodybuilding*, *szejping*, чешск. *armwrestling*, *bodybuilding*, *šejpink*, *tarzaning*), понятия из сферы политической и общественной жизни (рус. *политконсалтинг*,

кастинг, польск. *bryfing, kasting/kastink*, чешск. *briefing/brifink, casting/kastink/kástink*, слн. *mobing*) и др.

2. Глобализация американского образца, как и евроглобализация, отражается на развитии прежде всего лексической и словообразовательной системы славянских (как и других) языков. Лингвистическим результатом евроглобализации стало образование в развитых европейских языках (английском, немецком, французском) двух относительно самостоятельных словообразовательных подсистем. Одна из этих подсистем формируется на базе исконных, национальных словообразовательных моделей, другая же подсистема связана с деривацией на неолатинской базе [см.: Marchand 1955].

Еще в 70-е гг. XX века некоторые советские лингвисты указывали на то, что в словообразовательной системе русского языка также «следовало бы раскрыть подчиненную ей, но действующую по своим законам автономную систему неолатинскую» [см.: Порецкий 1979:57].

Исследуя русские и чешские существительные и прилагательные с интернациональными суффиксами, к такому же выводу пришел чешский русист Й.Йирачек, при этом он подчеркивал, что в чешском языке деление на две словообразовательные подсистемы проявляется более выразительно, чем в русском [Йирачек 1988:132].

Логично предположить, что вследствие глобализации, продолжающейся по меньшей мере уже 300 лет, в современных славянских языках сложились национальная и интернациональная словообразовательные подсистемы. Показателен тот факт, что некоторые словообразовательные категории в славянских языках целиком обслуживаются интернациональными морфемами. В русском, польском и чешском языках это, например, следующие категории производных существительных:

- «повторение явления» (преф. *pe-/re*): рус. *реинкарнация, реактивация*, польск. *reinkarnacja, reedukacja*, чешск. *reabsorpce, reaktivace, reaktibilita*;
- «идеологические течения, доктрины, мировоззренческие установки» (суф. *-изм/-izm/-ismus*): рус. *марксизм, коммунизм, натурализм*; польск. *marksizm, komunizm, naturalizm*; чешск. *anthropocentrismus, ateismus, baptismus, blairismus, komunismus, marxizmus*;
- «химические соединения» (суф. *-ан/-an, -ум/-it,-уд/-id/-yd*): рус. *азотан, кварцит, фосфорит, дионсид*; польск. *boran, tytanit, diopsyd*; чешск. *boran, titanit, diopsid*;
- «сторонники или противники определенных идей и доктрин» (суф. *-ист/-ista/-ysta*): рус. *баннист, коммунист, расист*, польск. *baptysta, komunista, rasista*, чешск. *abolicjonista, baptista, komunista, rasista*;

- «количественные свойства – меры веса, поверхности и объема» (суф. *-аж/ -až/ -áž*): рус. *метраж, тонаж, литраж*; польск. *metraż, kilometraż, tonaż*; чешск. *kilometráž, metráž, tonáž*;
- «медицинские названия болезней» (суф. *-оз/-oza/-óza*): рус. *невроз, остеопороз, парадонтоз*; польск. *borelioza, neuroza, osteoporoza*; чешск. *borelióza, neuróza, osteoporóza, paradontóza*.

Примечателен также, на наш взгляд, и тот факт, что ввиду «непрозрачности» структуры, а нередко и семантики, *composita* типа *fonologia, pseudonauka, mikrofon* в «Gramatyce współczesnego języka polskiego» (Warszawa 1999) описываются как „quasi-złożenia” с односторонней мотивированностью, отдельно от сложений с исконными основами [Gramatyka 1999:464-468]. Авторы раздела «Словообразование» поясняют:

«Nasze poczucie podzielności tych złożzeń oscyluje między bardzo wyraźnym przy członach wielokrotnie powtarzanych w wyrazach ogólnie używanych (np. *topografia, topologia, toponim*) i zupełnie zatartym przy członach bardziej odosobnionych w wyrazach o niejasnym znaczeniu strukturalnym, np. *encyklopedia, hierarchia, newralgia*» [Gramatyka 1999:465].

В академической грамматике польского языка не выделяются интернациональная и национальная словообразовательные подсистемы, однако авторы раздела «Словообразование», Я.Пузынина и Р. Гжегорчикова, все же сочли необходимым описать производные существительные в двух монографиях в зависимости от происхождения суффиксов: 1) *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne rodzime* [авторы – Я.Пузынина и Р.Гжегорчикова, Warszawa 1979]; 2) *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego. Rzeczowniki sufiksalne obce* [автор – Кристина Вашакова, Warszawa 1994].

Очевидно, что в практике описания словообразовательной системы польского языка хотя и непоследовательно, но все же разграничиваются словообразовательные единицы, принадлежащие к интернациональной и национальной подсистемам. Такое разграничение вполне оправдано. Известно, что даже слова, возникшие на исконной словопроизводственной базе, получают порой неожиданные, трудно объяснимые значения (т.н. семантически нерегулярные дериваты). Тем более «чужеродные» формы, образованные по неславянским словообразовательным моделям с помощью интернациональных аффиксов, могут нести в себе зародыши непредвиденных изменений. Причины таких изменений могут быть выявлены в ходе динамического, диахронического анализа с учетом структурно-семантических и прагматико-стилистических особенностей интернационализмов в языке-доноре.

3. Лингвисты достаточно давно обратили внимание на процесс формирования международного лексического фонда: в середине прошлого века об этом писали, например, В.В. Виноградов, А.В. Исаченко,

Л.В. Копецкий, Н.М. Шанский, В.В. Акуленко. По мнению Л.П.Крысина, для нашего времени весьма характерно формирование международного фонда словообразовательных морфем, которые в подавляющем большинстве восходят к латинскому и древнегреческому источникам и проявляют чрезвычайную словообразовательную активность [см.: Крысин 2007]. Полагаем, что есть все основания говорить также о существовании общеславянского фонда интернациональных морфем. Показателен тот факт, что, анализируя в диахроническом аспекте общеславянские словообразовательные классы, авторы коллективной монографии «Историческая типология славянских языков» выделили изофонные интернациональные форманты у слов разных частей речи [см.: Мельничук 1986:49-58]. Наибольшее число интернациональных аффиксов отмечается у существительных:

I. Префиксы (появились в результате заимствования из западноевропейских языков в XVIII-XIX вв.; начало их активного функционирования в языках-реципиентах относят к середине XX в.): *анти-* /*anti-* /*anti-* (рус. *антитело*; укр. *антитіло*.; белорус. *антыцела*; болг. *античастица*; польск. *antycząstka*; чешск. *antihmota*; слц. *antidivadlo*; в -луж. *antičeleso*; слн. *antidelec*), *архи-* /*arxi-* /*archy-* /*arci-* (рус. *архиплут*; укр. *архінаступ*; белорус. *архінастыр*; болг. *архинаступ*; схв. *архинаступ*; макед. *архијереј*; польск. *arcydzielo*; чешск. *arcidílo*; слц. *arcipaster*), *контр-* /*kontr-* /*kontra-* (рус. *контрмеры*; укр. *контранаступ*; белорус. *контранаступ*; болг. *контрадоклад*; макед. *контраудар*; польск. *kontrwywiad*; чешск. *kontrmarš*; схв. *kontramarš*; слн. *kontragovornik*), *мета-* /*meta-* (рус. *метаязык*; укр. *метамова*; белорус. *метамова*; польск. *metajęzyk*; чешск. *metajazyk*; слц. *metajazyk*; слн. *metajazik*), *супер-* /*super-* (рус. *супергерой*; укр. *суперцемент*; белорус. *супервокладка*; болг. *суперсила*; схв. *суперсила*; макед. *суперревизија*; польск. *supernowość*; чешск. *superb-ěžkyně*; слц. *superdeti*; слн. *superdom*), *суб-* /*sub-* (рус. *субподряд*; укр. *субрахунок*; болг. *субрегион*; польск. *subagent*; чешск. *subagent*; слц. *subagent*), *ультра-* /*ultra-* (рус. *ультразвук*; укр. *ультразвук*; белорус. *ультрафільтр*; болг. *ултранационалист*; макед. *ултразвук*; польск. *ultra-dźwięk*; чешск. *ultračástice*; слц. *ultračástica*); *экстра-* /*ekstra-* /*extra-* (рус. *экстракласс*; укр. *экстракласс*; болг. *екстрасенсеанс*; схв. *екстрапрофит*; польск. *ekstraklasa*; чешск. *extratřída*; слц. *ekstraliga*);

II. Суффиксы:

1. Образующие названия лиц по роду занятий или профессии: *-ант* (*-ant*) и *-тор* (*-tar*, *-tor*), ср. рус. *практикант*, *яровизатор*; укр. *оркестрант*, *механізатор*; белорус. *дэбютант*, *каланізатар*; болг. *екстернант*, *оператор*; схв. *музикант*, *импровизатор*; макед. *манифестант*, *арендатор*; польск. *bulemant*, *programator*; чешск. *muzikant*, *propagátor*; слц. *komediant*, *organizátor*; в.-луж. *reprezentant*, *agitator*; слн.

demonstrant, degustator. Оба суффикса, восходящие к лат. *-ans (-antis)* и *-tor*, приобретают в славянских языках самостоятельность на фоне однотипных заимствований из западноевропейских языков, осуществляемых, главным образом, в течение последних двух столетий;

2. Образующие названия лиц по качественному признаку, а также названия сторонников или противников определенных идей и доктрин: суф. *-ист (-иста, -іст, -іст, -іста)*, ср. рус. *реалист, уклонист*; укр. *гуманіст*; белорус. *марксіст*; болг. *дарвініст*; макед. *егоист*; чеш., слц. *realista*; слв. *exremist*; в.-луж. *racionalist*. «Суффикс *-ist* вошел в славянские языки в XIX-XX вв. в составе терминов, заимствованных из западноевропейских языков» [Мельничук 1986:54];

3. Суф. *-тор (-тап, -tor)*, образующий названия орудий и инструментов, ср.: рус. *стабилизатор*; укр. *регулятор*; белорус. *карбюратап*; болг. *радиатап*; схв. *сенатап*; макед. *стабилизатап*; польск. *akumulatortor*; чешск. *elevátor*; слц. *komutátor*; в.-луж. *transformator*; слн. *ekskavator*. Формирование этого типа началось в XIX веке [см.: Мельничук 1986:55];

4. Суф. *-ура (-ура, -úra)*, латинский по происхождению, с помощью которого в XIX веке формируется словообразовательный тип собирательных названий, ср.: рус. *профессура, клиентура, аппаратура*; укр. *професура, клієнтура, апаратура*; белорус. *професура, кліінтура, апаратура*; болг. *професура, апаратура*; схв. *апаратура*; макед. *апаратура*; польск. *profesura, aparatura*; чешск. *aparatura*; слц. *aparaturá*; в.-луж. *aparatura*; слн. *aparatura*;

5. Суф. *-ация, -ація, -аця, -асја, -асе, -асіа, -ація* (из лат. *-acio*), выделившийся в XIX-XX вв. из многочисленных интернациональных терминов, пришедших в славянские языки через западноевропейские. Ср.: рус. *яровизация*, белорус. *ліквідація*, укр. *консервація*, болг. *машинизация*, схв. *рејонизација*, макед. *национализација*, польск. *rejonizacja*, чешск. *formalizace*, слц. *matematizácia*, в.-луж. *racionalizacija*, слн. *aklimatizacija*;

6. Во всех славянских языках на стадии формирования находится словообразовательный тип названий действий с суф. *-аж*, заимствованный из французского языка в XIX веке (*-ажа, -аž, -až, -aža*), ср.: рус. *тренаж, шпионаж*; укр. *бракераж*; белорус. *мантаж*; болг. *картонаж*; схв. *монтажа*; макед. *дренажа*; польск. *montaż, pilotaż*; чешск. *špionáž*; слц. *sabotáž*; в.-луж. *montaža*; слн. *instruktaž* [см.: Мельничук 1986:58].

В общеславянский фонд словообразовательных морфем, активно формирующийся со второй половины XX века, входят заимствованные элементы преимущественно греко-латинского происхождения: *авиа-/avia-/awia-*, *анти-/anti-/anty-*, *аэро-/aero*, *био-/bio-*, *видео-/video-/wideo-*, *гипер-/hiper-/hyper-*, *гипо-/hipo-/hypo-*, *зоо-/zoo-*, *интернет-/internet-*, *квази-/kwazi-/kwazi-*, *макро-/makro-*, *микро-/mikro-*, *мини-/mini-*, *моно-/mono-*, *мульти-/multi-*, *остео-/osteo-*, *палео-/paleo-*, *пара-/para-*, *поли-/poli-*, *порно-/porno-*,

псевдо-/pseudo-/pseudo-, секс-/sex-/seks-, супер-/super-, теле-/tele-, фоно-/fono-, экс-/ex-/eks-, электро-/elektro-, энерго-/energo-, а также –граф/-graf, –графия/-grafia, –дром/-drom, –лог/-log, –логия/-logia, –ман/-man, –мания/mania, –мен/-men, –метр/-metr, –скон/-skor, –скопия/-skopia, –тека/-teka, –фон/-fon и т.п. [ср. Крысин 2007].

Словообразовательный статус большинства этих элементов, не приобретших еще самостоятельного существования в принимающих языках, является спорным. Одни исследователи (В.В. Виноградов, В.В. Лопатин, И.С. Улукханов) такие элементы, как *–граф*, *–метр*, *–лог* и др. относят к корневым, другие же (В.П. Григорьев, Н.М. Шанский) считают их суффиксами, образовавшимися из корней. В «Краткой русской грамматике» заимствованные элементы типа *аэро-*, *–лог* называются «опорными связанными компонентами интернационального характера» [Шведова, Лопатин 1989:78]. Не углубляясь в суть вопроса, вслед за О.Мартинцовой и Н. Савицким [Martincová, Savický 1987], считаем возможным выделить препозитивные интернациональные компоненты, типа *аэро-/aero-, био-/bio-, гео-/geo-, гидро-/hydro-/gidro-, микро-/mikro-, радио-/radio, теле-/tele-, фото-/foto-, электро-/elektro-* и др., а также постпозитивные интернациональные компоненты, типа *–грамм(a)/-gram, –граф/-graf, –графия/grafia, –лог/-log, –логия/-logia, –навт/-naut(a), –скон-skor, –скопия/-skopia* и т.д. Эти элементы, которым можно приписать статус радикалоидов и суффиксоидов [ср. Аврамова 2003], в славянских языках сочетаются как с другими интернациональными элементами, так и с исконными основами, ср., напр.: рус. *аэросъёмка, автохарактеристика, гидроузел, микровесы, телезритель, русофил, светофор*; польск. *mikrouraz, autopropocja, eksksiqdz, minisuknia, biogram, politolog, astronauta*; чеш. *radiopřijímač, mikrohnjivo, minisukně; radiovlna, mikropovedka, taxisukňa; mikrofilm, semafor, filolog, astronaut* и др.

В 2004 году на конференции Комиссии по славянскому словообразованию при МКС в Братиславе в докладе «Сложните думи и съвременните тенденции в славянските лексикални системе» Ю.Балтова высказала мнение о том, что резкое увеличение числа композитов интернационального характера в славянских языках конца XX–нач. XXI в. способствует их активной интеграции [см. Kleszczowa, Koriakowsewa 2005:65]. Полагаем, что такая интеграция способствует развитию фонда общеславянских морфем. Общность его состава предполагает общность или, во всяком случае, сходство словообразовательных процессов, в которых участвуют морфемы, составляющие этот фонд. Эти процессы в славянских языках необходимо изучить и описать в сопоставительно-историческом аспекте.

4. Начальной стадией работы над диахроническим описанием общеславянского фонда интернациональных морфем является сопостави-

тельно-исторический анализ дериватов с изофонными формантами. Его результаты позволят выявить степень конвергентности развития аналогичных моделей, а также дадут возможность установить причины межъязыковых различий. Проиллюстрируем ниже это утверждение, рассматривая в плане «ближней» диахронии интернационализмы с англоязычными морфемами *-инк/-ing*, *-гейм/-gate* в русском, польском, чешском и болгарском языках.

В русском языке первые англицизмы с финалью *-ing* появляются в конце XIX века (напр., *митинг*). В 40-е гг. XX века функционировали уже целые серии слов с этой финалью, причем в основном термины, относящиеся к категории *nomina actionis*. Серийность заимствования англицизмов с финалью *-инг* отмечала еще «Грамматика иностранных слов» Н.В. Юшманова [Юшманов 1941, § 37.8]. Несмотря на наличие в русском языке значительной группы лексических единиц на *-инг*, многие лингвисты долгое время не считали возможным рассматривать этот компонент как словообразовательный аффикс – по аналогии с закрепившимися элементами греко-латинского происхождения. Иное мнение о словообразовательном статусе компонента *-инг* было высказано А.В. Бобровой, в 80-е гг. XX в. описавшей более 100 существительных на *-инг* как слова, обладающие односторонней суффиксальной мотивированностью; в основном это были интернациональные термины, относящиеся к тематическим группам «спорт» (*айсинг, дотинг, джоггинг*), «военно-морское дело» (*бафтинг, браунинг*), «техника» (*антифидинг, рисайклинг*), «экономика» (*демтинг, лизинг, маркетинг*), «животноводство» (*аутбридинг, ауткроссинг*), «медицина» (*скриннинг, аутотренинг*) и т.д. [Боброва 1980].

Анализ вокабуляра в «Современном словаре иностранных слов» [Москва 2005] показывает, что в настоящее время в русском языке функционирует более 300 интернационализмов на *-инг*. На рубеже XX-XXI вв. речевая активность *nomina abstracta* с финалью *-инг* резко возросла под влиянием медиатекстов, насыщенных множеством заимствованных терминов, ср.: *бодибилдинг, боулинг, брэндинг, брифинг, (винд)сёрфинг, дайвинг, драйвинг, заппинг, инжиниринг, картинг, кастинг, кикбоксинг, клиринг, консалтинг, лизинг, лифтинг, маркетинг, мониторинг, маркетинг, паркинг, пирсинг, пилинг, рейтинг, рес(т)линг, роуминг, скайтинг, скриннинг, туринг, тьюнинг, хеппенинг, холдинг, хостинг, форфейтинг, франчайзинг, шоппинг* и др. Под воздействием многочисленной серии заимствований с повторяющейся в их структуре финалью *-инг* в языковом сознании русофонов сформировался эталон восприятия этой финали как суффикса [ср. Гараева 1987:16]. Процесс формирования такого эталона восприятия может быть проиллюстрирован текстом анекдота, популярного в России: «Для «крутых бизнесменов»:

проводим *маркетинг*, организуем *холдинг*, даем в *лизинг*, а потом уже – *объегоринг*, *стибриг* и с «бабками» *свалинг*) («инговые» формы образованы от просторечных глаголов *объегорить* ‘обмануть’, *стибрить* ‘украсть’, *свалить* ‘сбежать’ по аналогии с членимыми, но не мотивированными в русском языке *nomina abstracta* *маркетинг*, *холдинг*, *лизинг*).

В качестве суффикса *nomina actionis* финаль *-инг* активно используется в словотворчестве журналистов. В медиатекстах, а также на интернет-форумах появляются десятки отглагольных и отыменных гибридных имен действия, типа *вининг* ‘распитие вина’, *водопадинг* ‘преодоление водопадов’, *водкинг* ‘распитие водки’, *глинтвейнинг* ‘приготовление глинтвейна’, *гулянинг* ‘прогулка’, *жабинг* (<*жаба*) ‘уродование лица при искусственном его омоложении’, *каякинг* ‘перемещение на каяках’, *курилинг* ‘курение’, *писинг* ‘писание’, *позоринг* ‘опозорививание’, *приколинг* ‘рассказывание приколов, т.е. шуток’, *путинг* ‘рекламирование кандидата Путина’, *пьянинг* ‘пьянка’, *тролинг* (<*троль*) ‘оскорбление участников интернет-форумов т.н. *тролями* – злобными насмешниками’, *улучшайзинг* ‘улучшение, как правило, на показ’, *шокинг* ‘шокирование’, *шутинг* ‘рассказывание шуток’, *щекотинг* ‘щекотание’. Ср. также: *базаринг*, *лэжинг*, *магазининг*, *параноинг*, *инизофренинг* (Интернет), *пивинг*, *водкинг*, *шашлыкинг*, *мотоциклинг*, *бабинг* (Независим. газета, 18.09.2006). Словообразовательный анализ отменных имен действия типа *бабинг*, *вининг*, *каякинг*, *жабинг*, *путинг* показывает, что финаль *-инг* – это суффиксальный терминоэлемент с автономным процессуальным значением: в значениях производящих слов нет процессуальной семы – она вносится в значение производного с помощью суффикса, ср.: *баба* → *бабинг*, *вино* → *вининг*, *водка* → *водкинг*, *жаба* → *жабинг*, *пиво* → *пивинг*, *Путин* → *путинг*.

Кроме «американомании» (внешний, социокультурный фактор роста словообразовательной продуктивности), активность форманта *-инг* объясняется такими интралингвистическими факторами, как: 1) способность гибридных дериватов с формантом *-инг* выполнять в медиатекстах каламбурные и полемико-иронические функции; 2) односложность структуры и «неприхотливость» контактной зоны – при опоре на многочисленные англицизмы с односторонней аффиксальной членимостью, типа *шоппинг*, легко производятся на русской почве неологизмы типа *пивинг*, *шутинг*.

Не исключено, что высокая частота употребления «модных» слов на *-инг* в медитекстах может способствовать активизации словообразовательных моделей с формантом *-инг* в различных стилях общенародного языка: как известно, адресаты СМИ нередко стремятся подражать их «новоязу», особенно в тех случаях, когда медийные неологизмы позволяют передать,

кроме прямого номинативного значения, также дополнительное, невербальное, облегчают экспликацию эмоций².

Имена действия с финалью *-ing* являются модными также в чешском и польском языках, однако словообразовательная активность этой финали в польском языке практически равна нулю. По данным К.Вашаковой [Вашакова 2005:116], в современном польском языке на исконной базе было произведено лишь несколько слов на *-ing*, напр. *busing* 'доставка детей в школу на небольшом автобусе (т.н. *busik*)', хотя англицизмы с финалью *-ing* известны с середины XX века.

В чешском языке немногочисленные англицизмы типа *dispatching* ('ústřední řízení železniční dopravy' [dyspečing]), 1930 г.// Databaze), *trening* (1926 г. // Databaze), *yachting* (1936 г.// Databaze), в основном – термины, появились в первой трети XX века, однако это были морфологически изолированные трансплантаты. В качестве суффиксального форманта элемент *-ing* в чешском языке того периода словообразовательной активности не проявлял.

В современном чешском языке слова на *-ing* широко распространены в компьютерном жаргоне, о чем пишет в кандидатской диссертации Ружена Пискова, отмечая часто возникающую корреляцию т.н. «*ing-forem*» и отглагольных имен действия на *-ání* (напр., *rendering* – *renderování*) [см. Písková 2007]. Существование таких корреляций обуславливает одностороннюю аффиксальную мотивированность инговых форм, что способствует формированию в языковом сознании носителей чешского языка эталона аффиксальной морфемы: финаль *-ing*, которая повторяется в целой серии слов и находится в постпозиции к иноязычному корню, воспринимается как суффикс. Любопытно, что наряду с трансплантатами типа *restyling, homeshopping, holding, paragliding, peasekeeping, peeling, rafting, rating* и др.) в чешском языке существуют и транскрибированные слова на *-ink: marketink, mítink, šejpink, šopink*. Однако, по мнению самих носителей чешского языка, ассимилированные формы на *-ink* характерны для письменной речи малограмотных людей, и потому они менее предпочтительны, чем трансплантаты с финалью *-ing*, ср.: „...kastink” nebo dokonce „**kástink**” apod. užívají v písmeném projevu někteří lidé, kteří neví, jak se správně píše cizí slovo „**casting**”//www. fototest.cz/modelingovy-slovnicek.php.

Тем не менее, как и формант *-ing* в русском языке, изофонный чешский элемент *-ink* может выступать в качестве аффикса, образуя отвлеченные имена со значением процесса или состояния от исконно чешских основ, причем как от глаголов (*ležet* – *lež-ink*, ср. рус. *лэжинг*),

² В.П. Григорьев высказал мнение о том, что "инговое поветрие" способно охватить всю идеографию русского языка [Григорьев 2005]; это мнение никем из ученых-русистов еще не было опровергнуто.

так и от существительных, в значениях которых нет процессуального компонента (*pivo – piv-ink*, ср. рус. *пивинг*) (<http://lexiko.ujc.cas.cz/heslare/search.php>).

В болгарском языке элемент *-инг* не отличается словообразовательной активностью: обычно транскрибированные интернационализмы типа *бодибилдинг, лифтинг, шейпинг* появляются в медиа-текстах. Вероятно, в болгарском языке все же существует потенциальная возможность образования имен действия с помощью интернационального форманта *-инг* от исконных основ, поскольку есть пары однокоренных слов, типа *крекинг – крекинирам*, появившихся еще в середине XX в. [Görlach 2001:76], а кроме того, функционирует серия англицизмов с односторонней суффиксальной членимостью (*бодибилдинг, букинг* и др.). Не исключено, что элемент *-инг* может быть продуктивным в молодежном жаргоне.

Менее активно, чем *-инг/-ing*, ведет себя в славянских языках иная англоязычная морфема *-gate*, искусственно созданный суффиксоид, который сконденсировал в себе значение ‘политический скандал’, появившееся у *Watergate* в результате эллипсиса устойчивого адъективно-субстантивного словосочетания *Watergate scandal*. Степень формального освоения этого суффиксоида неодинакова в славянских языках. Так, в русском и болгарском языках он употребляется в транскрибированной форме, неологизмы с этим суффиксоидом являются названиями политических скандалов, связанных с известными персонами (болг. *Козлодуйгейт*, рус. *Моникагейт, Шеригейт* ‘скандал вокруг жены премьер-министра Великобритании, *Шери Блэр*’), с объектами скандала (болг. *бръмбаргейт, досиегейт, телефонгейт* – примеры Ц.Аврамовой) или с местом (страной, городом, резиденцией правительства: рус. *Ирангейт, Казахгейт, Кремльгейт, Пермьгейт*). См.: «...скандал в Казахстане, получивший в западной прессе название «*Казахгейт*» [Независим. газета, 17.01.2001].

В западнославянских языках – польском, словацком и чешском – суффиксоид *-gate*, выделившись из серии названий политических скандалов (*Irangate, Reagangate, Afganistangate, Watergate*), так и остался трансплантантом, т.е. не подвергся фонетико-орфографической ассимиляции, ср., напр.: польск. *ropagate, telegate* (примеры К.Вашаковой), словац. *plazmagate*, чешск. *Judrgate, ropagate, sexgate/sexygate, Wallisgate, Zipgate, Zippergate* (<http://lexiko.ujc.cas.cz/heslare/search.php>).

Низкая активность и малопродуктивность модели «существительное + суф. *-гейт/-gate*» в болгарском, русском, польском и чешском языках объясняется следующими причинами: 1) фонетическая форма иноязычного суффиксоида *-гейт/-gate* не соответствует закону восходящей звучности, актуальному и в современных славянских языках, где

неначальный слог слова начинается обычно со звука меньшей звучности и кончается звуком большей звучности» [ср. Иванов 1991:77]; 2) употребление неологизмов с финалью *-geim/-gate* стилистически ограничено (они функционируют преимущественно в медиатекстах оценочного характера).

Несмотря на активное использование в текстах масс-медиа, суффиксоид *-gate* в западнославянских языках, по-видимому, сохранит и в дальнейшем свою англоязычную оболочку [ср.: Waszakowa 2005: 156-158]. Орфографическая неадаптированность суффиксоида *-gate* в польском, словацком и чешском языках тем более удивительна, что дериваты с этим формантом все же частично ассимилируются, ср.: польск., чешск. *Monicagate // Monika-gate*, польск. *tivi-gate // tiwigate*, словац. *plazmagate*. По-видимому, в приоритетном употреблении на письме трансплантанных форм интернационализмов с финалями *-ing* и *-gate* проявляется своеобразный пиетет образованных носителей западнославянских языков по отношению к престижному языку главного "глобализатора" новейшего времени – США.

Носители современного русского языка, несмотря на усилия федеральных средств массовой информации, в основном такого пиетета к англо-американизмам, как и к американской культуре в целом, не испытывают, ср. реплики на интернет-форумах: «Заполнить речь ненужными иностранными словами – значит прилагать руку к убийству родного языка – этого последнего нашего богатства»//www.russia-talk.org/cd-history/murder.htm; «Американизация плюс идиотизация всей страны. Более того, создаётся впечатление, что „идиотизация” населения носит преднамеренный характер и управляется кем-то сверху»//www.tr.rkrp-rpk.ru/get.php?1164.

Высокая словообразовательная активность интернационального суффикса *-ing* в современном русском языке объясняется языковой игрой, которой захвачена лингвокреативная часть российского общества (в основном молодежь и журналисты).

Низкая продуктивность моделей с суф. *-geim/-gate* отчасти также обусловлена экстралингвистическими причинами: в западнославянских языках – лингвокультурной модой, «англо-американоманией», блокирующей фонетико-орфографическое освоение элемента *-gate*; в русском языке – такой особенностью российской общественно-политической жизни, как «неподсудность власть имущих» (скандалы масштаба *Уомергейта* крайне редко обсуждаются в российской федеральной прессе).

Литература

- Авилова Н.С. (1967), *Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени*, Москва.
- Аврамова Ц. (2003), *Словообразовательные тенденции при существительных именах в болгарском и чешском языках в конце XIX века*, София.
- Акуленко В.В. (1972), *Вопросы интернационализации словарного состава языка*, Харьков.
- Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. (1972), *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования*, Ленинград.
- Боброва А.В. (1980), *Существительные на -инг в русском языке*, [In:] «Русский язык в школе», Москва, №3.
- Васильева В.Ф. (2006), *Деривационные структуры как формы «семантического мышления» (на материале чешского и русского языков)*, [In:] *Славистички студии*. Списание на Катедрата за славистика при Филолошкиот факултет «Блаже Конески», бр.12, Скорје.
- Володина М.Н. (1993), *Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации*, Москва: Изд-во МГУ.
- Григорьев В.П. (2005), *Светлое будущее «инговых форм» в поэтическом языке*. Доклад на международной научной конференции «Художественный текст как динамическая система» (19–22 мая 2005, Москва) // <http://ifi.rsuh.ru/print.html?id=54839>
- Глобализация и культура: аналитический подход* (2003). Санкт-Петербург.
- Гараева Л.И. (1987), *Психолингвистический анализ семантической структуры производного слова*. Автореферат диссертации кандидата филол. наук, Москва.
- Иноземцев В.Л. (2004), *Вестернизация как глобализация и "глобализация" как американизация*, [In:] «Вопросы философии», Москва, №4.
- Жирмунский В.М. (1936), *Национальный язык и социальные диалекты*, Ленинград.
- Иванов В.В. (1991), *Историческая грамматика русского языка*, Москва.
- Йирачек Й. (1988), *Национальное и интернациональное в словообразовательной системе языка (на материале русского и чешского языков)*, [In:] *Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské univerzity. Řada jazykovědná*, roč.38.
- Крысин Л.П. (1993), *Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики*, [In:] *Диахроническая социолингвистика*, Москва.
- Крысин Л.П. (2007), *Об интернационализации фонда словообразовательных морфем*, [In:] *Современное русское языкознание и лингводи-*

- дактика*. Вып. 2. Сборник научных трудов, посвященный 85-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского, Москва.
- Маковский М.М. (1960), *К проблеме так называемой интернациональной лексики*, [In:] «Вопросы языкознания», Москва, №1.
- Маринова Е.В. (2008), *Иноязычные слова в русской речи конца XX-начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования*. Автореферат диссертации доктора филол. наук. Москва, Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН.
- Мельничук А.С. (ред.), (1986), *Историческая типология славянских языков: фонетика, словообразование, лексика и фразеология*, Киев.
- Порецкий Я.И. (1979), *Элементы латинского словообразования и современные языки*, Минск.
- Романова Н.П. (1985), *Словообразование и языковые связи*, Киев.
- Семенова М.Ю. (2007), *Принципы изучения лексики англоязычного происхождения в современном русском языке (к проблеме составления словаря англицизмов)*. Автореферат диссертации кандидата филол. наук, Ростов-на-Дону.
- Сорокин Ю.С. (1965), *Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90 гг. XIX века*, Москва-Ленинград.
- Хауген Э. (1972), *Процесс заимствования*, [In:] *Новое в лингвистике*. Выпуск VI. *Языковые контакты*, Москва.
- Филин Ф.П. (ред.) (1981a), *История лексики русского литературного языка конца XVII- начала XIX века*, Москва.
- Филин Ф.П. (ред.) (1981б), *Лексика русского литературного языка XIX- начала XX века*, Москва.
- Шаклеин В.М. (2006), *Разнокультурный синкретизм как феномен отечественной лингвокультуры*, [In:] *Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики*. Ред. Л.В. Рацибурская. Нижний Новгород.
- Шведова Н.Ю., Лопатин В.В. (ред.) (1989), *Краткая русская грамматика*, Москва.
- Юшманов Н.В. (1941), *Грамматика иностранных слов* [Приложение к кн.], [In:] *Словарь иностранных слов* (ред. Ф.Н. Петров), Москва.
- Braudel F. (1979), *Civilisation materielle, economic et capitalisme, XV-XVIII siecle*, t. 3, Paris.
- Crystal D. (1995), *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*, Cambridge University Press.
- Grzegorzczkova R., Laskowski R., Wróbel H. (Red.) (1999), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*, Warszawa, PWN.
- Görlach M. (1998), *The Usage Dictionary of Anglicisms in Selected European languages: a report on progress, problems and prospects*, [In:] «Barcelona: links and letters», № 5.

- Görlach M. (Ed.) (2001), *A Dictionary of European Anglicisms*, Oxford University Press.
- Kleszczowa K., Koriakowcewa E. (2005), *Sprawozdanie z konferencji słowotwórczej w Bratysławie*, [In:] „Poradnik Językowy”, Warszawa, nr 3.
- McCrum R., Cran W., MacNeil R. (1992), *The Story of English*. London.
- Marchand H. (1960), *The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation*, Wiesbaden.
- Marchand H. (1955), *Synchronic Analysis and Word-Formation*, [In:] Kastovsky D. (ed.) (1973), *Studies in syntax and word-formation*. Selected articles by H. Marchand. On the Occasion of his 65th Birthday on October 1 st. 1972, Munchen.
- Martincová O., Savický N. (1987), *Hybridní slova a některé obecné otázky neologie*, [In:] «Slovo a slovestnost», nr 2, tom XLVIII.
- Ohnheiser I. (2003), *Тенденция интернационализации*, [In:] I.Ohnheiser (red.) *Słowotwórstwo / Nominacja*. Innsbruck, Univ. Innsbruck, Opole, Univ. Opolski.
- Písková R. (2007), *Utvárenost lexikálních jednotek v komunikační oblasti informacních technologií*, Brno, ÚCJ MU.
- Waszakowa K. (2005), *Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny*, Warszawa, WUW.

Словари

- Баш Л.М., Боброва А.В. (2005), *Современный словарь иностранных слов*, Москва.
- Бонджолова В., Петкова А. (1999), *Речник на новите думи в съвременния български език*, Велико Търново.
- Ярцева В.Н. (гл. ред.) (1990), *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва.
- Komputerowy słownik języka polskiego* (2001), Warszawa, PWN.
- Martincová O. (red.) (1998), *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů*, Praha, t. 1.
- Martincová O. (red.) (2004), *Nová slova v češtině. Slovník neologizmů*, Praha, t. 2.
- Smółkowa T. (red.) (2004), *Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1993-2000* (pod red.). Kraków, cz. I-II.
- Smółkowa T. (red.) (2005), *Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1993-2000*, Kraków, cz. III.
- Smółkowa T. (red.) (2006), *Nowe słownictwo polskie: materiały z prasy lat 1993-2000*, Kraków, cz. IV.
- Databáze heslářů slovníků Ústava pro jazyk český Akademie věd České republiky <http://lexiko.ujc.cas.cz/heslare/search.php>

Internacjonalny i nacjonalny podsystem słowotwórczy w językach słowiańskich: zarys problematyki

Streszczenie

Współczesna globalizacja może być ujęta jako wykorzystywanie w kontaktach międzynarodowych języka angielskiego w roli środka porozumienia ogólnoświatowego. Niewątpliwym rezultatem procesów globalizacji, a właściwie amerykańskiej, jest obserwowany we wszystkich językach słowiańskich wzrost zapożyczeń o anglo-amerykańskim rodowodzie, także powiększanie strefy internacjonalizmów (w tym morfemów internacjonalnych) w poszczególnych językach. Zdaniem autorki, na skutek euroglobalizacji (XVIII-połowa XX wieku) oraz „ameroglobalizacji” (druga połowa XX w. – początek XXI w.) we współczesnych językach słowiańskich już się ukształtowały dwa podsystemy słowotwórcze – rodzimy oraz internacjonalny. Autorka skupiła uwagę na najbardziej aktywnych typach formantów zapożyczonych, starając się widzieć problem w aspekcie szeroko rozumianej internacjonalizacji języków słowiańskich.

Ewa Bańkowska

Dział Nauki Akademii Podlaskiej

O współpracy naukowej Akademii Podlaskiej w ramach programu LLP/ERASMUS

Akademia Podlaska od 2002 roku uczestniczy w wymianie akademickiej w ramach Programu Erasmus. Celem tego programu jest podnoszenie jakości kształcenia poprzez rozwijanie międzynarodowej współpracy pomiędzy uczelniami oraz wspieranie mobilności studentów i pracowników szkół wyższych.

Do udziału w Programie Erasmus uprawnia szkoły wyższe Karta Uczelni Erasmusa (Erasmus University Charter) nadawana przez Komisję Europejską. Akademia Podlaska ma przyznaną Kartę Uczelni Erasmusa na lata 2007-2013. W chwili obecnej uczelnia ma podpisane umowy z uczelniami zagranicznymi z Czech, Słowenii, Niemiec, Włoch, Irlandii, Hiszpanii, Łotwy, Bułgarii, Rumunii. Są to m.in. University of Maribor (Słowenia), Università Degli Studi Del Sannio – Benevento (Włochy), Università Degli Studi Di Messina (Włochy), Fachhochschule Nordhausen (Niemcy), Athlone Institute of Technology (Irlandia), Ekonomická Univerzita v Bratislavě (Słowacja), Jan Evangelista Purkyně University (Czechy), Universidad Politecnica de Cartagena (Hiszpania), Università Degli Studi Della Tuscia (Włochy), Charles University of Prague (Czechy), Comenius University in Bratislava (Słowacja), The Higher School of Psychology (Łotwa), Baltic International Academy (Łotwa), Catholic University in Ružomberok (Słowacja), University of Bucharest (Rumunia), Paisii Hilendarski University of Plovdiv (Bułgaria), Ostravská Univerzita v Ostravě (Czechy), University of Prešov (Słowacja).

Efektom współpracy Akademii Podlaskiej z naszymi zagranicznymi partnerami jest nie tylko systematycznie wzrastająca liczba studentów i pracowników biorących udział w wymianie, ale także wspólne przedsięwzięcia naukowe, których przykładem jest międzynarodowe seminarium internetowe na temat „Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich”. W historii Akademii Podlaskiej jest to pierwsza tego typu konferencja naukowa zorganizowana przez Pracownię Lingwistyki Porównawczej Instytutu Filologii Polskiej. Odbyła się ta konferencja internetowa pod koniec lutego 2009 roku. Udział w niej brali wybitni lingwiści z dziewięciu krajów europejskich, w tym także dwie uczestniczki z naszych uczelni partnerskich: Pani Profesor Irena Stramljič-Breznik (Universi-

ty of Maribor, Slovenia) oraz Pani Docent PhD Ivana Bozděchová (Charles University of Prague, Czech Republic). Jest to bardzo cenna inicjatywa sprzyjająca rozwojowi i umacnianiu kontaktów naukowych z zagranicznymi partnerami.

Teksty poddane pod naukową dyskusję na konferencji internetowej zostały opublikowane przez Wydawnictwo Akademii Podlaskiej w postaci tomu zbiorowego, dzięki czemu wszyscy zainteresowani problemem internacjonalizacji językowej mają szansę na głębsze poznanie tego problemu.

Informacja o autorach i recenzentach

AUTORZY:

Natalia Avina – dr, docent, Katedra Filologii Rosyjskiej i Dydaktyki, Uniwersytet Pedagogiczny w Wilnie (Wilno, Litwa).

Cvetanka Avramova – dr, główny asystent Katedry Językoznawstwa Słowiańskiego, Sofijski Uniwersytet im. Św. Klemensa Ohrydzkiego; członkini Komisji Słotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów (Sofia, Bułgaria).

Renate Belentschikow – dr hab., profesor Instytutu Języków Obcych Uniwersytetu im. Otto von Guericke, członek Zarządu Międzynarodowej Asocjacji Nauczycieli Języka Rosyjskiego i Literatury Rosyjskiej (МАПРЯЛ); członkini Komisji Słotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów (Magdeburg, Niemcy).

Ivana Bozděchová – Doc. PhD, Katedra Języka Czeskiego i Teorii Komunikacji Wydziału Filozoficznego, Uniwersytet Karola; członkini Komisji Słotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów (Praga, Czechy).

Jewgenija A. Karpilovskaja – dr hab., profesor, p.o. Kierownika Oddziału Lingwistyki Strukturalno-Matematycznej Instytutu Językoznawstwa im. A.A. Potebni Nacjonalnej Akademii Nauk Ukrainy, Kijów; członkini Komisji Słotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów (Kijów, Ukraina).

Nina F. Kłymenko – dr hab., członek korespondent Nacjonalnej Akademii Nauk Ukrainy, główny pracownik naukowy Oddziału Lingwistyki Strukturalno-Matematycznej Instytutu Językoznawstwa im. A.A.Potebni NAN Ukrainy, profesor Katedry Neohellenistyki Państwowego Uniwersytetu im. T.G. Szewczenki; członkini Komisji Słotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów (Kijów, Ukraina).

Elena I. Koriakowcewa – dr hab., profesor Akademii Podlaskiej, Kierownik Pracowni Lingwistyki Porównawczej Instytutu Filologii Polskiej AP; sekretarz

naukowy Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów (Siedlce, Polska).

Aleksander A. Łukaszaniec – dr hab., profesor, członek korespondent Narodowej Akademii Nauk Białorusi, Dyrektor Instytutu Języka i Literatury im. Jakuba Kołasa Narodowej Akademii Nauk Białorusi; Przewodniczący Międzynarodowego Komitetu Słowistów, Przewodniczący Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów (Mińsk, Białoruś).

Elena G. Łukaszaniec – dr, profesor Katedry Językoznawstwa Ogólnego Mińskiego Państwowego Uniwersytetu Lingwistycznego (Mińsk, Białoruś).

Galina P. Nieszczymenko – dr hab., profesor, główny pracownik naukowy Instytutu Słowianoznawstwa Rosyjskiej Akademii Nauk; członkini Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów (Moskwa, Rosja).

Aleksander V. Petrov – dr, docent Katedry Językoznawstwa Rosyjskiego i Ogólnego Taurydzkiego Uniwersytetu Państwowego im. V.I. Vernadzkiego (Symferopol, Ukraina).

Luiza A. Petrova – dr hab., docent Katedry Filologii Rosyjskiej Krymskiego Państwowego Uniwersytetu Industrialno-Pedagogicznego (Symferopol, Ukraina).

Łarisa V. Racyburskaja – dr hab., profesor, Kierownik Katedry Współczesnego Języka Rosyjskiego, Państwowy Uniwersytet im. N.I. Łobaczewskiego (Niżny Nowgorod, Rosja).

Irena Stramljič-Breznik – dr hab., profesor Katedry Języków i Literatur Słowiańskich Wydziału Filozoficznego Uniwersytetu w Mariborze; członkini Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów (Maribor, Słowenia).

Krystyna Waszakowa – profesor zw. dr hab., Kierownik Zakładu Budowy Gramatycznej Współczesnego Języka Polskiego Instytutu Języka Polskiego, Uniwersytet Warszawski; członkini Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów (Warszawa, Polska).

RECENZENCI

Krystyna Kleszczowa – profesor zw. dr hab., Zastępca Przewodniczącego Komitetu Językoznawstwa Polskiej Akademii Nauk, Kierownik Zakładu Leksykologii i Semantyki Instytutu Języka Polskiego, Wydział Filologiczny Uniwersytetu Śląskiego; członkini Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów, (Katowice, Polska).

Jadwiga Stawnicka – dr hab., profesor, Kierownik Zakładu Rosyjskiego Języka Biznesu Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej, prodziekan Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Śląskiego (Katowice, Polska).